

Biogr.

3284

た

Biogr. 3284^t

Влост. 32846

РОБЕРТЪ ГРИНЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Николая Стороженка.

He was of singular pleasance, the
verye supporter and to no man's dis-
grace be this intended the only come-
dian or a vulgar writer in this country.

(Четтль о Гринъ въ *Kind-hartes Dre-
ame*, L. 1593.)

МОСКВА.

Типографія К. Индриха, на Срѣтенкѣ, д. Карлони.

1878.

164

Н

ROBERT LYND

Greene

ЕТО ЖЕНЪНЪ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ

КРИТИЧЕСКОЕ ИСЛѢДОВАНИЕ

М. И. КОЗЛОВЪ

He was of singular pleasant, the
very supporter and to no man's dis-
tance he this intended the only come-
dian or a vulgar writer in this country.
He was of singular pleasant, the
very supporter and to no man's dis-
tance he this intended the only come-
dian or a vulgar writer in this country.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

МОСКВА

Типография К. Н. Павлова, на Охотномъ, д. Кабановъ

1878

797/75/7559

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.....	I
I. Глава. Свѣдѣнія о жизни Грина.....	1
II. Глава. Критико-библіографическій обзоръ прозаическихъ сочи- неній Грина.....	41
III. Глава. Гринъ, какъ драматургъ.....	119
IV. Глава. Гринъ и Шекспиръ.....	183
Примѣчанія.....	1—34
Документы.....	35—36

ОТВАРЖЕНІЕ

I	Примечаніе
I	I. Планъ Свѣдѣній о жизни Третьякова
	II. Планъ Историко-географическій о жизни Третьякова
45	III. Планъ Третьякова
119	IV. Планъ Третьякова
181	Примечаніе
24	Примечаніе
35—36	Примечаніе

ПАМЯТИ

Осипа Максимовича

БОДЯНСКАГО

БЛАГОГОВѢЙНО

ПОСВЯЩАЕТЪ

Авторъ.

2 лон Вр!!

П Т Р М А П

О С Н О В Н О М М О М Е Н Т Е

Б О Д Я Н О К А Л О

В Л А Т О Л О В Р И Н О

П О С В Я Щ Е Н И Е

В а т о р .

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ предисловіи къ моему первому труду (*), посвященному обзору драматической дѣятельности Лилли и Марло, я выразилъ надежду издать въ непродолжительномъ времени его продолженіе, которое должно было обнять дѣятельность второстепенныхъ драматурговъ, развившихся подъ вліяніемъ Лилли и Марло, преимущественно послѣдняго, и служащихъ, такъ сказать, связующимъ звеномъ между ними и Шекспиромъ. Когда я приступилъ къ изученію драматическихъ произведеній важнѣйшаго изъ нихъ, *Роберта Грина*, то вскорѣ имѣлъ случай убѣдиться, что для полной характеристики его личности и литературной дѣятельности необходимо принять въ расчетъ его многочисленныя прозаическія произведенія, по характеру своему весьма родственныя его драмамъ. Во время моей двукратной поѣздки въ Англію я имѣлъ случай изучить въ хронологическомъ порядкѣ всѣ памфлеты Грина, и если результаты этого изученія не вполнѣ оправдали возложенныя на нихъ надежды, то во всякомъ случаѣ они дали твердую почву для дальнѣйшихъ изслѣдова-

(*) Предшественники Шекспира. Спб. 1872 г.

ній. Кромѣ того внимательное изученіе прозаическихъ произведеній Грина привело меня къ заключенію, что большая часть ошибочныхъ взглядовъ, нерѣдко попадающихся въ трудахъ нѣмецкихъ и даже англійскихъ ученыхъ, имѣютъ свой источникъ въ недостаточномъ знакомствѣ ихъ авторовъ съ литературной дѣятельностью Грина во всемъ ея объемѣ. Такъ какъ во время моей работы постоянно приходилось считаться съ этими взглядами, то мое изслѣдованіе само собою получило *критическій* характеръ.

Предлагая на судъ читателей настоящее изслѣдованіе, которое есть ничто иное какъ одинъ отдѣлъ изъ втораго тома *Предшественниковъ Шекспира*, я считаю нравственнымъ долгомъ сознаться, что оно не одинаково обработано во всѣхъ частяхъ, что, побуждаемый внѣшними обстоятельствами, я издаю его далеко не въ томъ видѣ, какъ первоначально желалъ.

Влогт. 3284 t

ГЛАВА I.

Свѣдѣнія о жизни Р. Грина. (¹)

Рожденіе и воспитаніе. Кѣмбриджскій университетъ. Путешествіе за границу. Возвращеніе на родину и первые литературные труды. (Love Ramphlets). Гринъ начинаетъ работать для театра. Женитьба и разлука съ женой. Возвращеніе въ Лондонъ. Новыя произведенія и возрастающая популярность Грина. Его литературные покровители, друзья и враги. Крутой поворотъ въ его литературной дѣятельности: обличительные памфлеты. Послѣдніе годы жизни Грина. Сближеніе съ Марло. Гринъ въ кружкѣ скептиковъ и вольнодумцевъ. Раскаяніе и смерть. Отзывы о немъ современниковъ. Робертъ Гринъ, какъ нравственный характеръ.

Робертъ Гринъ былъ родомъ изъ городка Норрича въ графствѣ Норфолькъ и происходилъ изъ весьма почтеннаго и достаточнаго дворянскаго семейства (²). Годъ его рожденія въ точности неизвѣстенъ, но судя по тому, что онъ поступилъ въ университетъ въ 1575 г., а вышелъ оттуда со степенью бакалавра въ 1578 (³), можно съ нѣкоторой достовѣрностью полагать, что онъ родился около 1560 г., стало быть былъ на нѣсколько лѣтъ старше Марло и Шекспира (⁴). Равнымъ образомъ неизвѣстно гдѣ онъ получилъ первоначальное образованіе; болѣе чѣмъ вѣроятно, что онъ не миновалъ грамматической школы (*grammar school*) своего роднаго городка, откуда 26 ноября 1575 г. былъ зачисленъ студентомъ въ коллегію св. Іоанна въ Кѣмбриджѣ. Англійскіе университеты въ эпоху Елисаветы находились далеко не въ блестящемъ положеніи. Величественные сна-

ружи, снабженные всѣмъ необходимымъ для успѣха научныхъ занятій, они таили внутри себя слѣды недавнихъ бурь и нравственнаго одичанія. Теологическій духъ, рутинна въ преподаваніи, отсутствіе нравственной дисциплины — вотъ наиболѣе выдающіяся черты внутренней жизни Оксфорда и Кэмбриджа въ эпоху Елисаветы. Историкъ англійскихъ университетовъ, Губеръ, говоритъ, что нравы учащейся молодежи въ Оксфордѣ отличались крайней распущенностью, отсутствіемъ всякой порядочности и благочестія (3). Кэмбриджъ едва-ли далеко отстоялъ въ этомъ отношеніи отъ Оксфорда. Если вѣрить Грину, то пребываніе въ Кэмбриджѣ имѣло весьма пагубное вліяніе на его характеръ: «вращаясь въ обществѣ такихъ же сорванцевъ, какимъ я былъ самъ, (писалъ впослѣдствіи Гринъ въ своемъ *Repentance*) я погубилъ цвѣтъ моей юности.» Тѣже гуляки-товарищи подбили Грина отправиться по окончаніи университета за границу, въ Италію и Испанію подъ благовиднымъ предлогомъ дополнить свое образованіе, а на самомъ дѣлѣ, чтобъ увидѣть свѣтъ и пожуировать жизнью. Есть основаніе думать, что этотъ проэктъ не встрѣтилъ особеннаго сочувствія со стороны отца Грина; въ противномъ случаѣ Грину не зачѣмъ было бы прибѣгать къ различнымъ ухищреніямъ (*cunning sleights*), чтобъ добыть у отца необходимыя для путешествія деньги. Въ тѣ времена путешествіе на континентъ, особливо въ Италію, помимо значительныхъ издержекъ, сопряженныхъ съ нимъ, пугало родителей представленіемъ той бездны нравственной распущенности, въ которой, по ихъ мнѣнію, непременно должно было погибнуть неопытное сердце юноши. Реакція противъ итальянской культуры уже начиналась въ англійскомъ обществѣ: всѣмъ были памятны слова престарѣлаго педагога Роджера Ашэма, который еще въ 1570 г. предостерегалъ своихъ соотечествен-

никовъ противъ чаръ этой новой Цирцеи и въ подтвержденіе приводилъ примѣры изъ жизни своихъ друзей, которые, отправившись въ Италію благочестивыми и богобоязненными, возвращались оттуда болѣе превращенными, нежели они были бы, попавъ къ настоящей Цирцеѣ (6).

Заграничная жизнь Грина—насколько мы знаемъ ее изъ его собственныхъ признаній—повидимому вполне оправдывала опасенія его отца. Начать съ того, что, очутившись на свободѣ, съ туго набитымъ кошелькомъ, безхарактерный и неопытный юноша, которому можетъ еще не было полныхъ двадцати лѣтъ (7), не замедлилъ подпасть подъ вліяніе своихъ товарищей по путешествію, людей веселаго нрава, страшныхъ кутилъ, впрочемъ добрыхъ малыхъ, которые принялись просвѣщать его по своему и которымъ онъ изъ всѣхъ силъ стремился подражать. Безпутная жизнь въ обществѣ такихъ пріятелей оставила самое позорное воспоминаіе въ души Грина; въ своемъ *Repentance* онъ съ сокрушеннымъ сердцемъ сознается, что за границей предавался такимъ порокамъ, о которыхъ отвратительно вспомнить. Естественнымъ послѣдствіемъ такой бѣшеной жизни было временное пресыщеніе и разочарованіе. Въ концѣ XVI в. было не мало англичанъ, которые, вкусивъ за границей плодовъ утонченной жизни и пресытившись ея наслажденіями, по возвращеніи домой корчили изъ себя разочарованныхъ, находили дурнымъ и грубымъ все родное и рѣшительно не знали, что съ собою дѣлать. Одинъ изъ такихъ типовъ выведенъ Шекспиромъ въ *Какъ вамъ угодно* подъ видомъ меланхолика Жака. Гринъ возвратился изъ своихъ странствованій, зараженный той-же модной нравственной болѣзью. Съ скучающимъ видомъ онъ бродилъ по лондонскимъ улицамъ въ своемъ дорогомъ шолковомъ костюмѣ, не могъ приняться ни за что, потому что никакая профессія его не

удовлетворяла (⁸). Впрочемъ такое безотрадное и, прибавимъ, на половину напускное настроеніе духа, не могло водвориться надолго въ живой и подвижной натурѣ Грина, требовавшей прежде всего жизни, дѣятельности и смѣны разнообразныхъ впечатлѣній. вмѣсто того чтобъ закоснѣть въ своей раззочарованности и апатіи, Гринъ отправляется въ Кэмбриджъ, пишетъ тамъ свой первый памфлетъ *Маммилля* (въ двухъ частяхъ) и готовится къ магистерскому экзамену. Неизвѣстно, вслѣдствіе какихъ причинъ Гринъ потерпѣлъ неудачу съ своимъ первымъ произведеніемъ, первая часть котораго увидѣла свѣтъ только въ началѣ 1583, т. е. три года послѣ упоминанія ея въ *Registers of the Stationer's Company of London*; но за то ученныя занятія Грина шли весьма успѣшно: 1 Юля 1583 онъ былъ удостоенъ кэмбриджскимъ университетомъ высшей ученой степени магистра искусствъ (*Master of Arts*). Получивъ степень, дававшую ему до нѣкоторой степени право на почетное положеніе въ обществѣ, Гринъ отправился въ Лондонъ, чтобъ всецѣло посвятить себя литературной дѣятельности. Первое время онъ работаетъ весьма усердно, и изъ его плодovitаго пера выходитъ съ поразительной быстротой рядъ произведеній, которыя онъ самъ окрестилъ именемъ *любvныхъ памфлетовъ* (*Love Pamphlets*), потому что ихъ содержаніе вертится почти исключительно на изображеніи любви, ея радостей и страданій. Таковы — *Mirror of Modestie*, *Morando*, *Arbasto*, *King of Denmark* и *Gwidonius or the card of I'ancie*, всѣ написанные въ 1583 и 1584 г. Въ слѣдующемъ году къ занятіямъ литературой Гринъ присоединилъ занятіе медициной: подъ однимъ весьма объемистымъ памфлетомъ его, изданнымъ въ 1585, мы находимъ подпись — *R. Greene, Master of arts and Student in Phisique*. Но даже такая лихорадочная дѣятельность не могла вполне наполнить кипучей

натуры Грина, и его злой демонъ—безпокойное воображеніе—не рѣдко совращало его съ пути труда и науки на веселое поприще разгула и оргій, которое онъ проходилъ въ обществѣ своихъ товарищей по профессіи, жившихъ также литературнымъ трудомъ и, подобно ему, прожигавшихъ жизнь. Какъ ни много зарабатывалъ Гринъ своими памфлетами, но при безпутной жизни, которую онъ велъ, всего этого оказывалось недостаточно, и ему нужно было искать другихъ средствъ къ жизни. Случай свелъ его съ актерами, которые тотчасъ смекнули, какую пользу можно извлечь изъ такого таланта какъ Гринъ и пригласили его работать для театра, обѣщая большой заработокъ (⁹). Гринъ принялъ предложеніе и нужно полагать, что съ этихъ поръ матеріальное положеніе его нѣсколько улучшилось, ибо хотя кошелекъ его напоминалъ (по его собственному выраженію) море съ его приливами и отливами, все-таки онъ нуждался рѣже, получая хорошее вознагражденіе за свои труды. Но что выигралъ Гринъ въ матеріальномъ отношеніи, то проигралъ въ нравственномъ: вращаясь въ разгульной компаніи актеровъ, онъ все болѣе и болѣе погружался въ омутъ безпутной жизни. Съ трудомъ вѣрится, чтобъ такая жизнь могла удовлетворить Грина, чтобъ угаръ чувственности могъ совершенно заглушить идеальные порывы его духа. Произведенія его свидѣлствуютъ, что подчасъ его брало горькое раздумье и онъ былъ близокъ къ раскаянію; но эти благія намѣренія, при недостаткѣ выдержки въ характерѣ Грина и пагубномъ вліяніи среды, такъ и оставались намѣреніями, не переходя въ дѣло. Въ своемъ *Repentance* Гринъ рассказываетъ случай, прекрасно характеризующій его самого и то общество, въ которомъ онъ вращался. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ на родину, въ Норричъ, Гринъ зашелъ въ церковь св. Андрея, чтобъ послу

шать мѣстнаго проповѣдника, котораго онъ уважалъ. Горячее слово вдохновеннаго оратора, призывавшаго людей къ болѣе чистой жизни и яркими красками изображавшаго судьбу нераскаяннаго грѣшника, произвело сильное впечатлѣніе на Грина. Совѣсть заговорила въ немъ; страхъ божьяго суда объялъ его душу; ему стала противна безпутная жизнь; онъ рѣшился навсегда покончить съ своимъ прошедшимъ и обратиться на путь истинный. «Боже—внутренно молился онъ—сжался надо мной; дай мнѣ силу сдѣлаться новымъ и лучшимъ человѣкомъ!» Въ такомъ благочестивомъ настроеніи онъ возвратился въ Лондонъ и поразилъ пріятелей грустно-сосредоточеннымъ выраженіемъ своего лица. Спрошенный о причинѣ такой непонятной перемѣны, Гринъ откровенно рассказалъ, что съ нимъ случилось и что онъ намѣренъ дѣлать. Разумѣется, гуляки подняли его на смѣхъ, прозвали пуританиномъ, говорили, что на общій счетъ устроятъ для него кафедру, съ которой онъ можетъ сколько душъ угодно призывать людей къ покаянію и т. д. Слабохарактерный Гринъ спасовалъ передъ насмѣшками; прекрасный порывъ пропалъ безслѣдно—и все пошло по старому.

Одно время впрочемъ казалось, что этой безпутной жизни насталъ конецъ. Гринъ полюбилъ прекрасную дѣвушку, дочь одного сквайра изъ Линкольншира, по имени Доротею, которая отвѣчала ему взаимностью. Свадьба ихъ состоялась въ концѣ 1585 г. или началѣ 1586. Новая жизнь, поѣздка съ молодой женой на родину, гдѣ они по всей вѣроятности провели краткій періодъ своего супружескаго счастья (¹⁰) на время отвлекли Грина отъ его занятій литературой; по крайней мѣрѣ въ продолженіе всего 1586 г. онъ отдалъ въ печать только одну повѣсть, — именно вторую часть *Morando*. Въ слѣдующемъ году супруги разошлись, чтобъ никогда болѣе не встрѣчаться: она уѣхала къ себѣ въ Лин-

кольнширъ, а Гринъ въ Лондонъ. Что же была за причина разрыва Грина съ любимой женщиной, союзъ съ которой повидимому обѣщалъ ему тихую пристань и прочное семейное счастье? Самъ Гринъ въ *Repentance* даетъ на этотъ счетъ хоть краткія, но за то весьма важныя указанія (¹¹); по нашему мнѣнію, ихъ стоитъ только развить, чтобы мгла, окружающая это прискорбное событіе его жизни, разсѣялась. Прежде всего замѣтимъ, что такія порывистыя сангвиническія натуры, какъ Гринъ, рѣдко бываютъ способны, особливо въ молодости, къ тихой семейной жизни. Не то чтобъ натуры подобнаго закала были не въ состояніи понять поэзіи семейнаго счастья; лирическія стихотворенія Грина доказываютъ намъ совершенно противное (¹²); но ихъ безпокойное воображеніе, привыкшее къ сильнымъ и страстнымъ возбужденіямъ, не можетъ удовлетвориться монотоннымъ теченіемъ семейной жизни; имъ просто становится душно въ семьѣ, и они рвутся на просторъ, безжалостно разбивая чужое счастье. Какъ ни старался Гринъ сладить съ своимъ безпокойнымъ воображеніемъ, (мы не сомнѣваемся, что разрывъ съ женой стоилъ ему борьбы, хотя онъ и не упоминаетъ объ этомъ) въ концѣ концовъ онъ былъ побѣжденъ. Прежніе буйные инстинкты, временно подавленные, забушевали въ его душѣ съ новой силой; потребность страстно-возбужденнаго состоянія сдѣлалась неодолимой потребностью и заглушила голосъ долга и благоразумія. Грина, что называется, прорвало: онъ сталъ убѣгать изъ дому и вести прежнюю жизнь. Весьма возможно, что по прошествіи пароксизма Гринъ самъ явился бы къ женѣ съ повинной и старался бы любовью и вниманіемъ заслужить свои вины передъ нею. Такъ обыкновенно поступаютъ эти страстныя сангвиническія натуры, не рѣдко соединяющія въ себѣ дикіе, неукротимые порывы съ самой

преданной любовью и нѣжностью. Разъ умная женщина пойметъ такую натуру, она будетъ знать какъ дѣйствовать съ мужемъ, не унижая и не раздражая его. Къ сожалѣнію жена Грина не поняла натуры своего мужа. Она была возмущена его поведеніемъ и стала упрекать его со всѣмъ негодованіемъ честнаго сердца. Гринъ не выдержалъ этихъ постоянныхъ семейныхъ сценъ и совсѣмъ покинулъ жену и новорожденного ребенка, предварительно промотавъ ея приданое.

Гринъ возвратился въ Лондонъ не такимъ неизвѣстнымъ авторомъ, какимъ онъ прибылъ туда три года назадъ изъ Кэмбриджа. Теперь онъ имѣлъ имя въ литературѣ; произведенія его были въ модѣ и покупались на расхватъ; книгопродавцы и издатели другъ передъ другомъ старались обезпечить за собой его сотрудничество. — Желая удовлетворить ихъ заказамъ, Гринъ писалъ много, хотя, конечно, при быстротѣ работы, не имѣлъ возможности тщательно отдѣлывать свои произведенія. — Томасъ Нашъ, близкій пріятель Грина и очевидецъ его лондонской жизни, такъ характеризуетъ плодovitость Грина и быстроту его работы: «въ одни сутки онъ могъ настрочить любой памфлетъ также хорошо какъ и въ семь лѣтъ и счастливымъ считалъ себя издатель, если могъ дорого заплатить за эти поддонки его остроумія» (13). Необыкновенной быстротой работы Грина и объясняется тотъ фактъ, что въ три года своего пребыванія въ Лондонѣ (1586—1589) онъ могъ написать девять большихъ любовныхъ памфлетовъ, не считая театральныхъ пьесъ, сочиненіе которыхъ сдѣлалось въ послѣднее время его лондонской жизни его постояннымъ занятіемъ. Жизнь онъ велъ по прежнему самую безпутную. Поклонники его таланта, принадлежавшіе, по собственному выраженію Грина, къ разряду людей безпутныхъ, были его посто-

янными товарищами и не довольствуясь кутежами въ тавернахъ, по цѣлымъ днямъ бражничали у него на дому.

Благодаря господствовавшему въ то время въ средѣ писателей обычаю посвящать свои произведенія вельможамъ, игравшимъ роль меценатовъ, мы можемъ назвать почти всѣ лица, которыя оказывали свое покровительство Грину. Во главѣ ихъ нужно поставить фамилію лордовъ Дэрби, которая одна изъ первыхъ пригрѣла Грина, когда онъ явился въ Лондонъ искать себѣ занятій. Лэди Маргаритѣ Дэрби посвятилъ Гринъ одно изъ своихъ раннихъ произведеній *Mirror of Modestie* 1584. Другому члену этой фамиліи, оказавшему такъ много услугъ литературѣ, Фердинанду Стэнли, впослѣдствіи пятому лорду Дэрби, Гринъ посвятилъ свой извѣстный памфлетъ *Ciceronis Amor, Tullius Love* ⁽¹⁴⁾. Кромѣ семейства Дэрби Грину оказывали вниманіе и покровительство графъ и графиня Комбэрлэндъ ⁽¹⁵⁾, Робертъ Кэри, графъ Монмутъ ⁽¹⁶⁾, лордъ и лэди Фицвотеръ, земляки Грина и давнишніе покровители его семействъ ⁽¹⁷⁾, графы Лейстеръ, Арондель, Эссексъ ⁽¹⁸⁾ и др. Опираясь на сочувствіе и поддержку такихъ могущественныхъ лицъ, другой на мѣстѣ Грина съумѣлъ бы воспользоваться выгодами своего положенія и сдѣлать свою карьеру или по крайней мѣрѣ обезпечить себя и семью въ матеріальномъ отношеніи; но беззаботный Гринъ былъ рѣшительно неспособенъ извлечь пользу изъ своего знакомства съ сильными міра сего; всѣ честолюбивыя мечты его ограничивались, по словамъ Наша, желаніемъ имѣть въ своемъ кошелькѣ чары, съ помощью которыхъ онъ могъ бы во всякое время вызвать на столъ добрую кружку вина ⁽¹⁹⁾.

На основаніи хвалебныхъ стиховъ, предпосланныхъ почти каждому памфлету Грина друзьями и почитателями его таланта, мы можемъ заключить, что съ Гриномъ были особенно близки слѣдующія лица:

1) *Роджеръ Портингтонъ*, землякъ Грина ⁽²⁰⁾ и восторженный поклонникъ его таланта. Первой части Мамиліи онъ предпослалъ хвалебное стихотвореніе (*In commendation of the booke*), въ которомъ сравнивалъ Грина съ Цицерономъ и утверждалъ, что его Мамиллія совершенно затмила собой краснорѣчіе Французовъ. Тому-же лицу принадлежитъ латинское стихотвореніе (*In laudem auctoris*), которымъ открывается намфлетъ Грина *Gwidonius the carde of Fancie*. Гринъ не остался въ долгу: онъ посвятилъ вторую часть Мамиліи Роберту Ли ⁽²¹⁾ и Р. Портингтону, назвавъ ихъ въ посвященіи своими особенными друзьями (*especiall friends*).

2) *G. B. Cantabrigiensis*, какъ онъ подписался подъ своимъ стихотвореніемъ, одинъ изъ друзей молодости Грина, и его товарищъ по Кэмбриджу. Первой части Мамиліи, изданной въ 1583 г., по написанной двумя годами раньше, онъ предпослалъ хвалебное стихотвореніе (*In praise of the author and his booke*). Должно полагать, что дружескія ихъ отношенія длились много лѣтъ, потому что подпись его мы встрѣчаемъ еще подъ двумя стихотвореніями въ честь Грина, изъ которыхъ одно предпослано Альцидѣ, написанной въ 1588 г. а другое *Ciceronis Amor*, вышедшей въ свѣтъ въ 1589 г.

3) *Джонъ Элліотъ* — авторъ предпосланнаго намфлету *Peremides, the Blacksmith* 1588 г. французскаго сонета въ честь Грина, въ которомъ называетъ себя другомъ Грина — извѣстенъ въ литературѣ сочиненіемъ *Orthoepia Gallica London* 1593 и переводомъ съ французскаго трактата Делока *Discourses of War and single combat* ⁽²²⁾.

4) *Томасъ Барибби* былъ одинъ изъ преданнѣйшихъ друзей Грина, не разъ выручавшій его въ трудныя минуты жизни ⁽²³⁾. Ему посвятилъ Гринъ *Never to Late* и *A Quip*

for an an upstart courtier, назвавши себя въ посвященіи его приємномъ сыномъ (*your dutifull adopted sonne*). Т. Барнби написалъ два стихотворенія въ честь Грина; подъ первымъ изъ нихъ, предпосланнымъ Менафону, онъ подписался анаграммой *Thomas Brabine*; подъ послѣднимъ — *Thomas Burneby Esq.*

5) *Томасъ Нашъ*, знаменитый сатирическій писатель, началъ свое литературное поприще извѣстнымъ предисловіемъ къ Менафону Грина 1589. Познакомившись съ Гриномъ въ Кэмбриджѣ, Нашъ былъ близкимъ человѣкомъ Грину до самой смерти послѣдняго, а послѣ смерти защищалъ память своего друга отъ нападокъ и клеветъ Гарвея.

6) *Томасъ Ватсонъ*, написавшій латинское стихотвореніе въ честь Грина въ *Ciceronis Amor L.* 1589, былъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ лирическихъ поэтовъ того времени. Его называли англійскимъ Петраркой. Особенно цѣнилось собраніе его сонетовъ въ духѣ Петрарки, *The Passionate Centure of Love*, написанное къ воображаемой красавицѣ и вышедшее въ свѣтъ въ 1582 г.

7) *Томасъ Лоджъ*, авторъ Розалинды, откуда Шекспиръ заимствовалъ сюжетъ *As you like it*, былъ въ продолженіе многихъ лѣтъ искреннимъ другомъ Грина. Въ 1589 онъ предпослалъ памфлету Грина *The Spanish Masquerado* прекрасный французскій сонетъ, въ которомъ называлъ Грина *mon doux ami*. Извѣстно, что онъ написалъ вмѣстѣ съ Гриномъ пьесу *A looking Glass for London and England*, которая была представлена 9 марта 1591 труппой Лода Стрэнжа⁽²⁴⁾. — Когда въ томъ же году Лоджу предстояло отправиться въ Вестъ-Индію, онъ поручилъ Грину издать свой памфлетъ *Euphues Shadow*, который и былъ изданъ Гриномъ въ 1592.

8) *Джоржъ Пилъ*, поэтъ и драматургъ, повидимому былъ

изъ числа ближайшихъ друзей Грина, хотя подробности ихъ отношеній неизвѣстны. Гринъ не забылъ о немъ въ предсмертныя минуты и заклиналъ его раскаяться, перестать богохульствовать, пьянствовать и писать пьесы.

9) *Кристоферъ Марло*, величайшій изъ драматурговъ, предшествовавшихъ Шекспиру, сошелся съ Гриномъ только въ послѣдніе годы его жизни. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что отношенія ихъ до того времени были весьма не хороши, что завистливый Гринъ не могъ простить Марло его блестящихъ успѣховъ на драматическомъ поприщѣ. По крайней мѣрѣ въ предисловіи къ своему *Peremides, the Blacksmith* 1588, Гринъ помѣстилъ весьма прозрачныя и, прибавимъ, недостойныя намеки на Марло, назвалъ его произведенія «нечестивыми обращиками невыносимой поэзіи,» смѣялся надъ введеннымъ Марло бѣлымъ стихомъ ⁽²⁵⁾, а пріятель его Т. Нашъ, написавшій въ слѣдующемъ году предисловіе къ Гринову Менафону, не упустилъ удобнаго случая задѣть его счастливаго соперника ⁽²⁶⁾, конечно съ цѣлью сдѣлать этимъ пріятное Грину. Когда затѣмъ произошло сближеніе Грина и Марло, скоро перешедшее въ тѣсную дружбу, мы не знаемъ, но несомнѣнно, что въ послѣдніе годы своей жизни Гринъ былъ изъ числа тѣхъ близкихъ къ Марло людей, которымъ этотъ послѣдній повѣрялъ свои душевныя раціоналистическія убѣжденія. Въ своей авторской исповѣди, составляющей послѣсловіе *Groatworth of Wit*, Гринъ называетъ своего друга славнымъ любимцемъ трагиковъ и вспоминая свои бесѣды, съ нимъ, умоляетъ его измѣнить свой пагубный образъ мыслей.

Кромѣ вышепоименованныхъ лицъ, дружба которыхъ къ Грину засвидѣтельствована современниками и собственными произведеніями Грина, подъ стихотвореніями въ честь его мы встрѣчаемъ подписи еще нѣсколькихъ болѣе или менѣе близкихъ пріятелей его: Ричарда Гэка (*Richard Hake*), какого-то

джентльмэна Боба (*Bubb, gentleman*), магистра Генри Гэля (*Henry Gale M. A.*), джентльмэна Генри Апчера (*Henry Uphear gentleman*), сквайра Эдварда Рэнсфорда (*Edward Rainsford, Esquire*), Ральфа Сэдлея (*Ralph Sidley*), Эдварда Перси (*Edward Percy*, джентльмэна Джоржа Миреса (*Geary Meares, gentleman*) и Стэпльтона (*Stapleton*), имена которыхъ, за исключеніемъ послѣдняго ⁽²⁷⁾, совершенно неизвѣстны въ литературѣ. Такое почтенное количество друзей и пріятелей конечно свидѣтельствуешь о сообщительной и симпатичной натурѣ Грина, производившей обаятельное впечатлѣніе въ обществѣ (не даромъ Четтль называетъ его истиннымъ заводчикомъ веселья), но вмѣстѣ съ тѣмъ заставляетъ подозрѣвать въ немъ самомъ положительную неспособность сосредоточить свою привязанность на нѣсколькихъ избранныхъ личностяхъ. Мы увидимъ въ послѣдствіи, какъ жестоко заплатилъ Гринъ за это свойство своего характера, какъ по видимому любимый всѣми, имѣя такое множество друзей и пріятелей, онъ очутился въ роковую минуту своей жизни оставленный всѣми, одинокій и безпріютный....

Какъ человѣкъ выдающійся, самоувѣренный, остроумный и дерзкій на языкъ, Гринъ долженъ былъ имѣть не мало литературныхъ враговъ и завистниковъ, которые въ своихъ отзывахъ о немъ нерѣдко переходили предѣлы литературныхъ приличій, распуская о немъ различныя неблаговидныя сплетни. Вѣроятно въ этого рода людей мѣтитъ французское стихотвореніе Элліота, въ которомъ онъ совѣтуетъ Грину не обращать вниманіе на то, что говорятъ о немъ различныя Зоилы и Момусы, увѣряя, что никакія сочиненныя ими сплетни не могутъ повредить его доброму имени ⁽²⁸⁾. Кого именно разумѣетъ здѣсь Элліотъ рѣшить трудно, но не трудно назвать нѣсколькихъ лицъ, игравшихъ по отношенію къ Грину роль Зоиловъ и Момусовъ и которымъ онъ пла-

тилъ той-же монетой. Въ предисловіи къ *Mourning Garment* 1590 г. Гринъ намекаетъ на одного изъ такихъ завистниковъ и зубоскаловъ, способныхъ, по его выраженію, скорѣе *μωρησεται*, чѣмъ *μίμνησεται*. Когда въ слѣдующемъ году Гринъ издалъ памфлетъ *Farewell to Follie*, въ которомъ, равно какъ и въ предыдущемъ, онъ горько раскаивался въ своей прежней литературной дѣятельности и увѣрялъ читателей что отнынѣ онъ будетъ въ своихъ произведеніяхъ преслѣдовать нравственныя задачи, литературные враги Грина не повѣрили искренности его увѣреній. Одинъ изъ нихъ въ предисловіи къ своему памфлету *Martin Mar Sixtus*, вышедшему вслѣдъ за *Farewell to Follie*, не задумался причислить Грина къ лику современныхъ фарисеевъ, кричащихъ о своемъ раскаяніи *ut ab hominibus audiantur*. Къ 1591 и 1592 г. относится рядъ сатирическихъ памфлетовъ Грина, въ которыхъ онъ разоблачалъ плутни червонныхъ валетовъ того времени, извѣстныхъ подъ именемъ *Conny-catchers* (буквально: ловителей кроликовъ). Разоблаченіе это, сдѣланное такимъ компетентнымъ лицомъ какъ Гринъ, который въ продолженіи своей многолѣтней безпутной жизни имѣлъ случай не разъ встрѣчаться съ *Conny catcher*'ами въ различныхъ грязныхъ притонахъ Лондона, и могъ слышать отъ нихъ самихъ рассказы объ употребленныхъ ими под-ходцахъ, было конечно немаловажной заслугой передъ обществомъ, за которую Гринъ имѣлъ право рассчитывать на благодарность всякаго честнаго человѣка. Вышло однакожь не такъ. Литературные враги Грина воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ очернить его доброе имя. Одинъ изъ нихъ, прикрывшись псевдонимомъ *A Conny catcher* написалъ наивно-лукавый памфлетъ, въ которомъ рассказалъ одинъ изъ неблаговидныхъ поступковъ самого обличителя, состоящій въ томъ, что Гринъ продалъ свою пьесу *Orlando Fu-*

rioso сначала одной труппы актеровъ, а потомъ другой (²⁹). Злѣйшимъ изъ литературныхъ враговъ Грина былъ извѣстный педантъ и довольно бездарный поэтъ Габріэль Гарвей, жестоко осмѣянный Гриномъ въ его остроумномъ памфлетѣ *A Ouip for an upstart courtier* L. 1592. Даже послѣ смерти Грина, Гарвей продолжалъ преслѣдовать его своей ненавистью и всячески чернилъ его память, за что былъ осуждаемъ современниками, сравнивавшими его жестокость съ жестокостью Ахиллеса, влачившаго вокругъ Трои бездыханное тѣло Гектора (³⁰).

Выше было сказано, что около 1589 Гринъ былъ на высотѣ своей литературной извѣстности. Т. Нашъ свидѣтельствуешь, что памфлеты его высоко цѣнились на литературномъ рынкѣ, а другой пріятель Грина, Четль, увѣряетъ, что онъ былъ единственнымъ народнымъ комическимъ писателемъ своего времени. Но лишь только Гринъ достигъ того привилегированнаго положенія, о которомъ вѣроятно и не смѣлъ мечтать въ первое время своей лондонской жизни, какъ въ его душу закралось мучительное сомнѣніе относительно полезности своей литературной дѣятельности. Литературная извѣстность, ласки знатныхъ, восторги друзей и матеріальныя выгоды—всего этого было бы слишкомъ достаточно для другаго человѣка. Но Гринъ былъ неудовлетворенъ. Оказывается, что этотъ литературный поденщикъ, этотъ кутила, погрязшій въ омутѣ безпутной жизни, имѣлъ возвышенный взглядъ на задачи литературной дѣятельности. Истинный писатель представлялся ему не иначе какъ въ видѣ добраго учителя людей, помогающаго имъ выразумѣть глубокій смыслъ жизни. Когда Гринъ взглянулъ съ этой возвышенной точки зрѣнія на свои любовные памфлеты, писанные для забавы и развлечения публики, они показались ему не только бесполезными, но по-

ложительно вредными и даже грѣховными. Съ тѣхъ поръ онъ рѣшился измѣнить характеръ своей литературной дѣятельности и не писать ничего, что не было бы внушено нравственными и назидательными мотивами. Памфлетъ *Mourning Garment*, изданный въ 1590 г., онъ самъ считалъ первымъ плодомъ новаго направленія своей литературной дѣятельности (*first fruit of my new labours*). Вслѣдъ за нимъ вышло въ свѣтъ его *Farewell to Follie*, хотя и написанное раньше, но впервые изданное только въ 1591. Самъ Гринъ въ предисловіи характеризуетъ свое произведение, какъ *ultimum vale* заблужденіямъ юности. «Милые товарищи по наукѣ (говорилъ онъ, обращаясь къ оксфордскимъ и кэмбриджскимъ студентамъ), въ моей книгѣ вы найдете описаніе яда, отравляющаго годы нашей юности, но переверните страницу и вы тутъ же найдете и противоядіе. Держите въ своей памяти мою жизнь и пусть мои паденія и ошибки послужатъ вамъ предостереженіемъ. *Felix, quem faciunt aliena pericula cautum*.

Обращеніе Грина было болѣе серьезно, чѣмъ можно было ожидать, зная его легкомысленный характеръ. Онъ сдержалъ свое слово: со времени изданія *Mourning Garment* онъ не написалъ ничего въ духѣ своихъ прежнихъ любовныхъ памфлетовъ и сдѣлался исключительно обличительнымъ писателемъ (³¹). Драматичной дѣятельности впрочемъ онъ не оставилъ, въ чемъ впослѣдствіи горько раскаявался. Во время своей безпутной жизни въ Лондонѣ Грину нерѣдко приходилось спускаться въ самые низменные слои лондонскаго общества и водить компанію съ людьми весьма подозрительнаго свойства.—Есть извѣстіе, что Гринъ былъ въ связи и имѣлъ ребенка отъ женщины, братъ который, извѣстный *Cutting Ball*, впослѣдствіи повѣшенный, былъ главой шайки мошенниковъ (³²). Задумавъ сдѣлаться облич-

тельнымъ писателемъ, Гринъ рѣшилъ извлечь пользу изъ своего знакомства съ нравами этой подозрительной среды и написалъ рядъ памфлетовъ, въ которыхъ раскрылъ всѣ плутни, подходы, употребляемые шулерами и всякаго рода мошенниками для завлеченія въ свои сѣти неопытныхъ людей, преимущественно провинціаловъ. Обличительные памфлеты Грина, обративъ вниманіе общества и полиціи на одну изъ самыхъ опасныхъ язвъ лондонской жизни, не мало способствовали уменьшенію практики конникатчеровъ, и потому понятно, какое негодование они должны были возбудить въ ихъ средѣ. Въ предисловіи къ своему первому памфлету *The Notable Discovery of Conny-Catcher's Cozenage* Гринъ рассказываетъ, что лишь только они прослышали, что Гринъ готовитъ печатное разобличеніе ихъ плутней, они просили его отказаться отъ своего намѣренія, грозя въ противномъ случаѣ отрубить ему руку. Когда-же Гринъ, не испугавшись ихъ угрозъ, издалъ свой первый памфлетъ, они покусились на его жизнь. «Однажды—рассказываетъ Гринъ,—четырнадцать или пятнадцать человѣкъ изъ ихней шайки застигли меня поздно вечеромъ въ тавернѣ *St. John's Head* возлѣ *Ludgate Hill*, рассчитывая навѣрное погубить меня, но они ошиблись въ расчетѣ, ибо мою сторону приняли находившіеся тутъ добрые горожане и подмастерья. Двое или трое изъ нихъ тутъ же были отведены въ тюрьму, хотя къ сожалѣнію въ происшедшей свалкѣ былъ серьезно раненъ одинъ изъ сопровождавшихъ меня джентльменовъ. Не могу не сказать, что со времени изданія моего памфлета число конникатчеровъ, бродившихъ въ окрестностяхъ Лондона и Тайборна, значительно уменьшилось; но я не успокоюсь на достигнутыхъ результатахъ и сколько бы они мнѣ ни грозили своими испанскими кинжалами, я не испугаюсь ихъ угрозъ и буду преслѣдовать

ихъ до послѣдней возможности» ⁽³³⁾. Приведенное мѣсто показываетъ, что ремесло обличителя было не совсѣмъ безопасно въ то грубое время, что со стороны Грина нужно было много мужества, чтобъ не смущаясь угрозами, уже перешедшими въ дѣйствіе, продолжать на пользу общества свою обличительную дѣятельность.

Крутой поворотъ въ литературной дѣятельности Грина къ сожалѣнію не сопровождался соотвѣтственнымъ измѣненіемъ въ его образѣ жизни. — Выступивъ обличителемъ общественныхъ язвъ, Гринъ по привычкѣ продолжалъ свою прежнюю разгульную жизнь, чѣмъ давалъ оружіе противъ себя своимъ многочисленнымъ литературнымъ врагамъ. — Пьянство, кутежи, легкомысленное отношеніе къ религіи, по временамъ выражавшееся дерзкимъ богохульствомъ — вотъ пороки, въ которыхъ обвиняли Грина его враги и существованіе которыхъ онъ подтвердилъ своими собственными признаніями. Мы едва-ли будемъ далеки отъ истины, если припишемъ нѣкоторые изъ этихъ пороковъ (какъ напр. богохульство) вліянію Марло, съ которымъ Гринъ близко сошелся въ послѣдніе годы своей жизни. — Марло же слылъ за чловѣка крайнихъ раціоналистическихъ мнѣній, который по свѣдѣтельству современниковъ, не ограничиваясь устной пропагандой своихъ убѣжденій, писалъ цѣлые трактаты противъ религіи ⁽³⁴⁾. Пропаганда Марло не была одиночнымъ явленіемъ. Свѣдѣнія, идущія изъ разныхъ лагерей, въ одинъ голосъ говорятъ, что не только отдѣльныя личности, но и цѣлые кружки занимались распространеніемъ скептическихъ доктринъ, вторгавшихся въ послѣднее время въ Англію изъ континента ⁽³⁵⁾. Таковъ напр. былъ кружокъ, собиравшійся въ домѣ сэра Вальтера Рэля. Во главѣ этого кружка, названнаго однимъ современникомъ публичной школой атеизма, ⁽³⁶⁾ стоялъ знаменитый математикъ и астрономъ

Томасъ Гарріотъ, далеко опередившій свое время (³⁷). Известный противникъ театровъ, пуританинъ Госсонъ (³⁸), упоминаетъ о другомъ подобномъ же кружкѣ, называемомъ имъ проклятой шайкой (*the damned crew*).—Пріятель Грина, Т. Нашъ, совѣтуетъ проповѣдникамъ отложить на время всякія препирательства съ еретиками и сектантами и обратить свое вниманіе на пропаганду атеизма, потому что нѣтъ секты, болѣе распространенной въ Англіи, какъ секта атеистовъ (³⁹). Совѣтъ Наша былъ какъ нельзя болѣе кстати, потому что модныя скептическія чтенія стали проникать и въ среду самого духовенства (⁴⁰). Въ какой изъ вольнодумныхъ кружковъ Марло ввелъ своего пріятеля, неизвѣстно; по всей вѣроятности въ кружокъ, собиравшійся у сэра Вальтера (⁴¹), гдѣ царилъ Гарріотъ, передъ которымъ благоговѣлъ Марло (⁴²). Изъ сочиненій Грина не видно, чтобъ бесѣды съ Марло и его единомышленниками оставили глубокіе слѣды въ его душѣ, чтобъ онъ, подобно Марло, выработалъ себѣ цѣльную систему раціоналистическаго міросозерцанія. Преобладаніе мистическаго элемента въ его натурѣ надъ аналитическимъ было надежнымъ оплотомъ противъ крайностей скептическаго направленія. Все вольнодумство, вынесенное Гриномъ изъ посѣщенія собраній лондонскихъ *esprits forts* того времени, ограничивалось кощунственными бравадами надъ религіей, надъ воздаяніемъ въ будущей жизни, обращикъ которыхъ онъ приводитъ въ своемъ *Repentance* (⁴³). Мы увидимъ впослѣдствіи, что Гринъ былъ гораздо болѣе виновенъ въ атеизмѣ другаго рода, состоящемъ въ отрицаніи принциповъ нравственности и божественнаго начала въ жизни.

Безпутная жизнь, которую велъ Гринъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, должна была мало по малу подтачивать его организмъ. Сбылись предсказанія друзей, умолявшихъ его

бросить кутежи и попойки, которые рано или поздно приведут его къ гибели. Послѣ одной изъ пирушекъ, на которой главнымъ предметомъ угощенія были сельди и рейнское вино, Гринъ сильно заболѣлъ разстройствомъ желудка и слегъ въ постель. Надломленный организмъ его плохо справлялся съ недугомъ; дурное лѣченіе, отсутствіе правильного ухода и крайняя нищета довершили остальное. Оставленный своими друзьями и собутыльниками, которые либо не знали объ его опасной болѣзни, либо по непростительному легкомыслію и безпутству забывали его навѣстить, Гринъ угасалъ одиноко въ бѣдной комнаткѣ, нанятой имъ въ долгъ у какого-то сапожника. Впрочемъ хозяева его оказались людьми добрыми и принимали въ немъ искреннее участіе. Они, да женщина съ которой онъ жилъ, были единственные люди, не оставлявшіе его во время болѣзни. Лежа на смертномъ одрѣ, въ длинныя бессонныя ночи Гринъ много передумалъ о своей судьбѣ и имъ овладѣло жгучее раскаяніе по даромъ потраченной молодости, по дурно употребленной жизни. Въ такія-то минуты душевной агоніи онъ набросалъ два своихъ послѣднихъ памфлета: *Groatsworth of Wit* и *Repentance*, изъ которыхъ первый есть повѣсть автобіографическаго характера, гдѣ Гринъ изобразилъ себя подъ именемъ Роберто; послѣдній же — нѣчто въ родѣ краткой автобіографіи его. Оставляя подробное разсмотрѣніе этихъ произведеній до слѣдующей главы, мы остановимся теперь только на послѣсловіи къ *Groatsworth of Wit*, заключающемъ въ себѣ, въ формѣ обращенія къ друзьямъ и товарищамъ, авторскую исповѣдь самого Грина. Мы приведемъ важнѣйшія мѣста изъ этого любопытнаго документа, полннность котораго не подлежитъ никакому сомнѣнію.

«Гг. своимъ прежнимъ знакомымъ, тратящимъ свое остроуміе на сочиненіе театральныхъ пьесъ, Р. Гринъ желаетъ

другихъ, лучшихъ занятій и мудрости, способной предохра-
нить ихъ отъ бѣдствій, его постигшихъ.

Если прискорбный опытъ и примѣръ неслыханнаго бѣд-
ствія могутъ побудить васъ, господа, быть внимательнѣе и
осторожнѣе, я не сомнѣваюсь, что вы взглянете съ сожа-
лѣніемъ на прошедшее и постараетесь внести раскаяніе въ
вашу будущую жизнь. Не удивляйся, что я начинаю съ
тебя, славный любимецъ трагиковъ, не удивляйся тому, что
Гринъ, не разъ говорившій съ тобой, подобно безумцу въ
сердцѣ своемъ, нѣсть Богъ, теперь прославляетъ Его вели-
чіе, ибо всемогуща сила Его и тяжело обрушилась на меня
десница Его. Онъ воззвалъ ко мнѣ голосомъ, грому подоб-
нымъ, и я понялъ, что онъ есть Богъ, могущій наказать
враговъ своихъ. Зачѣмъ твой превосходный умъ, даръ Бо-
жій, до того ослѣпленъ, что ты не хочешь воздать славу
даровавшему тебѣ его? Неужели это ослѣпленіе есть слѣд-
ствіе изученія гибельной макиавелистической политики? Не-
лѣпое безуміе! Ибо что на самомъ дѣлѣ ея правила какъ
не замаскированное издѣвательство надъ людьми, годное
только на то, чтобъ въ короткое время истребить весь родъ
человѣческій? Ибо если бы люди, достигшіе власти, держа-
лись правила: *sic volo, sic jubeo*, если бы было позволи-
тельно и законно, не дѣлая различія между *fas* и *nefas*,
соблюдать только свои выгоды, то одни тираны могли бы
господствовать на землѣ, да и тѣ стремились бы уничто-
жить другъ друга до тѣхъ поръ, пока изъ среды ихъ не
остался бы одинъ, всѣхъ сильнѣйшій, который въ свою
очередь былъ бы скошенъ смертью. — Заводчикъ этого дья-
вольскаго атеизма умеръ и въ жизни своей никогда не до-
стигъ счастья, къ которому стремился; напротивъ того: на-
чавъ съ коварства, продолжалъ жить въ страхѣ и умеръ
въ отчаяніи. Неисповѣдимы судьбы Божіи! Этотъ убійца

многихъ изъ своихъ братьевъ былъ терзаемъ совѣстью, подобно Каину; этотъ предатель Того, кто далъ ему жизнь, унаслѣдовалъ судьбу Іуды; этотъ отступникъ кончилъ также скверно какъ Юліанъ. И неужели ты, мой другъ, хочешь быть его ученикомъ? Взгляни на меня, имъ совращеннаго на путь *свободы* (⁴⁴) и ты увидишь, что эта свобода въ сущности есть адское рабство. Я знаю, что за ничтожнѣйшій изъ моихъ поступковъ я заслуживаю моей печальной участи, но воспоминаніе о сознательномъ противодѣйствіи общеизвѣстнымъ истинамъ превосходитъ всѣ терзанія моей души. Не откладывай же, подобно мнѣ, своего раскаянія до послѣдней крайности, ибо ты не знаешь, какъ скоро посѣтитъ тебя смерть.»

Всѣ согласны въ томъ, что подъ «знаменитымъ любимцемъ трагиковъ» должно разумѣть Марло, который, какъ извѣстно, считался тогда первымъ трагическимъ писателемъ въ Англіи. Что до общаго наставника Грина и Марло въ атеизмъ, то большинство критиковъ, и во главѣ ихъ Дейсъ, принимаютъ догадку Мэлона, что Гринъ намекаетъ здѣсь на Фрэнсиса Кэтта, магистра кэмбриджскаго университета, созженнаго въ 1589 г. за свои нечестивыя религіозныя мнѣнія. Новѣйшій біографъ Грина, Бернгарди, также принимающій догадку Мэлона, находитъ подтвержденіе ея въ собственныхъ словахъ Грина—*by him persuaded* (имъ совращенный или убѣжденный) которыя, по его мнѣнію, указываютъ на личное вліяніе Кэтта (⁴⁵). Въ 1874 г. англійскій ученый Симпсонъ (⁴⁶), сколько намъ извѣстно, первый выразилъ сомнѣніе, чтобы Гринъ могъ назвать Кэтта «*заводчикомъ атеизма*», такъ какъ Кэттъ былъ ревностный приверженецъ секты унитаріевъ и пострадалъ не за атеизмъ, а за пропаганду своихъ еретическихъ убѣжденій. Симпсонъ думаетъ, что въ означенномъ мѣстѣ Гринъ разумѣлъ никого

другаго какъ самого Макіавелли, о которомъ въ то время въ Англіи ходило преданіе, что онъ, подобно Іудѣ, погибъ отъ своей собственной руки. Мнѣніе Симпсона, высказанное имъ мимоходомъ въ газетной статьѣ, неподкрѣпленное достаточнымъ количествомъ доказательствъ, прошло незамѣченнымъ въ наукѣ, а между тѣмъ онъ ближе всѣхъ подошелъ къ истинѣ. Въ виду такихъ капитальныхъ разногласій по вопросу, имѣющему важное значеніе не только для біографіи Грина, но и для характеристики всего кружка англійскихъ вольнодумцевъ XVI в., всякому новому біографу Грина волей-неволей приходится брать на себя *onus probandi*.

Прежде всего нужно разъ навсегда покончить съ злополучнымъ Кэттомъ, религіозныя воззрѣнія котораго также далеко отстоятъ отъ марловскаго раціонализма какъ и отъ 39 пунктовъ господствующей церкви (⁴⁷). Намъ посчастливилось найти нѣкоторые документы, относящіеся къ процессу Кэтта (они напечатаны въ приложеніи), которые не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Кэттъ, какъ справедливо замѣтилъ Симпсонъ, принадлежалъ къ сектѣ унитаріевъ, проповѣдники которой проникли въ Англію изъ Голландіи въ первой половинѣ XVI в. (⁴⁸). Хотя Кэттъ былъ родомъ изъ Норфолькшира, той провинціи, которая считалась главнымъ гнѣздомъ унитаріанизма (⁴⁹), но до 1585 г., когда онъ проживалъ въ Кэмбриджѣ и Лондонѣ, въ его религіозныхъ мнѣніяхъ не видно ясныхъ слѣдовъ аріанской ереси (⁵⁰). Только въ послѣдствіи, возвратясь на родину, Кэттъ поддался вліянію послѣдователей Гамонта и Льюза, усвоилъ себѣ ихъ убѣжденія, распространялъ ихъ, за что и былъ казненъ. Мэлонъ и Дейсъ считали Марло ученикомъ и послѣдователемъ Кэтта на томъ основаніи, что Кэттъ былъ членомъ (*fellow*) *Benet College*, (иначе называемой *Corpus Christi College*), въ то время когда тамъ воспитывался Марло; но и это,

нужно признаться, довольно шаткое основаніе—отнимается у нихъ новѣйшимъ историкомъ кэмбриджскаго университета, который доказалъ что Кэттъ, бывшій дѣйствительно съ 1573 *fellow* коллегіи *Corpus Christi*, совершенно оставилъ Кэмбриджъ въ 1580, т. е. въ тотъ годъ, когда Марло только-что вступилъ въ университетъ (⁵¹). Равнымъ образомъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о знакомствѣ Кэтта съ Гриномъ, да еслибъ подобныя свѣдѣнія и отыскались, то они не имѣли бы ровно никакого значенія въ виду принципиальнаго различія религіозныхъ мнѣній Кэтта отъ вольнодумства Марло и Грина.

Съ устраненіемъ гипотезы о Фр. Кэттѣ возрастаетъ кредитъ гипотезы Симпсона о Маккіавелли, какъ наставникѣ Марло и Грина въ атеизмѣ, естественнымъ образомъ вытекающей изъ собственныхъ словъ Грина. Извѣстно, что въ XVI и XVII в. Маккіавелли считался чуть не родоначальникомъ атеизма и безнравственности. Кардиналь Поль (⁵²) раньше другихъ печатно заявилъ, что трактатъ *Il Principe* до того полонъ всякаго нечестія, что его можно считать начертаннымъ перстами самого сатаны (*Satanae digitis*). Историкъ Павелъ Ювій (*Paolo Giovio*), восхищающійся талантомъ Маккіавелли, тѣмъ не менѣе клеймитъ его прозвищемъ *irrisor et atheos* (⁵³). Нѣсколько лѣтъ спустя извѣстный французскій гуманистъ Луи Леруа (*Regius*) называетъ Маккіавелли писателемъ безъ совѣсти и религіи (⁵⁴). Въ концѣ XVI испанскій іезуитъ Рибаденейра въ своемъ опроверженіи *Il Principe* Маккіавелли увѣряетъ, что послѣдователи его не признаютъ никакой религіи (⁵⁵). Въ 1594 г. вышелъ англійскій переводъ втораго тома сочиненія *La Primaudaye, L'Academie Francaise*, заключающаго въ себѣ опроверженіе атеистическихъ доктринъ. Въ посвященіи своего перевода Джону Пикерингу, Лорду-хранителю государственной

печати Англіи (*Lord Keeper of the great seal of England*) переводчикъ нѣкто Т. В., говоря о сильномъ распространеніи язвы атеизма въ Англіи, видитъ источникъ этихъ пагубныхъ ученій въ сочиненіяхъ «чудовища» Маккіавелли (⁵⁶). На первый разъ кажется нѣсколько страннымъ обвиненіе въ распространеніи атеистическихъ доктринъ писателя, который въ своихъ сочиненіяхъ касался религіи только мимоходомъ и всегда отзывался о ней съ большимъ уваженіемъ, какъ о сильнѣйшей опорѣ государственнаго зданія (⁵⁷); но стоитъ перенестись мысленно въ XVI в., стать на точку зрѣнія современниковъ Маккіавелли, и тогда это обвиненіе покажется какъ нельзя болѣе естественнымъ. Дѣло въ томъ, что современниковъ Маккіавелли въ особенности должно было возмущать то обстоятельство, что великій политикъ, смотря на религію съ политической точки зрѣнія, не обинуясь отдавалъ предпочтеніе язычеству передъ христіанствомъ (⁵⁸), что онъ устранилъ совѣсть и нравственность изъ своей системы и предписывалъ людямъ руководиться одной личной выгодой. Если Долэ, Раблэ, Лопиталь и др. были заклеимены своими современниками прозвищемъ атеистовъ только за отсутствіе въ ихъ взглядахъ догматическаго озлобленія, то во сколько разъ больше съ ихъ точки зрѣнія заслуживалъ такое прозвище язычникъ Маккіавелли? Приведенныя нами соображенія, подкрѣпленныя свидѣтельствомъ источниковъ, дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ, что подъ гриновскимъ заводчикомъ атеизма нужно разумѣть Маккіавелли; внимательное же чтеніе самого текста Грина превращаетъ эту вѣроятность въ полную научную достовѣрность. Въ самомъ дѣлѣ, откуда какъ не изъ сочиненій флорентинскаго историка можно извлечь тѣ правила, которыя Гринъ весьма удачно обозвалъ замаскированнымъ издѣвательствомъ надъ людьми? Кто какъ не онъ смѣло провоз-

гласилъ принципъ личной выгоды, какъ основаніе, на которомъ должна быть построена вся политика? Не даромъ Гринъ привелъ въ тѣсную связь атеизмъ Марло съ его изученіемъ маккіавеллистической политики, которая есть ничто иное какъ отрицаніе божественнаго начала въ жизни. При томъ же развѣ жизнь Маккіавелли не напоминаетъ въ общихъ чертахъ жизни неизвѣстнаго заводчика атеизма, какъ она описана Гриномъ. Развѣ, подобно этому послѣднему, Маккіавелли не стремился къ счастью и благосостоянію, которое постоянно ускользало у него изъ рукъ, развѣ онъ не жилъ въ страхѣ и не умеръ въ отчаяніи? Остается объяснить еще одно выраженіе Грина *имъ убѣжденный* (*by him persuaded*), въ которомъ защитники гипотезы личнаго вліянія (напр. Бернгарди) видятъ сильную опору для своихъ заключеній. Дѣйствительно въ простомъ разговорномъ языкѣ выраженіе *by him persuaded* скорѣе можетъ быть употреблено для обозначенія личнаго вліянія, нежели вліянія литературнаго, но мѣрять напыщенный и фигурный стиль Грина мѣркой обыкновенной рѣчи также нелѣпо какъ и прилагать къ его изліяніямъ, писаннымъ дрожащей рукой, въ минуты душевной агоніи, приемы дипломатической критики. — Гринъ, всегда любившій не точныя фигуральныя выраженія, конечно всего менѣе былъ способенъ на смертномъ одрѣ взвѣшивать свои слова; пользуясь минутой роздыха отъ страданій онъ торопился высказать, что у него было на душѣ и употреблялъ тѣ выраженія, которыя ему первыя приходили въ голову. Нѣсколько раньше того мѣста, гдѣ встрѣчается выраженіе *by him persuaded*, Гринъ говоритъ о заводчикѣ дьявольскаго атеизма, какъ о лицѣ умершемъ и тутъ же прибавляетъ, обращаясь къ Марло: «неужели ты хочешь быть его *ученикомъ* (*disciple*)?» Быть ученикомъ умершаго человека невозможно; очевидно здѣсь раз-

умѣется не личное вліяніе, а литературное и слово *disciple* употреблено въ смыслѣ послѣдователя. Въ такомъ же переносномъ смыслѣ употребилъ Гринъ выраженіе *by him persuaded*, а что Гринъ въ свою очередь не былъ свободенъ отъ вліянія Маккіавелли, это доказывается какъ свидѣтельствомъ современника, такъ и его собственными признаніями. Упомянутый выше переводчикъ сочиненія *L'Academie Francaise*, говоря о послѣдователяхъ атеистическихъ доктринъ Маккіавелли въ Англіи, причисляетъ къ нимъ Грина, не называя его впрочемъ по имени (59). Самъ Гринъ въ *Repentance*, рассказывая о первыхъ годахъ своей лондонской жизни, выражается о себѣ такимъ образомъ: «юный годами, но опытный во всякаго рода мерзостяхъ, я держался того убѣжденія, что ничто не дурно, что можетъ принести пользу», а это убѣжденіе есть ничто иное, какъ примѣненіе принциповъ маккіавеллистической политики къ частной жизни.

Отъ Марло Гринъ переходитъ къ другимъ своимъ друзьямъ.

«За одно съ тобой я обращаюсь къ юному Ювеналу, ѣдкому сатирику, съ которымъ мы недавно написали сообща комедію. Милый юноша! (въ подлинникѣ *sweet boy*—милый мальчикъ) Могу-ли я посовѣтовать тебѣ быть осторожнѣе и не накликать себѣ множество новыхъ враговъ твоими рѣзкими рѣчами. Обличай пустыхъ и тщеславныхъ людей; это ты можешь дѣлать какъ никто, но обличая, не называй никого по имени, потому что если ты назовешь хоть одного—все сочтутъ себя оскорбленными; когда же никто не названъ—нѣтъ оскорбленныхъ. Попробуй остановить самую неглубокую проточную воду—и она забушуетъ; наступи на змѣю—и она завертится. Вслѣдствіе этого совѣтую тебѣ не нападать на писателей (*schollers*), и безъ того много терпѣвшихъ отъ

твоихъ рѣзкихъ и жестокихъ нападокъ, если они иногда упрекаютъ тебя за то, что ты слишкомъ широко пользуешься правомъ обличенія... И ты, не менѣе заслуживающій удивленія, чѣмъ первые два, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходящій ихъ и ни въ чемъ не уступающій, дошедшій, подобно мнѣ, до послѣдней крайности, немного мнѣ нужно тебѣ сказать. Я готовъ былъ бы поклясться св. Георгомъ (если бы эта клятва не походила на идолопоклонство), что ты не заслуживаешь лучшей участи, пока будешь продолжать существовать такимъ низкимъ ремесломъ» (Низкое ремесло Пила состояло въ томъ, что онъ, подобно Грину и Марло, работалъ для театра). Мэлонъ, Дейсъ и остальные критики (за исключеніемъ впрочемъ Фармера) полагаютъ, что подъ именемъ юнаго Ювенала скрывается Томасъ Лоджъ, который дѣйствительно написалъ сообща съ Гриномъ комедію *A Looking glasse for London and Ireland*. Лишь въ недавнее время Стаунтонъ и Симпсонъ снова возвратились къ фармеровской гипотезѣ и сильно перетянули вѣсы на сторону Т. Наша (⁶⁰). Относительно же третьяго незнакомца всѣ согласны, что онъ никто иной какъ старинный другъ Грина, драматургъ Джоржъ Пиль.

Заповѣдавъ своимъ друзьямъ бросить драматическое искусство и не связываться съ неблагодарными актерами (любопытное мѣсто объ актеряхъ, заключающее въ себѣ упоминаніе о Шекспирѣ будетъ вполне приведено въ четвертой главѣ), Гринъ продолжаетъ: «Теперь я снова возвращаюсь къ вамъ троимъ, для которыхъ мои бѣдствія не новость. Позвольте мнѣ отъ всего сердца пожелать, чтобы они послужили вамъ предостереженіемъ. Не находите, подобно мнѣ, удовольствіе въ богохульствѣ, потому что проклятіе тяготѣетъ надъ домомъ богохульника; бросьте пьянство, убивающее умъ и приравнивающее человѣка къ звѣрямъ;

избѣгайте распутства, этой смертельной пагубы души, не оскверняйте своего тѣла, которое есть храмъ св. Духа. Бѣгите съ отвращеніемъ отъ этихъ эцикурейцевъ, чья распущенная жизнь отвратила васъ отъ религіи, и если они будутъ ублажать васъ льстивыми словами, вспомните Роберта Грина, которому они такъ часто льстили и который теперь погибаетъ отъ неимѣнія самого необходимаго. Помните, господа, что жизнь ваша угодобляется свѣтильнику, который вамъ данъ каждому изъ васъ затѣмъ, чтобъ вы поддерживали его пламя. Бурное дыханіе вражды можетъ его задуть, а пьянство и небреженіе уничтожить, ибо хотя жизнь человѣческая сама по себѣ не такъ коротка, но она болѣе всего сокращается нашими грѣхами. Пламя моего собственнаго свѣтильника догораетъ и мнѣ нечѣмъ болѣе поддерживать его.»

Отъ друзей и товарищей по профессіи, мысль умирающаго Грина перелетѣла къ женѣ, такъ безумно и безжалостно имъ покинутой. Подъ вліяніемъ жгучаго раскаянія, овладѣвшаго имъ, онъ написалъ къ ней трогательное письмо, найденное послѣ смерти въ его бумагахъ и приложенное къ *Groatworth of Wit*. Мы приводимъ его вполнѣ:

«Я не могу тебѣ выразить, а ты не можешь себѣ представить, насколько воспоминаніе о причиненныхъ тебѣ мною страданіяхъ и о твоей безупречной добродѣтели усиливаетъ горечь моего и безъ того несчастнаго положенія. Твое отсутствіе не только не облегчаетъ этого положенія (врочемъ стыдъ едва-ли бы позволилъ мнѣ взглянуть тебѣ въ глаза), но скорѣе отягчаетъ его, потому что лишаетъ тебя возможности быть свидѣтельницей сердечнаго сокрушенія того, кто такъ долго дѣлалъ тебя несчастной. Но справедливое небо отказало мнѣ въ этомъ утѣшеніи и оставило меня также безъ помощи, какъ ты была безъ надежды. Здравый

смысль требовалъ, чтобъ я послѣ столь долгой разлуки не отсылалъ къ тебѣ ребенка, который въ твоёмъ стѣсненномъ положеніи могъ быть только въ тягость тебѣ; но вспомни, что это твой ребенокъ, что въ чертахъ его отражаются не столько черты его отца, сколько твои совершенства. Онъ еще юнъ и можетъ быть хорошимъ человѣкомъ, если его тщательно воспитать; въ противномъ случаѣ, боюсь, что онъ пойдетъ по стопамъ своего отца. Я знаю, что глубоко виноватъ передъ тобою и съ трудомъ вѣрю, чтобъ ты могла простить меня, но я все-таки стараюсь убѣдить себя, что ты, видя мое несчастное положеніе, могла бы даже пожалѣть меня. Да, я увѣренъ, что ты пожалѣла бы меня. Всѣ бѣдствія сразу обрушились на меня. За мое отступничество отъ Бога люди отступились отъ меня. Моя привычка клясться, божиться на каждомъ шагу сдѣлала то, что люди мнѣ больше не вѣрятъ. За мое обжорство я казнимъ голодомъ, за мое пьянство—жаждой; за мое распутство—болѣзнями. Богъ наказалъ меня такимъ образомъ, для того, чтобъ я смирился и служилъ примѣромъ другимъ грѣшникамъ и хотя Онъ попускаетъ мнѣ безпомощно погибнуть въ этой жизни, но я вѣрую что въ будущей обрѣту милость заслугами Спасителя моего, въ руки котораго предаю тебя и мою бѣдную душу.»

Религіозное настроеніе, соединенное съ сердечнымъ сокрушеніемъ и крайнимъ упадкомъ духа, которымъ проникнутъ *Groatsworth of Wit*, еще сильнѣе выступаетъ въ *Repentance* Грина — небольшомъ произведеніи, написанномъ имъ весьма не задолго до смерти. Здѣсь Гринъ рассказываетъ въ назиданіе людямъ свою безпутную жизнь и, въ припадкѣ самообличенія, старается выставить себя и всѣ свои поступки въ самомъ дурномъ свѣтѣ. *Repentance*, состоящее всего изъ нѣсколькихъ листовъ, заключается послѣсловіемъ издателя *Cutbert Burbie*, которое содержитъ

въ себѣ нѣкоторыя, не лишенныя интереса, свѣдѣнія о послѣднихъ минутахъ Грина. *Cutbert Burbie*, издавшій незадолго передъ тѣмъ одинъ изъ обличительныхъ памфлетовъ Грина (*The third and last part of Connycatching*) былъ, по всей вѣроятности, лично знакомъ съ Гриномъ, зналъ отъ близкихъ людей о ходѣ его болѣзни, и потому свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, во всякомъ случаѣ заслуживаютъ вниманія. Онъ утверждаетъ, что раскаяніе Грина было искренно и глубоко, что въ продолженіе своей болѣзни, которая длилась около мѣсяца, Гринъ со слезами прощался съ жизнью, прося у Бога и людей прощенія въ содѣянныхъ имъ проступкахъ и постоянно твердилъ: «Боже, сжался надо мной, прости мои согрѣшенія!» Наканунъ смерти Грина навѣстилъ одинъ изъ его друзей, передавшій ему поклонъ отъ жены и извѣстіе, что она здорова. Гринъ весьма обрадовался этой вѣсти, говорилъ, что сильно виноватъ передъ женой и выразилъ желаніе хоть разъ увидать ее передъ смертию.

Чувствуя, что ему недолго остается жить, онъ судорожно схватилъ бумагу и перо и хладѣющей рукой написалъ слѣдующія строки къ женѣ: «Милый другъ! Если дружба и любовь когда-либо связывали насъ другъ съ другомъ, то во имя ея прошу тебя, уплати долгъ моему квартирному хозяину. Я ему долженъ десять фунтовъ; если-бъ не онъ—я бы умеръ гдѣ-нибудь на улицѣ. Забудь и прости всѣ огорченія, причиненныя мною тебѣ, и Всемогущій помилуетъ мою душу. До свиданья въ томъ мірѣ, потому что въ этомъ мы уже больше не увидимся⁽⁶¹⁾. Письмо это, приложенное къ *Repentance*, помѣчено 2 сентября 1592. На слѣдующій день Грина не стало.

Едва успѣли похоронить Грина, какъ злѣйшій изъ его литературныхъ враговъ, Габріель Гарвей, осмѣянный Гриномъ въ его остроумномъ памфлетѣ *A Quip for an Upstart*

Courtier, поспѣшилъ къ нему на квартиру, чтобы собрать свѣдѣнія о послѣднихъ минутахъ своего заклятаго врага.

Принявъ Гарвея за одного изъ друзей покойнаго, квартирная хозяйка, со слезами на глазахъ, рассказала ему о болѣзни Грина, о крайней нищетѣ, которую онъ терпѣлъ и о томъ, какъ она увѣнчала чело безвременно погибшаго поэта лавровымъ вѣнкомъ. Выслушавъ все это, бездушный и злобный педантъ возвратился домой и принялся строчить свои *Четыре Письма*, въ которыхъ, воспользовавшись полученными свѣдѣніями, самымъ наглымъ образомъ оклеветалъ память Грина, да кстати посмѣялся и надъ его доброй хозяйкой, иронически назвавъ ее десятой музой, не отказавшей Грину послѣ смерти въ томъ, въ чемъ ея сестры постоянно отказывали ему при жизни.

Гринъ оставилъ двухъ сыновей: первый—отъ законной жены, жилъ съ нимъ въ Лондонѣ и только незадолго до своей смерти Гринъ отослалъ его обратно къ матери; что съ нимъ случилось впослѣдствіи равно какъ и съ женой Грина—неизвѣстно; второй—плодъ его сожителства съ сестрой *Cutting Ball*—по имени *Fortunatus*, умеръ въ 1593 г. (см. прим. 32).

Хотя портретовъ Грина не сохранилось, но о наружности его мы можемъ составить себѣ понятіе по отзывамъ Четтля, Гарвея и Наша (⁶²). Ченстль рисуетъ Грина какъ человѣка неопредѣленныхъ лѣтъ, пріятной наружности и хорошо сложеннаго. Онъ носилъ длинные волосы и одѣвался какъ обыкновенно одѣваются джентльмэны, причисляющіе себя къ цеху ученыхъ. Гарвей говоритъ, что Гринъ тщеславился своимъ костюмомъ магистра искусствъ и носилъ такіе длинные волосы, какіе бываютъ развѣ только у разбойниковъ, а Нашъ замѣчаетъ что Гринъ, согласно господствовавшему тогда обычаю, имѣлъ одну прядь волосъ

длиннѣе прочихъ, которую никогда не стригъ и очень хилилъ и которая была такъ тонка и остра, что напоминала собой шпиль на колокольнѣ.

Относительно нравственнаго характера Грина и его достоинствъ, какъ писателя, мнѣнія современниковъ расходятся между собой; они либо безразборчиво восхищаются Гриномъ, либо безразборчиво бранятъ его, смотря по тому, къ какому литературному лагерю принадлежитъ пишущій. Литературные враги Грина, съ Гарвеемъ во главѣ, не находятъ словъ, чтобы достаточно унизить его не только какъ человека, но и какъ писателя. Гарвей въ своихъ *Четырехъ Письмахъ* (см. въ особенности 2—3 письмо) называетъ Грина низкимъ человѣкомъ, царемъ нищихъ, архиатеистомъ, позоромъ сцены, обезьяной Лилли и т. п. Другой литературный врагъ Грина, неизвѣстный авторъ памфлета *Martin Mar-Sixtus*, смотря на произведенія Грина съ своей пуританской точки зрѣнія, называетъ ихъ соблазнительными, безчестными любовными трактатами. Напротивъ того неизвѣстный поклонникъ Грина, какой-то *R. B.*, авторъ *Green's Funerals. London 1594*, (⁶³) преклоняется передъ его умомъ, ученостью и краснорѣчіемъ, сравниваетъ его съ Зевесомъ, Аполлономъ и Меркуріемъ, утверждаетъ, что его памфлеты, не смотря на то, что сюжетомъ ихъ служитъ любовь, проникнуты нравственной тенденціей; въ своемъ восторженномъ ослѣпленіи онъ доходитъ до того, что находитъ образцовой и самую жизнь Грина. Гораздо безпристрастнѣе отзывы Четтля и Наша, которые, не скрывая недостатковъ своего пріятели, отдають должное его достоинствамъ.

Четтлю были извѣстны пороки Грина и его безшабашная жизнь; но ему были также извѣстны и хорошія стороны его натуры и его искреннее раскаяніе. Въ виду клеветъ, обрушившихся на память безвременно погибшаго прія-

теля, Четтль счелъ долгомъ возвысить свой голосъ. Въ своемъ фантастическомъ памфлетѣ *Kind-heart's Dream*, составляющемъ косвенный отвѣтъ на только-что вышедшія *Четыре Письма* Гарвея, (64) Четтль рассказываетъ, что ему во время сна являлась тѣнь покойнаго Грина, положившая ему на грудь какую-то рукопись. Рукопись эта была ничто иное какъ письмо Грина къ Нашу, въ которомъ Гринъ проситъ Нашу защитить его память и наказать клеветниковъ, тревожащихъ его могильный сонъ. «Испросивъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ, (говоритъ Четтль устами Грина) прощеніе въ моихъ безчисленныхъ прегрѣшеніяхъ, я заплатилъ дань смерти, но злоба и зависть не дали мнѣ покоя даже въ могилѣ. *Adversus mortuos bellum suscipere inhumanum est*. Не велика слава раздробить черепъ мертвому врагу. Мнѣ кажется не хорошимъ со стороны людей, нападающихъ на мои произведенія, образъ жизни, нищету и родъ смерти, пользоваться всякимъ мелочнымъ обстоятельствомъ, способнымъ очернить мою память. Судъ надъ моими произведеніями, ихъ защиту и порицаніе, я предоставляю тѣмъ, кто читалъ ихъ. Я утверждаю только, что цѣлью моихъ послѣднихъ памфлетовъ было посрамленіе порока и разоблаченіе такихъ мерзостей, которыя непременно слѣдовало разоблачить. Относительно моей нищеты, мнѣ кажется здравый смыслъ долженъ былъ бы нѣсколько обуздать усердіе моихъ хулителей, ибо неизвѣстно, каковъ будетъ ихъ собственный конецъ. Жизнь мою имъ также слѣдовало бы оставить въ покоѣ, потому что она не была вредна ни для кого изъ нихъ. Что до моей смерти, то она была смертию кающагося грѣшника.» Сказавши затѣмъ, что Нашу самому нечего ждать пощады отъ безжалостныхъ враговъ, Гринъ заключаетъ свое замогильное посланіе слѣдующими словами: «И такъ воспрянь же,

беззаботный юноша, отомсти за свои обиды и попомни о моихъ. Твои враги уже начали свои нападенія и безъ всякаго сомнѣнія на этомъ не остановятся. Если ты стерпишь это, пусть твоя жизнь будетъ кратка и безславна, а смерть преждевременна и печальна!»

Такими увѣщаніями, вложенными въ уста безвременно погибшаго поэта, Четтль хотѣлъ побудить Нашу выступить поскорѣе на защиту памяти Грина. Сколько извѣстно, Нашъ былъ не изъ тѣхъ людей, которыхъ нужно было въ подобныхъ случаяхъ долго убѣждать. Съ юныхъ лѣтъ онъ привыкъ быть передовымъ застрѣльщикомъ въ чернильныхъ войнахъ и пріобрѣлъ репутацію неразборчиваго на средства, но остроумнаго и злаго пасквилянта. Мы видѣли, что Гринъ передъ смертію убѣждалъ его быть умѣреннѣе въ своихъ нападеніяхъ на личности. И на этотъ разъ онъ не заставилъ себя долго ждать: памфлетъ Четтля, содержащій въ себѣ посмертное письмо Грина къ Нашу, упоминается въ *Registers* въ числѣ вновь выходящихъ книгъ подъ 8 Декабря 1592, а мѣсяць спустя, именно 12 Января 1593, тамъ же уже записанъ памфлетъ Наша *Strange News*, въ которомъ Нашъ не только защищалъ Грина отъ нападокъ Гарвея, но по своему обыкновенію, перешелъ въ наступленіе. Для насъ интересны только тѣ мѣста этого памфлета, гдѣ Нашъ касается Грина и старается выставить характеръ своего пріятеля въ настоящемъ свѣтѣ. Возражая Гарвею, Нашъ говоритъ: Гринъ обладалъ большей суммой добродѣтелей, чѣмъ пороковъ. У него были свои недостатки и слабости, какъ и у тебя—твой. Да и кто изъ людей можетъ сказать, что онъ свободенъ отъ семи смертныхъ грѣховъ? Но, сколько мнѣ извѣстно, совѣсть его не была запятнана никакимъ позорнымъ дѣломъ.» Далѣе Нашъ называетъ Грина добрымъ малымъ, который, отличаясь необыкновенной

литературной плодovitостью, доводилъ до крайней степени свою беззаботность о будущемъ (эти мѣста приведены нами на стр. 8 и 9.)

Нравственный характеръ Грина представляетъ любопытный предметъ для психологическаго анализа. Ни у одного писателя не находится такихъ рѣзкихъ и повидимому непримиримыхъ противорѣчій между жизнью и произведеніями, какъ у Грина. Матеріалистъ и циникъ въ жизни, Гринъ былъ идеально чистъ и назидателенъ въ своихъ произведеніяхъ. Не только его драмы и лирическія стихотворенія, но даже любовные памфлеты, въ сочиненіи которыхъ онъ въ послѣдствіи такъ горько раскаивался, проникнуты нравственнымъ духомъ, полны возвышенныхъ порываній въ область идеала. Съ трудомъ вѣрится, чтобъ человѣкъ, имѣвшій такія возвышенныя понятія о назначеніи человѣка и о нравственномъ долгѣ, создавшій идеальные женскіе характеры въ родѣ Анжелики (въ Орландо) или Доротеи (въ Іаковѣ IV) могъ проводить цѣлыя дни въ грязныхъ притонахъ разврата, окруженный полупьяными почитателями своего таланта и продажными женщинами. Это противорѣчіе между жизнью и сочиненіями Грина, равно какъ и періодическія смѣны буйнаго разгула жгучимъ раскаяніемъ, о которыхъ онъ самъ вспоминаетъ въ своихъ признаніяхъ, только отчасти объясняются его безхарактерностью и слабостью воли. Подобное объясненіе могло бы имѣть мѣсто, если бы мы имѣли дѣло съ дряблой, лишенной всякой энергіи, натурой. Но этого нельзя сказать о Гринѣ. Мы знаемъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ своей жизни (напр. въ исторіи съ конникатчерами) Гринъ выказалъ замѣчательную энергію и даже выдержку характера, заставляющую предполагать, что его натура была не изъ слабыхъ и дряблыхъ. Намъ кажется, что при объясненіи противорѣчій и колебаній, которыми

полна жизнь Грина, многое должно быть отнесено на счет его страстного сангвинического темперамента, составлявшего физиологическую основу его нравственной личности. Потребность сильных и страстных возбуждений была такъ присуща его натурѣ, что противъ нея были бессильны всѣ его принципы, всѣ доводы разсудка. Намъ невольно припоминается по этому поводу глубокое замѣчаніе Наполеона I объ отношеніи характера человѣка къ его поступкамъ: «обыкновенно думаютъ, что когда знаешь характеръ человѣка, то съ тѣмъ вмѣстѣ и обладаешь ключемъ къ его поступкамъ. Это совершенно ложно. Такой-то напр. совершаетъ нечестный поступокъ, будучи въ сущности честнымъ человѣкомъ; другой дѣлаетъ зло, не будучи на самомъ дѣлѣ злымъ. Дѣло въ томъ, что поступки человѣка почти никогда не вытекаютъ непосредственно изъ его характера, но по большей части суть слѣдствія какой-нибудь страсти, временно овладѣвшей человѣкомъ и притаившейся въ самомъ сокровенномъ уголкѣ его сердца (65). Приведенными словами какъ нельзя лучше объясняются непонятныя противорѣчія, которыми полна жизнь Грина. Сколько разъ, увлекаемый вихремъ страсти, которой онъ не въ силахъ былъ противостоятъ, онъ преступалъ границы нравственнаго долга и предавался порокамъ и излишествамъ, противъ которыхъ тщетно возставало все его нравственное существо. Но бурный порывъ улегался; совѣсть и разсудокъ снова вступали въ свои права; Грину становилось стыдно своихъ увлеченій; раскаяніе жгло его; онъ давалъ себѣ слово исправиться, идти по пути долга, и дѣйствительно шелъ... до новаго взрыва. Повидимому страсти только на время выпускали его на свободу, чтобъ потомъ еще сильнѣе сжать въ своихъ когтяхъ. Но не будемъ судить его слишкомъ строго: «Зачѣмъ—говорить въ одномъ мѣстѣ Карлейль—

дѣлать изъ человѣка сухое и безжизненное олицетвореніе всевозможныхъ добродѣтелей? кому изъ насъ не приходилось падать, даже скверно и грязно падать, и потомъ съ новыми усиліями, подчасъ съ обливающимся кровью сердцемъ стремиться впередъ? Дѣло не въ томъ, чтобъ вести себя по стрункѣ, но въ томъ, чтобъ въ насъ всегда было живо стремленіе къ добру, чтобъ это стремленіе было честно и непреодолимо.» А въ этомъ стремленіи нельзя, кажется, отказать Грину. Произведенія его свидѣлствуютъ о томъ, какъ честно онъ стремился уяснить себѣ жизненную задачу; житейская грязь, въ которой ему приходилось окунаться, не загрязнила однако его чистаго воображенія, которое зачастую рисовало ему образы, отмѣченные печатью высокой нравственной чистоты и человѣческаго достоинства.—Разладъ между страстными инстинктами его природы и привитыми воспитаніемъ идеалами—вотъ въ чемъ, по нашему мнѣнію, заключается жизненная трагедія Грина. Извѣстно, что подъ вліяніемъ темперамента у человѣка образуются извѣстные навыки, настраивается извѣстнымъ образомъ воображеніе, образуется извѣстный взглядъ на жизненную задачу, на личное счастье и т. п. Человѣкъ страстнаго темперамента едва-ли можетъ видѣть счастье въ отреченіи отъ наслажденій, или подавленія страстей; напротивъ того, ему естественнѣе представлять себѣ счастье какъ чувственный угаръ, какъ рядъ сильныхъ и страстныхъ ощущеній. Жизнь Грина доказываетъ, что въ молодости онъ именно такимъ образомъ смотрѣлъ на счастье и съ жадностью прильнулъ къ мутному кубку всевозможныхъ чувственныхъ наслажденій. Знакомство съ системой Макіавелли, которую онъ изучалъ въ молодости и которую—прибавимъ отъ себя—онъ понималъ слишкомъ односторонне, безразлично примѣняя ея принципы и къ политикѣ, и къ частной жизни, могло только

укрѣпить въ немъ такой взглядъ: теорія личной выгоды, какъ принципа человѣческой дѣятельности, какъ нельзя лучше мирилась съ эпикурейскимъ взглядомъ на жизнь, навѣяннымъ на Грина страстнымъ темпераментомъ и безпокойнымъ воображеніемъ. Но вѣдь рано или поздно эта теорія эгоистическаго эпикуреизма, составлявшая одно время сущность міросозерцанія Грина, должна была столкнуться въ его сознаніи съ другимъ міросозерцаніемъ, въ образованіи котораго принимали участіе религія и философія. Исходъ этого столкновенія можно было угадать напередъ. Все что было возвышеннаго и благороднаго въ натурѣ Грина громко сказало ему, на чьей сторонѣ правда. Съ этихъ поръ начинается мучительный разладъ въ душѣ Грина. Страстные инстинкты тянутъ его въ одну сторону; принципы—въ другую. Безсильный противиться натиску страстнаго темперамента и затмѣвающимъ разумъ чарамъ своего безпокойнаго воображенія, Гринъ нерѣдко отдается потоку разгульной жизни, но въ послѣдствіи, переживши кризисъ, искупаетъ свои увлеченія жгучимъ раскаяніемъ и нравственнымъ самобичеваніемъ, которому онъ предается съ какимъ-то болѣзненнымъ наслажденіемъ. Это самобичеваніе находится въ тѣсной связи съ одной дѣйствительно привлекательной чертой въ характерѣ Грина; мы разумѣемъ его искренность, искренность беззавѣтную, не щадящую себя, доходящую до цинизма въ своихъ проявленіяхъ. Гринъ не былъ способенъ рисоваться, выдавать себя не за то, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Если онъ въ своихъ признаніяхъ вдавался иногда въ нѣкоторое преувеличеніе, то почти всегда въ невыгодную для себя сторону. Вотъ почему, когда онъ говоритъ о своихъ душевныхъ мукахъ, о своемъ сердечномъ сокрушеніи, мы можемъ смѣло довѣрять ему.

Мы старались выяснитъ—насколько позволяютъ источ-

ники—внутреннюю драму, происходившую въ душѣ Грина. Знакомство съ ея перипетіями положительно необходимо для правильной оцѣнки его нравственного характера. Человѣкъ, которому уклоненіе отъ пути нравственного долга стоило столькихъ страданій, конечно нельзя мѣрять одной мѣркой съ человѣкомъ, поступающимъ низко и при этомъ остающемся въ мирѣ съ собой и оправдывающемъ себя различными софизмами. Хотя Гринъ не пережилъ періода броженія, (онъ умеръ 32—33 лѣтъ) но его страданія, искренность, идеальный строй его духа и наконецъ его произведенія служатъ порукой, что онъ дѣйствительно съ каждымъ днемъ все строже и строже относился къ себѣ и къ своей авторской дѣятельности, а все это вмѣстѣ взятое заставляетъ предполагать, что недалеко было то время, когда онъ окончательно и безповоротно вступилъ бы на путь нравственного возрожденія...

ГЛАВА II.

Критико-библіографическій обзоръ прозаическихъ сочиненій Грина.

Любовные памфлеты Грина. Ихъ содержаніе и характеристика. Политическій памфлетъ Грина—*The Spanish Masquerado*. Пастушескій романъ *Менафонъ* или *Аркадія*. Памфлеты, знаменующіе поворотъ въ его литературной дѣятельности *Mourning Garment*, *Farewell to Follie* и *Never to Late*. Гринъ, какъ обличительный писатель: обзоръ его сочиненій противъ конникатчеровъ. Обращикъ литературной полемики XVI в. Памфлетъ Грина противъ Гарвея—*A Quip for an Upstart Courtier*. Автобіографическіе памфлеты Грина *Groatsworth of Wit* и *Repentance*. Общій взглядъ на литературную дѣятельность Грина.

Первое произведеніе Грина, о которомъ сохранилось упоминаніе въ *Registers* есть первая часть повѣсти *Мамилія*, упоминаемая въ числѣ разрѣшенныхъ къ изданію книгъ еще 3 октября 1580 г., но по неизвѣстнымъ причинамъ вышедшая въ свѣтъ только три года спустя, т. е.: въ 1583 (⁶⁶). Можетъ быть подъ вліяніемъ свѣжихъ воспоминаній объ Италіи, откуда онъ по всей вѣроятности возвратился весною или лѣтомъ 1580 г. Гринъ сдѣлалъ мѣстомъ дѣйствія своей первой повѣсти городъ Падуу, гдѣ процвѣтаетъ прекрасная Мамилія, дочь падуанскаго правителя Гонзаго, влюбленная въ красиваго, остроумнаго, по вѣтреннаго юношу Фарикла (⁶⁷). Послѣдній съ своей стороны тоже неравнодушенъ къ Мамиліи, а такъ какъ старый Гонзаго ничего не имѣетъ противъ замужества своей дочери съ Фарикломъ, который кажется ему весьма подходящей партіей, то мы

повидимому недалеко отъ конца романа. На самомъ же дѣлѣ выходитъ, что узелъ только что завязывается. У Мамиліи есть прекрасная родственница, по имени Публія, встрѣча съ которой производитъ переворотъ въ душѣ Фарикла. Онъ забываетъ Мамилію и влюбляется до безумія въ Публію, которая въ свою очередь сильно заинтересована Фарикломъ, особенно послѣ того какъ онъ однажды за ужиномъ произнесъ остроумный и ученый спичъ на тему: что такое любовь? Но увлеченіе Публіей оказывается такимъ же непрочнымъ какъ и недавнее увлеченіе Мамиліей. Проходитъ нѣсколько дней, и вѣтранный юноша находитъ, что Публія вовсе не такое совершенство, какъ ему показалось съ перваго разу,—и онъ снова начинаетъ подумывать о Мамиліи. По этому поводу Гринъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о легкомысліи и вѣтренности современнаго ему юношества, можетъ быть не лишенныхъ автобіографическаго значенія въ виду того обстоятельства, что легкомысленный характеръ Фарикла имѣетъ нѣкоторое сходство съ характеромъ самого Грина. «Замѣчу мимоходомъ, господа (говоритъ Гринъ), что Фарикль можетъ быть названъ прекраснымъ образцомъ современныхъ любовниковъ, у которыхъ каждое новое личико тотчасъ вызываетъ новое чувство, такъ что они безъ вздоха не могутъ видѣть ни одной женщины изъ тысячи. Если она молода—они восхищаются ея молодостью и свѣжестью; если она среднихъ лѣтъ—имъ нравится ея солидность; одна приводитъ ихъ въ восторгъ своимъ голосомъ; другая—граціей своихъ движеній; словомъ, нѣтъ предѣла ихъ похотливымъ желаніямъ, и при всемъ томъ, когда имъ приходится дѣлать выборъ изъ этого собранія красотъ, они показываютъ видъ, будто мучатся сомнѣніемъ и нерѣшительностью, и на самомъ дѣлѣ это сомнѣніе есть ничто иное какъ желаніе по преж-

нему оставаться салонными рыцарями, (*carpet knights*) для которымъ любовь также необходима, какъ пища». Къ числу такихъ людей принадлежитъ герой разсматриваемой нами повѣсти, котораго легкомысленная и капризная фантазія бросаетъ изъ стороны въ сторону. Вотъ онъ ужъ совсѣмъ было собрался идти съ повинной къ Мамиліи, но прошло нѣсколько часовъ и онъ оставляетъ свое намѣреніе и пишетъ восторженное письмо къ Публии. Последняя впрочемъ начинаетъ понимать, что за человѣкъ Фарикль и письменно предлагаетъ ему дружбу. Тогда Фариклю ничего не оставалось больше какъ обратиться къ Мамиліи которая уже было заболѣла съ горя. Нечего и говорить, что та все простила ему и приняла его съ восторгомъ. Они отправляются къ отцу Мамиліи, открываютъ ему свои чувства, получаютъ его согласіе и тотчасъ же устраиваютъ помолвку. Сдѣлавъ рѣшительный шагъ, Фарикль снова начинаетъ колебаться; пришедши домой онъ нѣсколько разъ перечитываетъ письмо Публии, и съ каждымъ разомъ находитъ его все менѣе и менѣе жестокимъ. Къ тому же услужливая фантазія живо рисуетъ ему злодѣйскіе глазки Публии, которые—чудится ему—лукаво выглядываютъ чуть ли не изъ каждой строчки, и забывъ обѣты, данные Мамиліи, Фарикль рѣшается снова обратиться къ Публии. Нѣкоторое время его мучить совѣсть, но къ чему послужила бы ему классическая ученость, если бы она не подоспѣла на помощь въ трудную минуту жизни? Успокоивъ себя примѣрами Язона, Энея и другихъ героевъ, которые поступали съ любимыми женщинами также какъ онъ поступилъ съ Мамиліей, Фарикль пишетъ Публии трогательное письмо, въ которомъ предлагаетъ ей руку и сердце. Хотя это письмо и тронуло Публию своимъ краснорѣчіемъ и своею ученостью, однако не настолько, чтобъ она отбросила всѣ

предосторожности. Не отвергая Фарикла, она обѣщала подумать. Въ ожиданіи ея рѣшенія, Фарикль, надѣвъ одежду пилигрима, отправляется странствовать по свѣту. «Какъ только я что нибудь услышу о немъ—не замедлю сообщить читателямъ»,—такъ оканчиваетъ Гринъ первую часть своей повѣсти.

Вторая часть Мамиліи, написанная Гриномъ тоже въ Кэمبرиджѣ (⁶⁸) и упоминаемая въ *Registers* подъ 6 сентября 1583, вышла въ свѣтъ уже послѣ его смерти, въ 1593 (⁶⁹). Въ ней Гринъ досказываетъ исторію Мамиліи и Фарикла.—Внезапный отъѣздъ Фарикла былъ громовымъ ударомъ для обманутой Мамиліи. Скорбь и отчаяніе, овладѣвшія ею, были однако не въ силахъ изгладить изъ ея сердца образъ невѣрнаго. Гринъ пользуется этимъ случаемъ, чтобы провести параллель между легкомысліемъ мужчинъ и постоянствомъ женщинъ и пишетъ послѣднимъ восторженный панигирикъ. Фарикль между тѣмъ отправляется въ Испанію и избираетъ своимъ мѣстопробываніемъ Сарагоссу, гдѣ въ него влюбляется какая-то куртизанка. Отвергнутая имъ, она дѣлаетъ на него доносъ властямъ, и Фарикла сажаютъ въ тюрьму. Когда слухи объ этомъ доходятъ до Мамиліи, она, подобно Порціи въ Венеціанскомъ купцѣ, переодѣвается въ мужское платье, ѣдетъ въ Сарагоссу и спасаетъ Фарикла, который, тронутый ея любовью, на этотъ разъ дѣйствительно женится на ней.

Въ повѣсти Грина замѣтно вліяніе Эвфуэса Лилли—знаменитаго романа, появившагося въ 1579 г. и положившаго свою печать на всю послѣдующую повѣствовательную литературу Англіи (⁷⁰). Гринъ не только усвоилъ себѣ утонченно-манерный стиль своего образца, извѣстный подъ именемъ эвфуизма, но позаимствовался отъ Лилли нѣкоторыми приемами и положеніями, которыми съумѣлъ искусно

воспользоваться. Такъ напр. застольныя разсужденія на тему: что такое любовь?, въ которыхъ Фарикль имѣлъ случай выказать свою ученость и ораторскій талантъ и тѣмъ покорилъ себѣ сердце Публии, навѣяны подобными же разсужденіями въ романѣ Лилли, который въ свою очередь заимствовалъ этотъ эффектный приѣмъ у итальянскихъ новеллистовъ. Самый характеръ героя повѣсти есть сколокъ съ Эвфуэса Лилли, и если у Грина типъ легкомысленнаго и вѣтреннаго любовника вышелъ живѣе и рельефнѣе, чѣмъ у Лилли, то это можетъ быть объяснено внутреннимъ сродствомъ между характеромъ Фарикла и характеромъ самого Грина.

Написанная по всей вѣроятности вслѣдъ за Мамиліей и вышедшая въ 1584 повѣсть *The Myrroure of Modesty*, сочиненная Гриномъ по порученію какой-то дамы, (какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ въ предисловіи къ читателямъ) не представляетъ никакого интереса ни въ біографическомъ, ни въ художественномъ отношеніи. Желаніе подражать Лилли доходитъ здѣсь до смѣшнаго. Гринъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы приблизиться къ стилю своего учителя, пренебрегая при этомъ не только художественными требованіями, но и требованіями простой вѣроятности. Нельзя безъ улыбки читать длинныя эвфуистическія тирады, которыми обмѣниваются старцы, проникшіе въ купальню къ Сусаннѣ и сама она, стоящая передъ ними въ костюмѣ Венеры Медицейской. Ни въ одномъ изъ своихъ произведеній Гринъ не является такимъ рабскимъ подражателемъ Лилли и, прибавимъ, нигдѣ онъ не является такимъ плохимъ разскащикомъ.

Къ 1584 г. относится три любовныхъ памфлета Грина. Мы скажемъ о нихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они записаны въ *Registers*.

1) *Gwydonius, the Card of Fancie*, упоминаемый въ *Registers* подъ 11 Апрѣля 1584 и изданный въ томъ же году книгопродавцемъ Понсонби, посвященъ Гриномъ Эдварду Виру, графу оксфордскому. Повѣсти предшествуетъ латинское стихотвореніе *In laudem auctoris*, подписанное Ричардомъ Портингтономъ. Источникъ Гвидонія неизвѣстенъ, но весьма вѣроятно, что содержаніе его заимствовано Гриномъ у итальянскихъ новеллистовъ. У герцога Клерофонта, владѣтеля Митилены, было двое дѣтей—дочь Левкиппа, отличавшаяся всѣми физическими и нравственными совершенствами, и красивый, но безпутный сынъ Гвидоній. Вслѣдствіе жалобъ мѣстнаго населенія на разныя безчинства Гвидонія, его рѣшено было отправить въ заграничное путешествіе. Прибывъ въ городъ Баруту, Гвидоній набираетъ шайку такихъ же повѣсь, какъ онъ самъ и начинаетъ свои прежнія проказы. Впрочемъ въ этомъ городѣ онъ получаетъ первый урокъ жизненной опытности. Безпутная и расточительная жизнь Гвидонія возбуждаетъ неудовольствіе и подозрительность городскихъ властей; его арестуютъ и сажаютъ въ тюрьму. Тутъ Гвидоній увидѣлъ, до какой степени можно полагаться на людей: лишь только его арестовали, какъ всѣ его собутыльники исчезли, оставивъ его на произволъ судьбы. Вырвавшись изъ тюрьмы, Гвидоній поспѣшно оставляетъ неблагодарный городъ и отправляется въ Александрію.—Въ Александріи царствовалъ тогда герцогъ Орланіо, у котораго было двое дѣтей—сынъ Терсандръ и дочь Кастанія. Герцогъ такъ былъ очарованъ умомъ, красотой и изящными манерами юнаго незнакомца, что не только принялъ его на службу, но сдѣлалъ его товарищемъ своего сына. Посѣщая дворецъ герцога, Гвидоній имѣлъ случай увидѣть и полюбить Кастанію, которая съ своей стороны отвѣчала ему взаимностью. Молодые люди уже мечтали о

свадьбѣ, когда неожиданное обстоятельство едва не разрушило ихъ надеждъ. Дѣло въ томъ, что между владѣтелемъ Митилены Клерофонтомъ и его вассаломъ и данникомъ Орланіо возникли неудовольствія за неплатежъ обычной дани. Носились слухи, что Клерофонтъ собираетъ войска, чтобъ поддержать свои требованія силой. Не теряя надежды уладить дѣло мирнымъ путемъ, Орланіо послалъ своего сына въ Митилену для переговоровъ.—Хотя Терсандру не удалось убѣдить Клерофонта уменьшить свои требованія, но за то ему удалось влюбить въ себя его дочь Левкиппу. Едва Терсандръ успѣлъ уѣхать обратно къ отцу, какъ за нимъ по пятамъ уже двигались дружины Клерофонта. Орланіо сталъ готовиться къ отпору и назначилъ Гвидонія главнокомандующимъ своего войска. Не желая сражаться противъ своихъ, Гвидоній задумалъ бѣжать къ отцу, взявши съ собою Кастанію, но планъ его бѣгства былъ открытъ придворнымъ Валеріо, любившимъ Кастанію и отвергнутымъ ею. По приказанію Орланіо, Гвидоній былъ схваченъ и брошенъ въ тюрьму. Между тѣмъ войско Клерофонта уже подходило къ стѣнамъ Александріи. Здѣсь произошла битва, и хотя Митиленцы и одолѣли Александрійцевъ, но и сами понесли большія потери. Чтобъ избѣжать дальнѣйшаго кровопролитія, рѣшено было рѣшить участь войны посредствомъ поединка. Со стороны Митиленцевъ вышелъ самъ Клерофонтъ; со стороны Александрійцевъ переодѣтый и замаскированный Гвидоній. Клерофонтъ былъ побѣжденъ и отвѣденъ какъ плѣнникъ въ Александрію. Здѣсь противники заключили миръ, скрѣпивъ его двойнымъ союзомъ: Гвидоній женится на Кастаніи, а Левкиппа выходитъ за Терсандра. Описаніемъ свадебныхъ торжествъ и заключается повѣсть.

2) Вслѣдъ за Гвидоніемъ въ *Registers* упоминается (подъ 13 Августа 1584) повѣсть Грина *Арбасто, король Да-*

nin (*The Historie of Arbasto, king of Denmark*) (71). Рассказъ ведется отъ лица автора, который во время своихъ странствованій посѣтилъ одного отшельника, жившаго въ пещерѣ возлѣ Сидона. Отшельникъ сообщилъ Грину, что зовутъ его Арбасто, что онъ нѣкогда былъ могущественнымъ властителемъ Даніи и что его погубила любовь къ Доралиціи, дочери французскаго короля Целоруса. Вотъ какимъ образомъ это случилось: Арбасто былъ въ войнѣ съ Франціей; войска его вездѣ одолѣвали французовъ. Убѣдившись, что врага нельзя одолѣть силой, Целорусъ прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ упросилъ Арбасто заключить перемиріе на три мѣсяца. Слишкомъ рыцарственный и благородный, чтобы считать даже своего врага способнымъ на измѣну, Арбасто согласился. По обычаю великолѣпныя празднества сопровождали заключеніе перемирія. Арбасто былъ приглашаемъ не разъ во французскій лагерь, гдѣ имѣлъ случай увидать дочерей французскаго короля, изъ которыхъ старшая Доралиція внушила ему нѣжное чувство. Самъ же онъ, нисколько того не подозрѣвая, сдѣлался предметомъ обожанія меньшей дочери короля Мираніи. Частыя посѣщенія французскаго лагеря Арбасто представляли Целорусу удобный случай избавиться отъ своего побѣдоноснаго врага. Въ одно изъ такихъ посѣщеній безоружный Арбасто былъ схваченъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ Эгеріо и брошенъ въ тюрьму. Уже назначенъ былъ день ихъ казни, когда Миранія нашла средство спасти ихъ. Арбасто убѣждалъ въ Данію вмѣстѣ съ своей спасительницей. Тронутый любовью и самоотверженіемъ Мираніи, Арбасто далъ обѣщаніе жениться на ней. Рѣшеніе это было ему внушено разсудкомъ и благодарностью; что до его сердца, то оно продолжало принадлежать Доралиціи. Когда Миранія узнала, что Арбасто тайнымъ образомъ сноится съ сестрой, ко-

торая впрочемъ и на этотъ разъ отвергла его, она умерла съ горя. Народъ же датскій, возмущенный вѣроломствомъ Арбасто, возстаетъ подъ предводительствомъ Эгеріо и изгоняетъ его изъ Даніи. Выгнанный изъ своего государства, упрекая себя въ гибели Мираніи, Арбасто съ разбитымъ сердцемъ рѣшается навсегда покинуть свѣтъ, удаляется въ пустыню, гдѣ и нашелъ его авторъ.

3) Повѣсть *Морандо* посвящена Гриномъ извѣстному покровителю наукъ графу Филиппу Аронделю ⁽⁷²⁾. Изъ самого заглавія ея видно, что это не повѣсть въ собственномъ смыслѣ, а вставленные въ рамку новеллы правоучительныя разсужденія о любви ⁽⁷³⁾. Разсужденія эти тянутся въ продолженіе трехъ вечеровъ, отсюда и заглавіе повѣсти *Morando, the Tritameron of Love*, очевидно придуманное Гриномъ въ *pendant* къ Декамерону Боккачіо. Мы передадимъ содержаніе ея столь возможно кратко: вдова синьора Бонфадіо, Пантія, съ своими тремя дочерьми Лаценой, Состратой и Фіоретой была приглашена боевымъ товарищемъ своего покойнаго мужа синьоромъ Морандо къ нему на дачу, гдѣ онѣ нашли общество, состоящее изъ мессира Аретино и синьоровъ Пераціо и Донъ Сильвестро. Тутъ за ужиномъ, по поводу висѣвшей въ столовой картины, изображавшей похищеніе Европы, между гостями Морандо начинается споръ о любви. Пераціо, яростный противникъ женщинъ, беретъ доказать тезисъ, весьма не лестный для прекраснаго пола: *Amor fa multo, ma argento fa tutto* (любовь дѣлаетъ многое, золото-же все). Сначала вступаетъ съ нимъ въ споръ Пантея, но вскорѣ отказывается диспутировать о такомъ фривольномъ предметѣ и поручаетъ защиту женщинъ своей старшей дочери Лаценѣ. На слѣдующій день хозяинъ предлагаетъ новую тему для спора: хорошо-ли любить или нѣтъ? въ обсужденіи которой прини-

маеть участіе все общество. На третій день предлагается новый любовный тезисъ: кто можетъ сильнѣе бороться съ любовью — мужчина или женщина? Со стороны мужчинъ споръ ведется синьоромъ Сильвестро; со стороны женщинъ младшей дочерью Пантеи—Фіоретой. Противники изумляютъ общество своей находчивостью и діалектикой. Вторая часть повѣсти есть собственно рассказъ о любви Сильвестро и Лацены. Рассказъ этотъ, гдѣ проза чередуется съ стихами, полонъ примѣровъ, анекдотовъ и сентенцій, заимствованныхъ изъ классическихъ писателей и обличаетъ большую начитанность Грина. Споры о счастіи и любви занимаютъ также не малую часть повѣсти, которая оканчивается соединеніемъ Лацены и Сильвестро.

Первыя произведенія Грина, имѣвшія значительный успѣхъ въ публикѣ, подверглись, можетъ быть благодаря своему успѣху, ожесточеннымъ нападкамъ со стороны его товарищей по литературѣ. Въ посвященіи второй части повѣсти *Мамиллія* (1583) своимъ друзьямъ и почитателямъ Роберту Ли и Ричарду Портингтону, Гринъ такъ выражается объ этихъ нападкахъ: «пусть Момусъ смѣется, а Зоиль завидуетъ; пусть паразиты льстятъ, а сикофанты улыбаются; пусть даже самъ свирѣпый Сатиръ хмурится сколько ему угодно» и т. д. Въ предисловіи къ *Morando* Гринъ, по всей вѣроятности раздраженный новыми нападками, снова упоминаетъ о свирѣпыхъ сатирахъ и издѣвающихся сикофантахъ, которые стараются уронить все, хотя имъ больше никто уже не вѣритъ.

Въ 1585 г. Гринъ издалъ только одинъ памфлетъ *Planetomachia*, посвятивъ его могущественному фавориту Елисаветы, графу Лейстеру (74). Сочиненіе это есть, собственно говоря, споръ между двумя планетами: Сатурномъ и Венерой, которые препираются о томъ, кто изъ нихъ оказы-

ваетъ наиболѣе полезное вліяніе на людей. Споръ рѣшаетъ солнце, избранное обѣими сторонами въ третейскіе судьи. Сказавъ вообще о вредномъ вліяніи Сатурна на человѣческую судьбу, охарактеризовавъ родившихся подъ этой планетой какъ людей жадныхъ, трусливыхъ, лицемерныхъ и мрачныхъ, Венера въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ рассказываетъ новеллу, носящую въ подлинникѣ названіе *Venus Tragedie*. Нѣкогда въ Феррарѣ жилъ герцогъ Вальдрако, человѣкъ корыстолюбивый, мстительный и къ тому же страшный лицемеръ и эгоистъ. Онъ имѣлъ единственную дочь Пазиллу, одаренную умомъ и красотою. Въ нее влюбляется нѣкто графъ Роденто, смертельный врагъ ея отца. Любовь хитра на выдумки: не смотря на всѣ предосторожности, принятыя подозрительнымъ Вальдрако, Роденто удается передать Пазиллѣ черезъ одну придворную даму письменное объясненіе въ любви. Зная мстительный характеръ отца и предвидя, что ничего хорошаго не выйдетъ изъ этой любви, Пазилла сочла благоразумнымъ отказать юношѣ въ его исканіяхъ. Написавъ отказъ, Пазилла легла въ постель, но не могла уснуть: Венера, раздраженная ея холодностью и благоразуміемъ, наполнила ея душу сладкими грезами любви и счастья съ Роденто. Лишь къ утру уснула дѣвушка, но проснулась уже страстно влюбленною въ Роденто. Перемена, происшедшая въ ней, была такъ быстра и непонятна, что ей стало стыдно самой себя; подъ гнетомъ этого впечатлѣнія она не совсѣмъ любезно встрѣтила пришедшую за отвѣтомъ придворную даму, которая ушла ни съ чѣмъ. Цѣлый день просидѣла Пазилла въ своей комнатѣ, перечитывала письмо Роденто и не могла собрать своихъ мыслей. Когда отецъ, обеспокоенный ея отсутствіемъ, зашелъ къ ней въ комнату, она была такъ разсѣяна, что позабыла припрятать лежавшее передъ ней письмо Роденто. Прочитавъ

письмо, старый герцогъ пришелъ въ ярость, но, какъ истинный сынъ Сатурна, онъ подавилъ ее въ себѣ. Встрѣтись въ тотъ же день въ сенатѣ съ отцомъ Роденто, старымъ графомъ Челіо, герцогъ предложилъ ему покончить давнишнюю вражду примиреніемъ и въ залогъ мира и дружбы соединить бракомъ дѣтей своихъ. Не предвидя со стороны герцога никакого коварства и зная, что сынъ любить Пазиллу, старикъ Челіо съ радостью согласился на его предложеніе. Свадьба была сыграна со всевозможнымъ великолѣпіемъ, и молодые люди блаженствовали. Но тутъ вскорѣ и обнаружился коварный и мстительный характеръ герцога. Онъ подкупаетъ наемнаго убійцу умертвить Челіо и отравить своего зятя. Узнавши, кто былъ причиной смерти любимаго мужа, Пазилла убиваетъ отца и потомъ въ отчаяніи сама лишаетъ себя жизни. Выслушавши этотъ рассказъ, Сатурнъ замѣтилъ, что онъ служитъ не въ пользу тезиса Венеры, потому что не влюбись Роденто въ Пазиллу, не содѣйствуй Венера любви его—ничего бы этого и не произошло. Венера же возразила, что причиной несчастья была не любовь Роденто, но злоба и коварство стараго герцога, развившіяся въ немъ подъ вліяніемъ Сатурна. Третьейскій судья, солнце, рѣшаетъ споръ въ пользу Венеры. Раздосадованный приговоромъ солнца, Сатурнъ обѣщаетъ рассказать съ своей стороны исторію, гдѣ любовь играетъ пагубную роль и дѣйствительно рассказываетъ египетскую исторію куртизанки Родописъ, о томъ какъ она прельстила стараго Псаметиха, который сдѣлалъ ее королевой, какъ она потомъ влюбилась въ сына его Филарха, какъ Псаметихъ, узнавъ про ихъ связь, убилъ ихъ обоихъ а потомъ отравилъ и себя.

Женитьба Грина и сопряженный съ ней отъѣздъ его въ провинцію были причиной того, что 1586 годъ является

какимъ-то пробѣломъ въ его литературной дѣятельности: за исключеніемъ второй части *Morando* онъ ничего не отдавалъ въ печать въ этомъ году. Возвратившись послѣ разрыва съ женой въ Лондонъ, Гринъ снова предается занятіямъ литературой, какъ бы ища въ нихъ забвенія отъ грызшаго его стыда и раскаянія. Плодомъ этого настроенія былъ памфлетъ *Farewell to Follie*, о которомъ въ *Registers* упоминается подъ 11 Юня 1587, какъ объ одной изъ книгъ разрѣшенныхъ къ изданію книгопродавцу Эдварду Аггасу. Но Гринъ почему-то не рѣшился выпустить его въ свѣтъ и, взявъ назадъ рукопись, далъ издателю взамѣнъ—какъ остроумно догадывается Симпсонъ—другую повѣсть: *Ткань Пенелопы* (*Penelope's Web*), которая вслѣдъ затѣмъ вскорѣ (именно 26 Юня) и упоминается въ *Registers*. (75).

Повѣсть эта посвящена Гриномъ Лэди Маргаритѣ, графинѣ Комберлэндъ. Авторъ переноситъ насъ на островъ Итаку, въ спальню вѣрной жены Одиссея, которая сидитъ за тканью, окруженная своими прислужницами. Идетъ разговоръ о любви, причемъ прислужницы Пенелопы разсуждаютъ, какъ ученые, пересыпая свою рѣчь изреченіями древнихъ философовъ и поэтовъ. Одна изъ нихъ развиваетъ платоническую теорію любви, заимствованную Гриномъ у итальянскихъ платониковъ, хотя и значительно видоизмѣненную. «Истинная и совершенная любовь—говоритъ она—имѣетъ свое основаніе въ одной добродѣтели; она стремится не къ внѣшней красотѣ тѣла, но къ внутреннему совершенству духа. Не убывая, но возрастая съ годами, она связываетъ сердца такими тѣсными узами симпатіи, при которыхъ всякій трудъ и тягость считается удовольствіемъ.» Въ примѣръ такой постоянной идеальной любви ораторша приводитъ свою госпожу, которая любитъ своего мужа не безумной страстью, обыкновенно приписы-

ваемой вліянію Венеры, но глубокимъ и прочнымъ чувствомъ, имѣющимъ свой источникъ въ стремленіи къ добродѣтели. Отъ любви разговоръ естественнымъ образомъ переходитъ къ супружеству. Собесѣдницы разсуждаютъ о тѣхъ качествахъ, которыми должна обладать женщина, чтобъ сдѣлать своего мужа счастливымъ. По мнѣнію Пенелопы эти качества сводятся къ тремъ главнымъ—послушанію, цѣломудрію и молчаливой скромности. Въ подтвержденіе своего мнѣнія Пенелопа разсказываетъ три новеллы. Героиней первой является Барлинисса, жена египетскаго султана Саладина. Мужъ ея влюбился въ куртизанку Олинду, возвелъ ее на престолъ, а ее отдалилъ отъ себя и заставилъ жить въ бѣдности. Все это терпѣливо сносила послушная жена, никогда не жаловалась на свою горькую участь и даже старалась оправдать своего мужа въ глазахъ другихъ. Между тѣмъ Олинда, воображая себя всесильной, разоряла народъ, подвигала султана на несправедливые и жестокіе поступки и въ довершеніе всего стала требовать изгнанія несчастной Барлиниссы изъ предѣловъ государства. Послѣднее требованіе переполнило чашу: султанъ, давно уже тяготившійся деспотизмомъ и расточительностью Олинды, изгналъ ее изъ предѣловъ государства, и снова возвелъ на престолъ кроткую и послушную жену, съ которой продолжалъ жить до смерти въ любви и согласіи. На слѣдующій вечеръ, когда ушли надоѣдавшіе Пенелопѣ женихи, она возвращается къ вчерашнему разговору и разсказываетъ вторую новеллу (*Penelopes Second Tale*), гдѣ цѣломудріе жены фермера Кратиллы торжествуетъ надъ сластолюбіемъ вельможи Калама, который до того былъ пораженъ добродѣтелью Кратиллы, что въ немъ произошелъ благодѣтельный нравственный переворотъ, и онъ сталъ лучшимъ человѣкомъ. На третій вечеръ стоялъ на

очереди вопросъ о скромности; на эту тему Пенелопа рассказываетъ свою третью новеллу. У одного дельфійскаго царя было три сына. Чувствуя приближеніе смерти, царь призвалъ ихъ къ себѣ и сказалъ, что, любя ихъ одинаково, онъ не можетъ по обычаю отдать все царство старшему сыну. Чтобъ никто изъ нихъ не былъ обиженъ, онъ придумываетъ слѣдующее средство: онъ предоставляетъ все царство тому изъ сыновей, чья жена окажется лучше другихъ. Сыновья соглашаются и наперерывъ превозносятъ добродѣтели своихъ женъ. Царь присуждаетъ свою корону меньшему сыну, жена котораго молчала въ то время, когда жены старшихъ братьевъ вступили въ присутствіи царя въ жаркое препирательство за свои права. Когда Пенелопа досказывала свою повѣсть, вѣстникъ пришелъ сказать, что судьба наградила ее за ея любовь и вѣрность, что ея желанный Одиссей присталъ къ берегамъ Итаки.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя Гринъ отдалъ въ печать свою другую повѣсть: *Совѣты Эвфуэса Филавту* (*Euphues, his Censure to Philautus*. ⁽⁷⁶⁾) Самое заглавіе показываетъ, что повѣсть Грина состоитъ въ тѣсной связи съ знаменитымъ романомъ Лилли. Извѣстно, что рассказъ Лилли обрывается на женитьбѣ Филавта и на удаленіи разочарованнаго Эвфуэса на пустынную гору Силекседру, гдѣ онъ вдали отъ людей предается воспоминаніямъ о своихъ злоключеніяхъ. Принявъ въ расчетъ популярность, которой пользовался Эвфуэсъ, Гринъ рѣшился поднять нить брошенную Лилли и продолжить нѣсколько далѣе рассказъ своего учителя. Въ посвященіи своей повѣсти Эссексу Гринъ сообщаетъ между прочимъ вымышленную исторію ея происхожденія: говоритъ, что ему случайно попали въ руки совѣты Эвфуэса, посланные изъ Силекседры Филавту, который вскорѣ послѣ своей женитьбы былъ назначенъ главно-

командующимъ какого - то фантастическаго войска. «Въ этихъ совѣтахъ Эвфуэсъ, идя по слѣдамъ Цицерона въ его *De oratore*, Платона въ его *Республикѣ* и графа Бальдассаро въ его *Придворномъ* (77), стремится нарисовать подъ покровомъ философскаго спора между Гекторомъ и Ахиллесомъ идеальнаго военачальника». Споръ этотъ происходитъ по слѣдующему поводу: пользуясь кратковременнымъ перемиріемъ, троянскія дамы Андромаха, Поликсена и др., отправляются въ гости въ греческій лагерь. Ахиллесъ и Одиссей принимаютъ гостей съ истинно-рыцарскою любезностью, причемъ хитроумный Одиссей говоритъ троянскимъ дамамъ комплименты, которымъ бы позавидовалъ любой придворный временъ Елисаветы, удивляется что Парису вздумалось увезти Елену изъ Греціи, когда Троя изобилуетъ такими красавицами и. т. п. Нѣсколько спустя гостей приходятъ привѣтствовать греческія дамы; завязывается общій разговоръ, въ которомъ собесѣдницы щеголяютъ другъ передъ другомъ антитезами, софизмами и цитатами: Андромаха пикируется съ Ифигеніей, Бризейда съ Кассандрой. Послѣ ужина престарѣлый Несторъ предлагаетъ тему для спора: о качествахъ, которыми долженъ обладать идеальный военачальникъ, чтобы прожить счастливо и умереть съ честью. Гекторъ утверждаетъ, что самое необходимое качество для полководца — это энергія въ соединеніи съ великодушіемъ; Ахиллесъ напротивъ того стоитъ за щедрость, Геленъ — за мудрость соединенную съ знаніемъ. По предложенію Агамемнона каждый изъ нихъ долженъ подтвердить справедливость защищаемаго имъ тезиса какимъ нибудь рассказомъ. Первому пришлось говорить Гелену. Онъ произноситъ блестящій панигирикъ мудрости и знанію, какъ источнику всякаго успѣха и подтверждаетъ свой

тезисъ новеллой, въ которой мудрость (собственно хитрость и коварство) торжествуетъ надъ грубой силой.

На слѣдующій день греческія дамы, въ сопровожденіи Ахиллеса, Нестора и др. посѣтили Трою, и были приняты съ большимъ почетомъ Пріамомъ въ его великолѣпномъ дворцѣ. Послѣ обѣда возобновился вчерашній разговоръ. На очереди Гекторъ съ своимъ мнѣніемъ объ энергіи и великодушіи, какъ самыхъ необходимыхъ качествахъ для воина вообще и полководца въ особенности. Кромѣ общихъ разсужденій и историческихъ примѣровъ, онъ также подтверждаетъ свой тезисъ новеллой (*Hector's Tragedie*), заимствуя ее изъ египетской исторіи. Затѣмъ дано слово Ахиллеса, который доказываетъ, что первая добродѣтель полководца щедрость и подтверждаетъ свое мнѣніе рассказомъ изъ аѳинской исторіи о какомъ-то полководцѣ Роксандерѣ, который вдохновлялъ солдатъ не столько своимъ личнымъ мужествомъ, сколько щедростью; солдаты Роксандера знали, что вся взятая ими добыча будетъ принадлежать имъ, и потому сражались съ необыкновеннымъ мужествомъ. Выслушавъ рассказъ Ахиллеса, Пріамъ, котораго собесѣдники выбрали судьей въ спорномъ вопросѣ, рѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что хорошій полководецъ долженъ обладать въ равной степени всѣми тремя качествами.

Къ 1588 году относятся три произведенія Грина: *Перемидъ Кузнецъ*, *Пандосто* и *Альцида* (⁷⁸). Первому изъ нихъ предпослано въ высшей степени интересное предисловіе къ читателю, бросающее свѣтъ на отношенія Грина къ нѣкоторымъ его собратьямъ по литературѣ — именно къ Марло и еще къ какому-то неизвѣстному драматургу. Чтобъ понять раздраженіе Грина, нужно припомнить, что Марло незадолго передъ тѣмъ, по всей вѣроятности въ концѣ 1586 года, поставилъ на сцену своего Тамерлана—произ-

ведение, составляющее эпоху въ исторіи англійской драмы какъ по своимъ внутреннимъ достоинствамъ, такъ и по своему прекрасному бѣлому стиху, который съ тѣхъ поръ сдѣлался необходимымъ условіемъ драматической дикціи. Громадный успѣхъ Тамерлана возбудилъ зависть и соревнованіе въ Гринѣ. Онъ, до сихъ поръ писавшій повѣсти съ своимъ извѣстнымъ девизомъ *Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci* и можетъ быть комедіи, рѣшился попытать свои силы въ области исторической драмы. Должно полагать, что опытъ вышелъ не совсѣмъ удаченъ. По словамъ Грина и его девизъ и его бѣлый стихъ были зло осмѣяны съ подмостковъ сцены какими-то двумя поэтами (79). Какая пьеса Грина подверглась осмѣянію—неизвѣстно. Симпсонъ дѣлаетъ весьма вѣроятную догадку, что пьеса эта была—*Альфонсъ, король Арагонскій*, носящая на себѣ ясные слѣды подражанія Тамерлану Марло и къ тому же написанная бѣлыми стихами. Равнымъ образомъ неизвѣстно, кто были тѣ драматурги, которые сдѣлали ее предметомъ своихъ насмѣшекъ. По нашему мнѣнію однимъ изъ этихъ обидчиковъ легко могъ быть самъ авторъ Тамерлана. Только сдѣлавъ такое предположеніе, мы можемъ объяснить себѣ неприличный и инсинуаціонный тонъ отзывовъ Грина о Тамерланѣ. Задѣтый за живое, Гринъ не разбираетъ выраженій: онъ обзываетъ Тамерлана атеистомъ, грозящимъ самому Богу въ небесахъ, говоритъ, что онъ готовъ скорѣе провороваться чѣмъ легкомысленно выставить на показъ подобные нечестивые обрашки невыносимой поэзіи и т. д. (80).

Насмѣшки, которыми осыпали Грина его литературные враги, были горячо приняты къ сердцу его друзьями и поклонниками. Одинъ изъ нихъ, нѣкто Элліотъ въ своемъ французскомъ сонетѣ, приложенномъ къ Перемиду, воспѣвъ заслуги оказанныя Гриномъ англійскому языку, убѣждаетъ его

отвѣчать презрѣніемъ на лай собакъ, карканье вороновъ и завыванье совъ и терпѣливо сносить ихъ яростныя нападки.

Повѣсть Перемидъ выкроена по извѣстному намъ шаблону любовныхъ памфлетовъ Грина. Здѣсь какъ и тамъ фабула служить только рамкой для новеллъ и вытекающихъ изъ нихъ нравоучительныхъ размышленій. Въ началѣ повѣсти Гринъ рисуеъ идиллическую картину жизни мемфисскаго кузнеца Перемида и его жены Деліи. Хотя они были люди бѣдные и исключительно жили трудами своихъ рукъ, но никогда не роптали на судьбу. Потрудившись весь день въ потѣ лица, они сходились домой къ вечеру, рассказывали другъ другу различныя исторіи и вели бесѣды по поводу рассказаннаго. Нѣсколько такихъ вечеровъ и хочетъ описать авторъ. Въ первый вечеръ Перемидъ рассказъ женѣ слѣдующую новеллу: нѣкогда въ землѣ Тирской жилъ Пристинъ, вельможа царя Тирскаго Эврибата, съ своей женой Маріанной. Долгое время они жили счастливо, пока на землю Тирскую не напалъ царь Сидонскій. Разбивши войско Эврибата и убивши его самого, царь Сидонскій увелъ въ плѣнъ всѣхъ его вельможъ и полководцевъ, въ томъ числѣ и Пристина. Когда вѣсть о вторженіи Сидонцевъ дошла до Маріанны, она, бывши тогда беременной, взяла своего груднаго ребенка, кормилицу, кой-какое имущество и отправилась на простой рыбацкѣй лодкѣ къ своимъ друзьямъ въ Липарію. По дорогѣ лодка была разбита бурей, а сама Маріанна, выброшенная волнами на берегъ, родила сына, котораго она назвала *Infortunio*. Но это было только начало ея несчастій. Пираты захватили ея дѣтей и кормилицу, оставивъ ее одну на пустынномъ берегу Декаполиса. Три года провела она тутъ, питаясь лѣсными кореньями и почти совершенно одичала. Наконецъ судь-

ба, видя ея покорность, сжалилась надъ ней. Случилось, что правитель Декаполиса, проѣзжая однажды съ своею женою по пустынному берегу, увидѣлъ прекрасную, почти нагую, женщину, съ волосами ниспадавшими до колѣнъ, играющую съ фавномъ. При видѣ людей, она тотчасъ же хотѣла скрыться въ лѣсу и не малаго труда стоило правителю Декаполиса и его женѣ убѣдить ее поселиться у нихъ. Атмосфера любви и ласки, которою съумѣли окружить Маріанну правитель Декаполиса и его жена подѣйствовали на послѣднюю такъ благотворно, что она скоро перестала дичиться и рассказала имъ свою исторію. Съ тѣхъ поръ они стали употреблять всѣ старанія чтобы отыскать дѣтей Маріанны. Долгое время ихъ усилія были безуспѣшны, пока сама судьба не поспѣшила къ нимъ на помощь. По счастливому случаю пираты продали дѣтей Маріанны вмѣстѣ съ ихъ кормилицей Ламорагу, брату правителя Декаполискаго. Кормилица назвала дѣтей своими сыновьями; они были воспитаны какъ простые люди; ихъ посылали на всякія работы и т. д. Когда же они выросли, то кормилица сообщила имъ тайну ихъ происхожденія, но взяла съ нихъ клятву не выдавать ее. Дѣти сдержали клятву, но чувствовали съ каждымъ днемъ все больше и больше узкость той сферы, въ которую помѣстила ихъ судьба. Вслѣдствіе этого старшій Процидоръ при первомъ удобномъ случаѣ ушелъ въ Египетъ искать счастья и случайно попалъ въ Декаполисъ, гдѣ правитель поспѣшилъ принять его въ свою службу. Такимъ образомъ нѣкоторое время сынъ и мать жили подъ одной кровлею, не зная другъ друга. Между тѣмъ Процидоръ и дочь правителя Декаполиса Марцелла страстно полюбили друга друга. Марцелла прямо объявила отцу, что не выйдетъ ни за кого, кромѣ Процидора. Разгнѣванный правитель хотѣлъ ихъ обоихъ казнить смертию, но мать

Марцеллы убѣдила мужа заключить ихъ въ отдѣльныя темницы. Сидя въ своей тюрьмѣ, Процидоръ, разговорившись съ тюремщикомъ, разсказалъ ему тайну своего происхожденія; послѣдній сообщилъ все отцу Марцеллы, который, узнавъ кто такой Процидоръ, съ восторгомъ согласился на бракъ своей дочери съ нимъ. Легко представить себѣ радость Маріанны, когда она узнала, что Процидоръ ея сынъ и что онъ женится на дочери правителя Декаполиса. Сейчасъ же послали гонцевъ узнать, что случилось съ младшимъ сыномъ Маріанны *Infortunio*. Гонцы привезли извѣстіе, что онъ по прежнему живетъ при дворѣ Ламорага и уже обрученъ съ его дочерью. Узнавши, что мать и братъ живы, *Infortunio* отправился съ невестой и будущимъ тестемъ въ Декаполисъ. Тутъ разомъ были отпразднованы двѣ свадьбы. Во время свадебныхъ торжествъ пришло извѣстіе, что сынъ Эврибата побѣдилъ царя Сидонскаго, воцарился въ Тирѣ и утвердилъ Пристину во всѣхъ его прежнихъ должностяхъ. Такимъ образомъ горе смѣнилось общей радостью, и Маріанна съ своими сыновьями и невестками уѣхала въ Тиръ къ Престину. — Радостнымъ свиданіемъ супруговъ и оканчивается разсказъ Перемида. Выслушавъ разсказъ мужа, жена замѣтила, что такіе крутые повороты бывають удѣломъ людей высокопоставленныхъ, и что подобно тому какъ буря, ломающая высокіе кедры, не опасна для низкихъ кустарниковъ, растущихъ у подножія ихъ, такъ и ихъ скромная доля обезпечена отъ подобныхъ превратностей.

На слѣдующій вечеръ была очередь Деліи, которая разсказала свою повѣсть. На островѣ Липарѣ жилъ юноша Алкимидесъ, одаренный всевозможными физическими и нравственными совершенствами; единственнымъ недостаткомъ его была крайняя бѣдность. Достигши совершенныхъ лѣтъ, онъ полюбилъ Констансу, дѣвушку благороднаго происхож-

денія и къ тому же очень богатую. Хотя Констанса и была безъ ума отъ красавца Алкимидеса, но родители ея и слышать не хотѣли объ этой свадьбѣ по причинѣ бѣдности жениха. Видя, что бѣдность есть единственная помѣха его счастью, Алкимидесъ во что бы то ни стало рѣшился пріобрѣсти себѣ богатство. Собравъ шайку удалцовъ, онъ сдѣлался пиратомъ и наводилъ ужасъ на прибрежныхъ жителей и купцовъ. Вскорѣ впрочемъ онъ былъ самъ взятъ въ плѣнъ Сарацинами, привезенъ въ Тунисъ и посаженъ въ тюрьму. Когда слухи объ его поимкѣ дошли до Констансы, она, не желая пережить его, сѣла въ лодку и отдала себя на жертву волнамъ. Случилось такъ, что буря прибила ея лодку къ пристани того города, гдѣ томился въ заключеніи ея возлюбленный. Между тѣмъ къ городу приступилъ непріятель. Алкимидесъ, какъ искусный вождь, былъ освобожденъ изъ темницы и король Туниса обѣщалъ не только дать ему полную свободу, но и наградить, если ему удастся отразить непріятельское нашествіе. Алкимидесъ побѣждаетъ враговъ, получаетъ отъ короля титулъ герцога тунисскаго и, послѣ многихъ приключеній, наконецъ соединяется съ Констансой.

Мы не будемъ излагать содержаніе слишкомъ извѣстной (81) повѣсти Грина *Пандосто* или *Дорастъ и Фавнія*, послужившей источникомъ Зимней сказки Шекспира, тѣмъ болѣе что намъ придется возвратиться къ ней въ послѣдней главѣ; теперь замѣтимъ только, что въ ея предисловіи, равно какъ и посвященіи, слышатся явственные отголоски извѣстной намъ перебранки Грина съ современными ему литераторами. Въ предисловіи къ читателямъ Гринъ намекаетъ на какихъ-то безумныхъ, придирчивыхъ и злостныхъ клеветниковъ, а въ посвященіи своей повѣсти графу Кэмберлэнду онъ проситъ графа принять ее подъ свою защи-

ту. «Тѣ, которые боятся укушенія змѣи, носятъ при себѣ постоянно перья Феникса. Ворона Цезаря, только взлетѣвши на вершину Капитолія, дерзала каркать свое Ave. Такъ и я хочу поставить несовершенство этого произведе- нія подъ защиту Вашего покровительства, изъ боязни чтобъ оно не подверглось укушенію ядовитыхъ змѣй, которыя стараются задѣть ядомъ своей клеветы все, будучи по боль- шей части невѣждами во всемъ. Я надѣюсь, что Ваше всѣмъ извѣстное мужество и добродѣтель будетъ въ со- стояніи защитить меня отъ ядовитыхъ языковъ этихъ зубо- скальствующихъ сикофантовъ.

9 Декабря 1588 въ *Registers* упоминается въ числѣ раз- рѣшенныхъ къ изданію книгъ повѣсть Грина *Альцида*, кото- рая впрочемъ была издана нѣсколько позже (⁸²). Мы ду- маемъ, что она едва-ли могла выдти въ свѣтъ раньше конца слѣдующаго года, потому что въ противномъ случаѣ Нашъ въ своей *Anatomie of Absurditie*, вышедшей только осенью 1589, не могъ бы назвать Грина Гомеромъ женскаго пола. (*Homer of Women*). Мы не знаемъ причинъ, заставившихъ Грина такъ быстро переменить фронтъ и обратить стрѣлы своего остроумія противъ тѣхъ, кого онъ такъ усердно воспѣвалъ; несомнѣнно одно, что всѣ новеллы, вошедшія въ составъ *Альциды*, имѣютъ тенденціозный характеръ, на- писаны съ цѣлью изобличенія женской безсердечности, вѣт- ренности и болтливости. За эти-то изобличенія и восхва- ляетъ автора его пріятель, нѣкто *Vibb*, предпославшій по- вѣсти Грина свое похвальное стихотвореніе (⁸³).

Разсказъ ведется отъ лица автора, который, потерпѣвъ кораблекрушеніе, былъ выброшенъ бурей на одинъ изъ острововъ, находящихся вблизи африканскаго берега. Онъ нашелъ себѣ пріютъ въ коттѣджѣ старушки (*Альциды*), ко- торая отнеслась къ нему съ большимъ участіемъ, отогрѣ-

ла и накормила его. Замѣтивъ въ лицѣ Альциды слѣды затаеннаго горя, авторъ сталъ разспрашивать старуху объ ея прошломъ. вмѣсто отвѣта она подвела Грина къ мраморному столбу, стоявшему невдалекѣ отъ коттеджа и напоминавшему собой грубо-изваянную женскую фигуру. Приблизившись къ столбу, она обвила его руками, и залилась горькими слезами. Успокоившись нѣсколько, она рассказала автору слѣдующую исторію: она, Альцида, была дочь графа и въ молодости была такъ хороша, что ее называли Венерой Тавробанской. Она вышла замужъ за владѣтельнаго князя Клеомаха, отъ котораго имѣла сына, наследовавшаго тронъ послѣ смерти ея мужа и трехъ дочерей, несчастная судьба которыхъ составляетъ предметъ ея неутѣшной скорби. Въ старшую ея дочь Фіордестину влюбился нѣкто Телегонъ, сынъ графа, но гордая красавица, помня свое происхожденіе отъ владѣтельнаго князя, презирала своего жениха, какъ неравнаго. На страстные письма его она отвѣчала оскорбительными посланіями; на его мольбы—холодностью и презрѣніемъ. Молодой человѣкъ, не будучи въ силахъ перенести такой жестокости, заболѣлъ съ горя и былъ близокъ къ смерти. Родители его въ отчаяніи прибѣгаютъ къ Альцидѣ и просятъ ее умолить свою дочь хоть взглянуть на страждущаго. Фіордестина послушалась матери и пошла навѣстить Телегона. Увидя его исхудавшаго и ожесточеннаго, она, не сказавъ ни слова, повернулась къ нему спиной и улыбнулась. За такую жестокость Меркурій обратилъ ее въ статую, а юноша тутъ-же умеръ съ горя.

Послѣ обѣда Альцида повела своего гостя въ тѣнистую рощу. Лишь только они усѣлись подъ тѣнью развѣсистаго кедра, какъ къ нимъ подлетѣла маленькая птичка, которая поминутно мѣняла свой цвѣтъ. Взглянувъ на нее, Альцида

вздохнула и стала рассказывать гостю исторію своей второй дочери Эрифилы. Насколько старшая дочь Альциды отличалась своей красотой и гордостью, настолько вторая была умна и вѣтренна. Полюбивъ герцога Мерибата, она скоро промѣняла его на другаго любовника, другаго на третьяго и т. д. Когда-же горячо любившій ее Мерибатъ сталъ упрекать ее въ непостоянствѣ, она отвѣчала ему съ большою развязностью: *Si natura hominum sit novitatis avida*, то и женщинамъ позволительно имѣть больше одной привязанности. Храмъ Венеры имѣетъ много дверей, а Купидонъ много стрѣлъ въ своемъ колчанѣ. Мерибатъ умеръ съ горя, выслушавъ такіе резоны, а боги, возмущенные вѣтренностью Эрифилы, превратили ее въ птичку Хамелеона.

На другой день Альцида повела своего гостя къ морю. Возлѣ самаго берега авторъ увидѣлъ каменную плиту, надъ которой склонялся розовый кустъ. На вопросъ его, чья эта могила? Альцида рассказала исторію своей третьей дочери Марнезіи. Надоумленная горькой участью сестеръ, прекрасная Марнезія всячески старалась избѣгать пороковъ, ихъ погубившихъ. Но и она не избѣжала своей судьбы: Венера, недовольная ея скромностью и сдержанностью, воспламенила ее страстью къ одному изъ придворныхъ брата, прекрасному юношѣ Эвримаху. Другой изъ придворныхъ, нѣкто Клеандръ, донесъ объ этой любви брату Марнезіи, и Эвримахъ былъ изгнанъ изъ страны. Эвримахъ зналъ кому онъ обязанъ своимъ изгнаніемъ и, подстергши доносчика, убилъ его. Между тѣмъ Марнезія заболѣла съ горя, и братъ, видя ея отчаяніе, дозволилъ Эвримаху возвратиться ко двору и, скрѣпя сердце, согласился на бракъ сестры съ подданнымъ. Но браку этому несуждено было сбыться по винѣ самой Марнезіи. Въ одно изъ свиданій она спросила сво-

его возлюбленного, отчего онъ такъ печаленъ? Эвримахъ сознался ей, что убилъ Клеандра и что съ тѣхъ поръ совѣсть не даетъ ему покоя. Въ тотъ же день Марнезія повѣрила тайну Эвримаха одной изъ своихъ подругъ, та передала другой и т. д. и недалѣе какъ вечеромъ слухъ объ этомъ дошелъ до брата Марнезіи, который приказалъ немедленно арестовать и судить Эвримаха. Судъ, основываясь на собственномъ показаніи Эвримаха, присудилъ его къ смертной казни. Стоя на эшафотѣ, Эвримахъ обратился къ публикѣ съ прощальнымъ словомъ и сказалъ, что погибаетъ отъ болтливости женщинъ. Эвримахъ былъ казненъ и похороненъ подъ этой плитой; дочь моя часто приходила сюда оплакивать его смерть и свое неблагоразуміе, и Венера, сжалившись надъ ней, превратила ее въ розовый кустъ. Когда Альцида оканчивала свой рассказъ, къ берегу подходило судно. Матросы узнали автора и предложили отвезти его въ Александрію. Простившись съ Альцидой, онъ взошелъ на корабль; старуха же, оставшись одна, начала такъ горько плакать, что боги изъ сожалѣнія превратили ее въ источникъ слезъ.

Лѣто 1588 года, видѣвшее нашествіе непобѣдимой Армады Филиппа II, было критическимъ моментомъ англійской исторіи. Не нужно быть большимъ политикомъ, чтобъ понять что въ этой схваткѣ съ Испаніей со стороны Англіи были брошены на вѣсы не только національная независимость, но и судьба протестантизма въ Европѣ; англичане поняли важность этого всемірно-историческаго момента и съ радостью несли послѣдній шиллингъ на военныя издержки. Успѣхъ увѣнчалъ патріотическія жертвы англійскаго народа, но ко всеобщему ликованію по случаю уничтоженія испанскаго флота примѣшивался страхъ новаго нашествія, которымъ угрожали Англіи католическіе фанати-

ки. Въ Англіи были увѣрены, что этимъ дѣло не кончалось, что не далѣе какъ черезъ годъ — два Филиппъ II рискнетъ на новую попытку. Эти опасенія были выражены весьма ясно въ рѣчи лорда-канцлера при открытіи парламента въ Февралѣ слѣдующаго года. Выслушавъ эту рѣчь, палата немедленно вотировала двѣ субсидіи на военныя издержки (⁸⁴). Легко себѣ представить какое возбужденіе господствовало въ то время не только противъ Испаніи, но и противъ католиковъ вообще, которыхъ считали главными виновниками бѣдствій, обрушившихся на Англію. Подъ вліяніемъ этого чувства написанъ памфлетъ Грина *Испанскій Маскарадъ* (*The Spanish Masquerado*), вышедшій какъ разъ къ открытію Парламента (⁸⁵). Въ предисловіи къ читателямъ Гринъ говоритъ, что до сихъ поръ онъ писалъ о любви, но что теперь ему пришло время раскрыть свои религіозныя убѣжденія. Будущій раціоналистъ является здѣсь не только яростнымъ протестантомъ, но и публицистомъ, стоящимъ на теологической точкѣ зрѣнія. Въ нашествіи испанцевъ онъ видитъ руку Божію, направленную на Англію съ цѣлью пробудить ея религіозный энтузіазмъ; въ англичанахъ—орудіе Бога для наказанія испанцевъ за ихъ гордость и нечестіе. Какъ протестантъ, Гринъ повторяетъ тоже, что говорили въ то время и другіе протестантскіе писатели: онъ называетъ папу Антахристомъ, Люциферомъ, отождествляетъ папскую власть съ тѣмъ страннымъ звѣремъ, о которомъ говоритъ Аріосто (⁸⁶). Онъ благодаритъ королеву за строгія мѣры противъ католиковъ, называетъ ее славной дочерью прославленнаго Генриха, которая, идя по слѣдамъ своего отца, по справедливости присвоила себѣ право супрематіи въ дѣлахъ вѣры и очистила церковь отъ нелѣпныхъ выдумокъ и ересей; въ особенности же Гринъ прославляетъ Елисавету за то, что она смот-

рить на папу какъ на антихриста и видить въ католической церкви ту вавилонскую блудницу, о которой говорится въ Апокалипсисѣ. Пятая глава посвящена католическому монашеству. Пользуясь преимущественно Декамерономъ Боккачю, Гринъ приводитъ нѣсколько скандальныхъ рассказовъ, способныхъ уронить нравы католическаго монашества въ глазахъ читателей. Узкій протестантизмъ, которымъ проникнутъ памфлетъ Грина, трудно мирится съ его послѣдующимъ религіознымъ вольнодумствомъ и невольно приходитъ на мысль, что ярость Грина противъ католиковъ была въ значительной степени условлена его негодованіемъ на ту двоедушную роль, которую они играли въ трудную для Англіи годину. Грину по всей вѣроятности былъ извѣстенъ планъ католиковъ, которые въ случаѣ высадки испанцевъ должны были воспользоваться отсутствіемъ войскъ изъ Лондона, поднять тамъ возстаніе, освободить Аронделя изъ Тоуера и подъ предводительствомъ его примкнуть къ испанцамъ ⁽⁸⁷⁾. Помимо историческаго и автобіографическаго значенія, памфлетъ Грина не имѣетъ никакого другаго, и въ настоящее время мы съ трудомъ можемъ объяснить себѣ, какъ такое ничтожное въ литературномъ отношеніи произведеніе могло вызвать со стороны друзей Грина восторженные похвалы; но минута была такова, что каждый истинный патріотъ считалъ своимъ долгомъ привѣтствовать въ Гринѣ бойца за честь и достоинство Англіи и защищать его имя отъ нападковъ *des gens séditieux*, какъ выразился Лоджъ въ своемъ французскомъ сонетѣ въ честь Грина, гдѣ онъ между прочимъ называетъ своего друга *compagnon de dieux* ⁽⁸⁸⁾.

Успѣхъ *Аркадіи* Сиднея, вышедшей въ свѣтъ осенью 1588 года ⁽⁸⁹⁾ побудилъ Грина попробовать себя въ пастушескомъ родѣ: въ Августѣ 1589 г. онъ отдалъ въ печать

свой пастушескій романъ *Менафонъ или Аркадія* ⁽⁹⁰⁾, снабженный знаменитымъ адресомъ Наша къ студентамъ Оксфорда и Кэмбриджа. Этотъ адресъ, равно какъ и предпосланныя Менафону стихотворенія, имѣютъ одну цѣль: возвеличить Грина и предать позору тѣхъ дерзкихъ драматурговъ, которые не задолго передъ тѣмъ осмѣяли его съ подмостокъ сцены. Въ предисловіи къ читателямъ Гринъ намеками даетъ понять, что сама повѣсть имѣетъ прямое отношеніе къ возникшимъ пререканіямъ. «Если въ моей повѣсти—говоритъ онъ—вы найдете темныя загадки и выходы, которыя вамъ покажутся странными, то для разъясненія ихъ я просилъ бы васъ подумать немного, чтобы проникнуть въ мой замыселъ» ⁽⁹¹⁾. Пріятель Грина, Томасъ Барнби, (авторъ одного изъ стихотвореній, предпосланныхъ Менафону, подписавшійся анаграммой *Brabine*) выражается яснѣе и обращаясь къ хулителямъ Грина, подсмѣиваясь надъ ихъ напыщеннымъ слогомъ, приглашаетъ ихъ написать что-либо подобное Менафону. ⁽⁹²⁾ Наконецъ адресъ Наша не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ дѣло съ продолженіемъ уже извѣстной намъ исторіи. Обращаясь къ студентамъ Оксфорда и Кэмбриджа, Нашъ предостерегаетъ ихъ отъ увлеченія моднымъ напыщеннымъ слогомъ, распространеніе котораго объясняется желаніемъ рабски подражать высокопарной дикціи тщеславныхъ актеровъ (*vain-glorious tragedians*). Впрочемъ, прибавляетъ Нашъ, я не столько виню ихъ сколько ихъ идіотовъ-наставниковъ, считающихъ себя алхимиками краснорѣчія, которые, взобравшись на подмостки самомнѣнія, думаютъ своимъ вздутымъ и напыщеннымъ бѣлымъ стихомъ заткнуть за поясъ болѣе даровитыхъ писателей (*to outbrave better pens*). Сопоставляя это мѣсто съ предисловіемъ Грина къ *Перемиду*, мы легко догадаемся, на кого здѣсь мѣтитъ Нашъ. Но успѣхъ

Марло, который самъ былъ магистръ кэмбриджскаго университета, не могъ до такой степени задѣть самолюбіе Грина и его друзей, какъ успѣхъ драматурговъ, которые, не получивъ не только университетскаго, но даже порядочнаго школьнаго образованія, но идя по слѣдамъ Марло, усвоивъ себѣ его высокопарную драматическую дикцію, облеченную въ оправу бѣлаго стиха, начали овладѣвать симпатіями театральной публики. Противъ этихъ-то недоучекъ — которыхъ Нашъ называетъ весьма характеристично *безлатынными* (*lacklatins*) — позволявшихъ себѣ сверхъ того иронически относиться къ прежнимъ литературнымъ знаменитостямъ, и направлены самыя ядовитыя выходки Наша. Что Нашъ здѣсь намекаетъ на Шекспира, какъ думаетъ Симпсонъ, въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, ибо несомнѣнно, что съ точки зрѣнія Наша, Шекспиръ, ужъ начавшій тогда свое драматическое поприще, могъ быть причисленъ къ семьѣ безлатынныхъ драматурговъ, которые, нерѣдко соединяя въ своемъ лицѣ двѣ профессіи актера и драматурга, были опасными соперниками Грину. Отъ этихъ «невѣждъ и фразеровъ, пишущихъ манернымъ и напыщеннымъ слогомъ и питающихся крупицами падающими со стола переводчиковъ,» Нашъ переходитъ къ Менафону Грина и хвалитъ своего друга за оригинальность вымысла и за *temperatum dicendi modus*, который Цицеронъ считаетъ первымъ условіемъ истиннаго краснорѣчія. Относительно первой трудно что-нибудь сказать, потому что источникъ Менафона до сихъ поръ неизвѣстенъ; что до слога Грина, то пристрастный отзывъ Наша можетъ быть по нашему мнѣнію объясненъ желаніемъ противопоставить сравнительно не столь вычурный слогъ Грина напыщенной дикціи его литературныхъ противниковъ. Правда, что Менафонъ менѣе эвфуистиченъ, чѣмъ предыдущіе памфлеты Грина, правда, что Гринъ не разъ даже принимаетъ

ся подшучивать надъ слогомъ своего учителя Лилли (⁹³), но при всемъ томъ языкъ Менафона далекъ отъ простоты послѣдующихъ памфлетовъ Грина и если автора можно похвалить, то развѣ за желаніе выйти изъ-подъ опеки Лилли и писать не такъ манерно и вычурно.

По содержанію своему Менафонъ въ значительной степени отличается отъ только-что разсмотрѣнныхъ нами любовныхъ памфлетовъ Грина: въ немъ фабула, очень сложная и исполненная эффектныхъ, хотя и мало вѣроятныхъ, событій, совершенно заслоняетъ собою дидактическій элементъ. Повѣсть начинается съ того, что Менафонъ, пастухъ царя Демоклеса, сидя на берегу моря и предаваясь грустнымъ размышленіямъ о тщетѣ и ничтожествѣ любви, вдругъ увидѣлъ разбитый корабль, который буря прибила къ берегу. Изъ корабля вышли спасшіеся какимъ-то чудомъ двое пассажировъ—почтенный старикъ и опирающаяся на его руку молодая и прекрасная женщина съ ребенкомъ на рукахъ. Это была Сефестія, дочь царя Демоклеса, изгнанная своимъ отцомъ, а старикъ—ея родственникъ, Ламедонъ. Одинъ взглядъ, брошенный Менафономъ на Сефестію, показалъ ему всю несостоятельность его пессимистической философіи, а, поговоривши съ ней нѣсколько минутъ, Менафонъ почувствовалъ себя на седьмомъ небѣ. Бесѣдуя съ Менафономъ, Сефестія не сказала своего настоящаго имени и происхожденія, а назвала себя Самелой, уроженкой Крита, вдовой недавно погибшаго небогатаго джентльмена. Менафонъ пригласилъ путешественниковъ остановиться пока у него. Придя въ скромную хижину Менафона, Самела и Ламедонъ, утомленные событіями предыдущаго дня, скоро заснули; но Менафонъ долго не могъ заснуть—все мерещился ему плѣнительный образъ незнакомки. На другой день послѣ завтрака вся компанія отправилась гулять, при-

чемъ Менафонъ, воспользовавшись минутой, когда онъ остался наединѣ съ Самелой, не замедлилъ открыть ей свои чувства. Отвѣтъ послѣдовалъ не совсѣмъ благопріятный. Самела, еще не свыкшаяся съ своей новой ролью, начала говорить въ томъ смыслѣ, что для любви необходимо равенство общественныхъ положеній. Замѣтивъ же, что при этихъ словахъ лицо Менафона покрылось блѣдностью, она поспѣшила позолотить пилюлю и прибавила, что любовь не сразу овладѣваетъ сердцемъ женщины, что для этого нужно время и т. п. Менафонъ былъ слишкомъ наивенъ, чтобъ понять горькій смыслъ вѣжливаго отказа, и рѣшилъ ждать пока Самела его полюбитъ.

Онъ просилъ Самелу и ея спутника остаться у него подольше, на что тѣ и согласились. Живя въ домѣ Менафона, Самела стала мало по малу свыкаться съ окружающею ея обстановкой, стала входить въ интересы пастушескаго быта и даже сама не разъ выгоняла стада Менафона въ поле. Менафонъ же съ своей стороны, желая доставить какое-нибудь удовольствіе прекрасной гостьѣ, пригласилъ Самелу на пастушескій праздникъ, куда она отправилась переодѣвшись въ платье Кармелы, сестры Менафона.

На бѣду Менафона Самела встрѣтила тамъ одного пастуха, по имени Мелицерта, симпатичныя черты котораго живо напомнили ей покойнаго мужа. При видѣ Мелицерта Самела не могла скрыть своей радости, и эта радость горько отозвалась въ ревнивомъ сердцѣ Менафона. Съ тѣхъ поръ Самела и Мелицертъ видѣлись не разъ, и разумѣется дѣло не обошлось безъ того, чтобъ они всякій разъ не наговорили другъ другу любезностей во вкусѣ Эвфуэса Лилли. Параллельно съ исторіей Мелицерта и Самелы развивается любовная исторія пастуха Дорона и пастушки Кармелы, сестры Менафона. Такъ проходили дни и годы, пока

неожиданное и прискорбное событіе не положило конца этой идилліи, которая становилась все тягостнѣе и тягостнѣе для бѣднаго Менафона, все еще продолжавшаго надѣяться и любить Самелу. Дѣло въ томъ, что сынъ Самелы, семилѣтній Плевдисиппъ, былъ похищенъ пиратами, которые подарили его ѳессалійскому царю Агенору. Узнавъ о похищеніи сына, Самела предалась страшному отчаянію и когда Менафонъ съ свойственною простому человѣку нравственной грубостью сталъ утѣшать ее, говоря, что не слѣдуетъ такъ убиваться о пропавшемъ сынѣ, что стоитъ ей только захотѣть и у ней будетъ другой, Самела вспыхнула, наговорила ему много непріятныхъ вещей и наконецъ совсѣмъ ушла отъ него. Она поселилась по близости въ котѣджѣ другаго пастуха, купленномъ для нея Ламедономъ.

Тамъ она жила много лѣтъ, горюя о сынѣ и питая надежду рано или поздно отыскать его. Плевдисиппъ между тѣмъ росъ при дворѣ Агенора, который полюбилъ его какъ роднаго сына. Достигнувъ юношескаго возраста, онъ влюбился въ дочь Агенора Олимпію, считался ея женихомъ и вѣроятно скоро сталъ бы ея мужемъ, если бы за обѣдомъ у Агенора кто-то изъ гостей, только что возвратившійся изъ Аркадіи, не наговорилъ юношѣ чудесъ о необыкновенной красотѣ пастушки Самелы. Загорѣлось сердце у юноши, и позабывъ клятвы, данныя имъ Олимпіи, позабывъ благодаренія, оказанныя ему отцомъ ея, Плевдисиппъ отправился въ Аркадію отыскивать несравненную пастушку. Тутъ Гринъ громоздитъ одну невѣроятность на другой: мало того, что Плевдисиппъ влюбляется въ Самелу, не подозревая, что она его мать, отецъ Самелы, престарѣлый царь Демоклесь, тоже является въ числѣ искателей руки дочери своей, и когда Самела, давша уже слово Мелицерту, отказывается имъ обоимъ, то Демоклесь, при помощи

Плевдисиппа, похищаетъ ее. Наконецъ появленіе какой-то старухи-пророчицы, которая открываетъ настоящее имя Самелы, разрѣшаетъ этотъ гордіевъ узелъ путаницы и невѣроятностей. Мелицертъ признается Самелѣ, что онъ ея мужъ Максимъ, котораго она считала погибшимъ. Престарѣлый Демоклесь, устыдившись своихъ исканій, проситъ прощенія у дочери, приглашаетъ ее съ мужемъ къ себѣ, а Плевдисиппа, который женится на Олимпіи, дѣлаетъ наслѣдникомъ престола.

Литературная дѣятельность Грина въ 1589 заключается пропущенной въ *Registers* повѣстью изъ римской жизни *Любовь Цицерона* (⁹⁴). Эта повѣсть на ряду съ Дорастомъ и Фавніей принадлежала къ числу самыхъ популярныхъ произведеній Грина: Колльеръ насчитываетъ десять изданій ея, появившихся между 1589 и 1639. Самъ Гринъ впрочемъ цѣнилъ ее гораздо ниже Менафона. Въ предисловіи къ читателямъ онъ извиняется, что слогъ его повѣсти хуже обыкновеннаго, что желаніе подражать Цицерону завело его въ лабиринтъ изысканныхъ и неточныхъ выраженій и т. д. За предисловіемъ слѣдуетъ нѣсколько стихотвореній въ честь автора, изъ которыхъ одно принадлежитъ извѣстному петраркисту Томасу Уатсону, а другое подписано именемъ стариннаго пріятеля и покровителя Грина Томаса Барнби.

Вотъ въ краткихъ словахъ содержаніе повѣсти: въ Римѣ проживаетъ весьма уважаемый сенаторъ Фламиній, въ дочь котораго, гордую и недоступную красавицу Теренцію, влюбленъ юный полководецъ Лентуль, только что возвратившійся въ Римъ послѣ побѣды надъ Парѣянами. Повѣсть начинается описаніемъ пира, даннаго Фламиніемъ въ честь Лентула. За столомъ идетъ разговоръ о любви, ревности

и тому подобныхъ вопросахъ, причемъ диспутантами являются Лентуль и поэтъ Архій. Послѣ обѣда во время прогулки Лентуль имѣлъ случай короче познакомиться съ Теренціей, которая окончательно обворожила его. Самъ же онъ, нисколько того неподозрѣвая, произвелъ глубокое впечатлѣніе на одну изъ подругъ Теренціи—Флавію. Возвратясь домой, Лентуль засталъ у себя одного пріятеля, который пришелъ къ нему не одинъ, а съ Цицерономъ, тогда еще двадцатилѣтнимъ юношей, но уже извѣстнымъ своимъ краснорѣчіемъ. Лентуль скоро сошелся съ Цицерономъ, повѣрилъ ему свою тайну и, рассчитывая на силу краснорѣчія своего новаго друга, просилъ его продиктовать ему такое письмо къ Теренціи, противъ котораго она не могла бы устоять. Бѣдняга не рассчиталъ, что Цицеронъ одинъ въ Римѣ, что слогъ его слишкомъ извѣстенъ, чтобы можно было безнаказанно поддѣлаться подъ него. Получивъ краснорѣчивое посланіе Лентула, Теренція не могла утерпѣть, чтобы не показать его своей подругѣ Флавіи, которая тотчасъ догадалась, кто былъ его настоящимъ авторомъ. Теренція, которая и раньше слышала о Цицеронѣ, теперь начала задумываться и мечтать о немъ, а коварный Амуръ воспользовался этимъ случаемъ и вонзилъ въ ея сердце свою стрѣлу. Подъ вліяніемъ внезапно охватившаго ея чувства къ Цицерону, Теренція написала Лентулу отказъ въ такой рѣзкой и безнадальной формѣ, что тотъ даже слегъ въ постель отъ горя. Съ своей стороны Цицеронъ вскорѣ послѣ этого имѣлъ случай встрѣтиться съ Теренціей, полюбилъ ее отъ всей души, но зная, что ее любитъ Лентуль, рѣшился подавить свое чувство. Онъ устоялъ даже тогда, когда Теренція сама объяснилась ему въ любви; какъ вѣрный другъ, онъ рѣшился пожертвовать своимъ личнымъ счастьемъ и сталъ умолять Теренцію позабыть его и полюбить Лентула,

увѣряя, что Лентуль гораздо болѣе его способенъ составить ея счастье. Отношенія Лентула и Цицерона къ Теренціи усложняются еще однимъ обстоятельствомъ, именно любовью къ Теренціи юноши Фабія, съ которымъ она случайно встрѣтилась въ лѣсу. Этотъ юноша, бывшій до того времени образцомъ безпутства и сосланный поэтому отцемъ на жительство въ деревню, внезапно перерождается подъ вліяніемъ любви и дѣлается хорошимъ человѣкомъ. Гринъ весьма курьезно объяснилъ это перерожденіе тѣмъ, что высокія качества души, данныя ему небомъ, были завистливой судьбой скованы и заключены въ самомъ отдаленномъ уголкѣ его сердца; любовь же, какъ сила гораздо болѣе могущественная, чѣмъ судьба, разрушила эти оковы. Вслѣдствіе этого—прибавляетъ Гринъ—мы должны признать въ любви самое чистое и благородное изъ чувствъ, вложенныхъ въ сердце человѣка.» Возвращаясь къ Теренціи замѣтимъ, что она также мало была тронута любовью Фабія, какъ и Лентула—сердце ея безраздѣльно принадлежало Цицерону. Между тѣмъ Цицеронъ, видя, что другъ его не перестаетъ страдать, простеръ свое самопожертвованіе до того, что отправился къ отцу Теренціи и рассказавъ ему все дѣло, просилъ употребить все его отцовское вліяніе въ пользу Лентула. Но такая выходка не обошлась дешево Цицерону—онъ самъ слегъ въ постель. Когда отецъ сообщилъ дочери цѣль посѣщенія Цицерона, Теренція, возмущенная въ особенности тѣмъ, что Цицеронъ, зная ея любовь къ нему, рѣшился принести ее въ жертву своей дружбѣ, написала къ нему письмо, въ которомъ предупреждала его, что женщины способны въ своихъ чувствахъ на крайности и что ихъ любовь, будучи отвергнута, легко можетъ перейти въ ненависть. Письмо это застало Цицерона уже въ постели; прочтя его, онъ потерялъ сознаніе

и выпустилъ письмо изъ рукъ на полъ. Въ это время въ комнату вошелъ Лентулъ, пришедшій навѣстить Цицерона, и, увидя на полу письмо, прочелъ его, такъ какъ у нихъ съ Цицерономъ не было тайнъ другъ отъ друга. Открытіе, заключавшееся въ письмѣ, мигомъ отрезвило Лентула; онъ понялъ какъ самоотверженно относился къ нему Цицеронъ и рѣшилъ съ своей стороны быть его достойнымъ и всячески содѣйствовать его браку съ Теренціей. Но не такъ рассуждалъ другой претендентъ на руку Теренціи—пылкій Фабій. Оскорбленный предпочтеніемъ, оказываемымъ Цицерону, онъ собралъ своихъ приверженцевъ и рѣшился убить счастливаго соперника. Когда слухи о замыслахъ Фабія дошли до Лентула, онъ собралъ своихъ приверженцевъ и охранялъ съ ними домъ Цицерона. Эта исторія легко могла разыгратъ въ междоусобную войну, такъ какъ тотъ и другой имѣли много приверженцевъ въ Римѣ. Чтобъ предупредить кровавое столкновеніе, Сенатъ взялъ на себя уладить дѣло. Когда въ Сенатѣ обсуждалось это дѣло, вдругъ явился Цицеронъ и въ сильной рѣчи выразилъ рѣшимость принести свою любовь на алтарь общаго мира, какъ онъ прежде приносилъ ее на алтарь дружбы. Рѣчь его произвела такое впечатлѣніе на слушателей, что Фабій, пристыженный, отказался отъ своихъ притязаній на Теренцію, которая по совѣту одного сенатора была тутъ-же обручена съ Цицерономъ.—Лентулъ же женился на давно его любившей Флавіи.

1590 годъ знаменуетъ собой, какъ выше было замѣчено, (см. стр. 16) поворотный пунктъ въ литературной дѣятельности Грина, которая принимаетъ съ этого времени правоучительное и обличительное направленіе. Кромѣ повѣсти *Orpharion*, написанной гораздо раньше

(по крайней мѣрѣ за два года назадъ), Гринъ издалъ въ этомъ году двѣ оригинальныхъ повѣсти: *Mourning Garment* и *Never too Late* и одинъ переводный правоучительный трактатъ *The Royal Exchange*. Мы рассмотримъ эти произведенія по порядку ихъ внесенія въ *Registers*.

1) Повѣсть *Orpharion* (слово это означаетъ сельской музыкальный инструментъ на подобіе лютни и употреблено Гриномъ съ цѣлю показать, что его произведеніе также безыскусственно и грубо какъ сельская лютня) была написана Гриномъ еще въ 1588 г. одновременно съ *Перемидомъ* а можетъ быть и раньше, потому что въ предисловіи къ этому послѣднему Гринъ упоминаетъ о ней какъ о произведеніи уже оконченномъ (⁹⁵). Правоучительное направленіе не выступаетъ еще ясно въ *Orpharion'ъ*, напоминающемъ по своему характеру уже извѣстные намъ любовные памфлеты Грина. Содержаніе этой фантастической повѣсти состоитъ въ описаніи сна, въ который будто-бы былъ погруженъ авторъ на горѣ Эрициніи подъ звуки пастушеской свирѣли. Автору снилось, что онъ былъ перенесенъ на Олимпъ и присутствовалъ на пиршествѣ, которымъ чествовалъ Юпитеръ другихъ боговъ и богинь. Для развлечения гостей были вызваны изъ царства тѣней Орфей и Аріонъ. Первый изъ нихъ рассказываетъ новеллу о жестокой дочери короля Астольфа Лидіи, которая обращалась самымъ безчеловѣчнымъ образомъ съ истинно-любившимъ ее рыцаремъ Альцестомъ. Въ угоду ей Альцестъ завоевывалъ цѣлыя царства для ея отца, но ни его храбрость, ни его преданность не могли смягчить ея жестокаго сердца. Когда же онъ въ отчаяніи переходитъ на сторону враговъ и побѣждаетъ ея отца, она своими просьбами и кокетствомъ вырываетъ у него плоды побѣды; этого мало: нѣсколько времени спустя Астольфо и его дочь измѣнническимъ обра-

зомъ захватываютъ Альцеста и осуждаютъ его на муки голодной смерти. Альцестъ погибаетъ, но народъ, возмущенный этимъ поступкомъ, возстаетъ противъ нихъ, убиваетъ отца, а дочь подвергаетъ той же казни, которую она изобрѣла для Альцеста. Повѣсть, рассказанная Аріономъ, болѣе веселаго содержанія. Нѣкто Филоменъ, владѣтельный князь Коринѳа, женится на Аргентинѣ, дочери одного изъ своихъ подданныхъ. Молва о красотѣ и умѣ Аргентины распространилась такъ далеко, что одинъ изъ сосѣднихъ государей, по имени Марціанъ, возгорается желаніемъ отвоевать ее у Филомена. Подъ какимъ-то незначительнымъ предлогомъ онъ объявляетъ Филомену войну, разбиваетъ его войска, а его самого прогоняетъ изъ Коринѳа. Но не такъ легко было одержать побѣду надъ добродѣтелью Аргентины, которая продолжаетъ любить изгнаннаго супруга. Марціонъ употребляетъ всѣ средства, чтобъ заставить ее полюбить себя, и въ такихъ безплодныхъ попыткахъ проходитъ нѣсколько лѣтъ. Утомившись-ли его преслѣдованіями или желая отдѣлаться отъ него навсегда, Аргентина дѣлаетъ слѣдующее предложеніе Марціону. Она соглашается отдать ему свою руку, но только въ томъ случаѣ, если онъ, не ѣвши ничего въ продолженіе трехъ дней, предпочтетъ ее всякой пищѣ. Если же онъ не выдержитъ испытанія, то даетъ слово оставить ее въ покоѣ. Марціонъ принимаетъ вызовъ; его запираютъ въ башню и морятъ три дня голодомъ; наконецъ на четвертый является къ нему сама Аргентина, чтобъ отворить двери его самовольнаго заключенія; но она является не одна; рядомъ съ ней идетъ прислужница съ блюдомъ дымящагося мяса. При видѣ вкуснаго кушанья, проголодавшійся Марціонъ забылъ все, и бросился утолять свой голодъ. Онъ, конечно, проигралъ пари, но полный удивленія къ добродѣтели и уму Аргентины, онъ не только отказался отъ

дальнѣйшихъ преслѣдованій ея, но и возвратилъ престолъ ея супругу.

Два мѣсяца спустя послѣ упоминанія *Orpharion'a* былъ впесепъ въ *Registers* (15 Апрѣля 1590) новый трудъ Грина *The Royal Exchange* (Королевская Биржа)—сборникъ нравственныхъ афоризмовъ, переведенный имъ съ итальянскаго (⁹⁶). Изъ посвященія этого труда Лорду-Мэру и гражданамъ Лондона видно, что еще раньше изданія *Mourning Garment* Гринъ началъ настраивать свою лиру на правоучительный ладъ, такъ что *Royal Exchange* можно считать какъ бы прологомъ къ его послѣдующимъ правоучительнымъ памфлетамъ. «Не ищите на моей биржѣ, (пишетъ онъ), никакихъ рѣдкихъ товаровъ; здѣсь нѣтъ ни шелковыхъ тканей, изнѣживающихъ мужчинъ, ни дорогихъ нарядовъ, которыми женщины тщеславятся другъ передъ дружкой. Женщины не найдутъ здѣсь ни вѣровъ, защищающихъ ихъ лица отъ солнца, ни александрійскихъ румянъ, благодаря которымъ порядочныя женщины становятся похожи на куртизанокъ. Но за то на этой биржѣ, которую по истинѣ слѣдуетъ называть королевской, можно купить страхъ Божій, уваженіе къ властямъ, вѣрность друзьямъ, любовь къ ближнимъ и состраданіе къ бѣднымъ; однимъ словомъ кто хочетъ узнать обязанности христіанина, долгъ правителя и призваніе гражданина, короче все то, что Цицеронъ изложилъ въ своей книгѣ *De Officiis*—тотъ пусть обратится къ этой книгѣ.»

2-го Ноября 1590 мы встрѣчаемъ въ *Registers* упоминаніе о памфлетѣ *Mourning Garment* (Траурное одѣяніе), открывающемъ собою серію правоучительныхъ повѣстей Грина. Есть основаніе думать, что подкладку этого новаго направленія его литературной дѣятельности составляетъ горькій жизненный опытъ, потому что въ обѣихъ повѣстяхъ

выводятся обольстительныя куртизанки, уловляющія въ свои сѣти неопытныхъ юношей и обирающія ихъ до нитки, причемъ авторъ, описывая ихъ коварныя уловки, нерѣдко прерываетъ нить разсказа желчными выходками, носящими на себѣ отпечатокъ личнаго раздраженія. Въ посвященіи своей повѣсти графу Комберлэнду Гринъ сравниваетъ себя съ Ниневіей, внезапно пробужденной отъ грѣховнаго опьяненія вѣщимъ словомъ пророка Іоны. «Въ то время какъ жители Ниневіи были преданы суетной роскоши, они ходили въ шелковыхъ, вышитыхъ золотомъ, одеждахъ, но когда въ ихъ ушахъ раздался грозный голосъ Іоны, мгновенно самыя тонкія шелковыя ткани смѣнились самымъ грубымъ полотномъ. Такъ и я, подобно имъ зараженный суетностью, издалъ не мало легкомысленныхъ памфлетовъ, переполненныхъ афоризмами любовной философіи, пока не понялъ наконецъ моего безумства, пока не услышалъ слухомъ моего сердца голосъ Іоны, призывающій къ покаянію. Призывъ этотъ далъ другое направленіе моимъ мыслямъ и моимъ трудамъ. Вслѣдствіе этого, отбросивъ прежнія тщеславныя заглавія, я назвалъ настоящій памфлетъ *Траурнымъ Одѣяніемъ*. Хотя оно сшито изъ разныхъ кусковъ, но окрашено однимъ чернымъ цвѣтомъ, знаменующимъ, какъ мои прегрѣшенія, такъ и мое искреннее раскаяніе.» Въ заключеніе Гринъ льститъ себя надеждою, что его лордству пріятно будетъ узнать о раскаяніи втораго Овидія. «Теперь Вы знаете—пишетъ онъ—причину моей смѣлой попытки и я надѣюсь, что Ваше лордство порадуетъ вмѣстѣ съ Августомъ объ обращеніи на истинный путь новаго Овидія, тысячу разъ уступающаго первому въ учености и талантѣ, но боюсь едва-ли не столь же безумнаго въ своихъ любовныхъ писаніяхъ.» Хорошо понимая, что люди, знавшіе его прежнюю жизнь, не повѣрятъ искренности его

обращенія, Гринъ въ своемъ адресѣ къ студентамъ Оксфорда и Кэмбриджа убѣдительно проситъ ихъ отнестись съ довѣріемъ къ его труду. «Греки—говоритъ онъ—не хотѣли слушать разсужденій Антисѣена о безсмертіи души, потому что его прежняя философія говорила совершенно противное. Внезапная переменѣна въ настроеніи людей внушаетъ много удивленія, но мало довѣрія; тѣ же, которые измѣняются мгновенно, не заставляютъ другихъ повѣрить себѣ и въ цѣлый мѣсяцъ. Эта мысль ставитъ меня въ затруднительное положеніе и внушаетъ опасеніе, что я не приобрѣту вашего расположенія, не заставлю повѣрить васъ въ искренность моего обращенія, которая выражается въ самомъ заглавіи моего памфлета. Но вѣдь вамъ извѣстно, что Діогенъ изъ фальшиваго монетчика сдѣлался исправителемъ нравовъ, что Аристотель, бывшій всю жизнь атеистомъ, кричалъ на смертномъ одрѣ: *Ens entium miserere mei!* Какъ Овидій былъ въ Римѣ видно изъ его элегій; о томъ, какимъ онъ сталъ во время пребыванія у Гетовъ свидѣлствуютъ его *Tristia*. Римляне же, знавшіе объ его любовныхъ заблужденіяхъ, тѣмъ не менѣе повѣрили его раскаянію. Позвольте же мнѣ, джентльмены, рассчитывать на такую благосклонность и съ вашей стороны, мнѣ, въ прежнее время всецѣло преданному воспѣванію любви, а теперь обратившемуся къ другимъ, лучшимъ задачамъ... Въ надеждѣ, что Вы почтите меня своимъ благосклоннымъ довѣріемъ прежде, чѣмъ мнѣ представится случай моими поступками доказать справедливость моихъ правоученій, я представляю вашему вниманію мое *Траурное Одьяніе*. Здѣсь вы найдете такую подробную анатомію заблужденій юности, что отъ васъ не укроется ни одна жилка, ни одинъ мускуль, ни одна артерія ея необузданныхъ желаній. Слѣдите же за разоблаченіемъ преступной любви, уловляющей въ свои

сѣти скорѣе всего людей богатыхъ умомъ и познаніями; облекитесь въ мое траурное одѣяніе, и я увѣренъ, что увидѣвши всѣ бѣдствія, происходящія отъ увлеченія любовью, вы отложите въ сторону *Любовное Искусство* Овидія и обратитесь къ его *Лѣкарству отъ Любви*. Вы узнаете, что женщины суть зло, хотя и необходимое, что нѣтъ заблужденія большаго любви, *нѣтъ заразы хуже воображенія*, нѣтъ предмета столь предосудительнаго, какъ женская красота. Я желаю вамъ какъ бы я желалъ и себѣ новой любви, предметомъ которой была бы не Венера, но добродѣтель.»

Переходимъ теперь къ самой повѣсти. Въ городѣ Калиполисѣ, расположенномъ на берегу Евфрата, живетъ почтенное еврейское семейство, отецъ раввинъ, отличающійся необыкновеннымъ благодушіемъ и мудростью и два сына. Старшій изъ нихъ, по имени Софнось, былъ домосѣдъ и помогалъ отцу въ его хозяйственныхъ занятіяхъ; младшаго же, Филодора, одареннаго пылкимъ воображеніемъ и живымъ темпераментомъ, неудовлетворяла тихая семейная обстановка. Едва достигши совершенныхъ лѣтъ, онъ осаждалъ отца просьбами отпустить его повидать свѣтъ. Тщетно, умудренный опытомъ, старикъ убѣждалъ его остаться дома, увѣряя, что за границей онъ не научится ничему доброму, что въ Испаніи онъ заразится гордостью, въ Италіи—распущенностью, въ Англіи—обжорствомъ, въ Даніи—пьянствомъ и возвратится домой нравственно искаженнымъ,—сынъ продолжалъ стоять на своемъ. Видя, что только собственный опытъ можетъ умудрить юношу, старикъ, скрѣпя сердце, даетъ свое согласіе. Вручивъ сыну довольно крупную сумму денегъ, старикъ отпускаетъ его на всѣ четыре стороны, предварительно снабдивъ его наставленіями, какъ вести себя на чужой сторонѣ. Много мудрыхъ совѣ-

товъ далъ раввинъ сыну; въ особенности же заповѣдалъ ему держаться подальше отъ женщинъ, потому что «эти магниты, притягивающіе къ себѣ золото, эти сладкогласныя сирены» были причиною гибели многихъ людей. Филодоръ выслушалъ совѣты отца со вниманіемъ и отправился странствовать. Первое время онъ, помня наставленіе отца, держать себя весьма осторожно съ женщинами и, несмотря на представлявшіеся соблазны, остается неуязвимымъ. Послѣ многихъ странствованій онъ прибываетъ въ Θεσσαλίю, гдѣ знакомится съ пастухомъ и пастушкой, которые ведутъ блаженную жизнь въ роскошной долині, омываемой свѣтлой рѣкой. Описаніе ихъ быта проникнуто пасторальной тенденціей; въ пѣснѣ, которую поетъ пастушка подъ звуки свирѣли своего мужа, воспѣваются прелести пастушеской жизни и ея преимущества предъ тревожной и обремененной заботами жизнью царей. Переночевавъ у счастливыхъ пастушковъ, Филодоръ отправляется въ находящійся не вдалекѣ городъ. Пастухъ, вызвавшійся его проводить туда, закликаетъ его не останавливаться въ гостинницѣ подъ вывѣской Единорога, содержимой тремя сестрами-красавицами, обольстительными, какъ сирены, коварными и злыми, какъ Цирцея. Разсказъ пастуха только возбудилъ въ Филодорѣ желаніе познакомиться съ ними. Дѣйствительно, сестры превзошли его ожиданія; каждая изъ нихъ была въ своемъ родѣ совершенство. Впрочемъ Филодору особенно приглянулась меньшая, которая, замѣтивъ впечатлѣніе, произведенное ею, стала безбожно кокетничать съ нимъ. Филодоръ остался у сестеръ, которыя такъ обобрали его, что онъ скоро остался безъ гроша. Тогда онъ безъ всякой церемоніи выпроводили его изъ гостинницы. Очувшись на улицѣ, безъ денегъ, безъ друзей, Филодоръ былъ близкъ отчаянію. По счастью онъ встрѣтился съ однимъ

Фермеромъ, который, сжалившись надъ его молодостью и несчастіемъ, взялъ его къ себѣ въ деревню пасть стадо. Дальнѣйшая исторія Филодора напоминаетъ исторію блуднаго сына. Пробѣдствовавъ нѣкоторое время, Филодоръ съ сокрушеннымъ сердцемъ возвращается къ отцу, въ длинной рѣчи рассказываетъ ему свою исторію и проситъ прощенія. Отецъ, считавшій его погибшимъ, не только съ радостью прощаетъ его, но и устраиваетъ въ честь его возвращенія роскошный пиръ; какъ въ библейской исторіи, такъ и здѣсь, старшій сынъ негодуетъ на отца за то, что онъ такъ чествуетъ безпутнаго сына. Повѣсть оканчивается пѣснью пастуха въ честь возвращенія Филодора. Въ послѣсловіи Гринъ еще разъ обращается къ читателямъ и проситъ ихъ, забывъ заблужденія его юности, принять радушно первый плодъ его новаго направленія.

Еще болѣе отзывается личнымъ опытомъ другой памфлетъ Грина: *Никогда не поздно* (*Never to late*), вышедшій тоже въ 1590 (⁹⁷). Разсказъ ведется отъ лица автора, который, путешествуя по Италіи, встрѣтилъ возлѣ Бергамо въ Ломбардіи одного изъ своихъ соотечественниковъ по имени Франческо, одѣтаго въ платье пилигрима и на видъ убитого горемъ и сердечнымъ сокрушеніемъ. Въ первой части повѣсти Франческо рассказываетъ автору (*The Palmer's Tale*) исторію своихъ приключеній съ того дня какъ онъ покинулъ Англію. Онъ описываетъ подробно Парижъ, французскій дворъ и общество, затѣмъ дѣлаетъ характеристику утонченной жизни Ліона, причемъ рѣзко осуждаетъ французскихъ женщинъ за ихъ вѣтренность и кокетство. Германію онъ изображаетъ въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ, какъ страну скучную и дикую, преданную пьянству и религіозной контроверсѣ; онъ дѣлаетъ исключеніе для одной только Вѣны, которая и тогда казалась путешествен-

никамъ вторымъ Парижемъ. Исторія Франческо и взгляды имъ высказываемые относительно женщинъ и актеровъ до того сходны со взглядами самого Грина, что невольно приходитъ на мысль, не изобразилъ-ли онъ себя подъ именемъ Франческо, какъ впоследствии подъ именемъ Роберто въ *Groatsworth of Wit?* Франческо рассказываетъ, какъ онъ женился на дочери одного джентльмэна по имени Изабеллѣ, какъ онъ легкомысленно ее оставилъ и сошелся съ куртизанкой Инфидой, которая его обобрала, какъ вслѣдствіе этой связи онъ впалъ въ страшную нищету, изъ которой его вывела случайная встрѣча съ актерами, которые, замѣтивъ въ немъ талантъ, пригласили его работать для театра, какъ онъ быстро достигъ на этомъ поприщѣ извѣстности и успѣха и т. д. Рассказывая со словъ Франческо его исторію, во многомъ напоминающую его собственную, Гринъ неоднократно дѣлаетъ отступленія, выдающія его личное настроеніе; такъ напр. по поводу коварства и жадности Инфиды, онъ отъ себя вставляетъ слѣдующее обращеніе къ читателямъ: «мимоходомъ, господа, я васъ прошу, обратить вниманіе на коварство этихъ сиренъ, весталокъ по наружности и куртизанокъ въ душѣ, которые оплетаютъ насъ, какъ Калипсо, очаровываютъ, какъ Цирцея» и т. д. Въ другомъ мѣстѣ Гринъ еще хуже выражается о женщинахъ: «онѣ истребляютъ насъ за живого; не наши нравственные качества нужны имъ, но наше состояніе; подобно хищнымъ орламъ, онѣ летятъ туда, гдѣ чуютъ добычу; короче, онѣ неблагодарныя, коварныя и лѣнивыя созданія и т. д. Первая часть оканчивается разрывомъ Франческо съ Инфидой и его раскаяніемъ, соединеннымъ съ твердымъ намѣреніемъ возвратиться къ покинутой женѣ. Во второй части происходитъ примиреніе Франческо съ женой, которая, видя его искреннее раскаяніе, великодушно прощаетъ

ему все. Сцена примиренія мужа съ женой, къ сожалѣнію не имѣвшая мѣста въ собственной жизни Грина, описана имъ съ такой простой и вмѣстѣ трогательной задушевностью можетъ быть, потому, что чувства, испытанныя Франческо, были его собственными чувствами.

Серія нравоучительныхъ и на половину автобіографическихъ произведеній Грина заключается его памфлетомъ *Прости Безумію (Farewell to Follie)*. Произведеніе это, написанное авторомъ нѣсколько лѣтъ раньше (о немъ упоминается въ *Registers* еще въ 1587) явилось впервые только въ 1591 г. и безъ всякаго сомнѣнія въ нѣсколько измѣненномъ противъ прежняго видѣ. Повѣсти предпослано посвященіе къ Роберту Кэри и въ высшей степени любопытный адресъ Грина къ студентамъ Оксфорда и Кэмбриджа, бросающій свѣтъ на отношенія Грина къ одному изъ современныхъ драматурговъ. Еще въ предисловіи къ *Mourning Garment* Гринъ высказалъ предположеніе, что его литературные враги не повѣрятъ искренности его раскаянія, которое своею внезапностью можетъ показаться страннымъ даже его друзьямъ, и не замедлятъ поднять на смѣхъ и повѣсть и его самого. «На случай, если какой нибудь нелѣпый зубоскаль скажетъ, что сюжетъ моей повѣсти (исторія о блудномъ сынѣ) можно найти на обояхъ любого дома, я ему отвѣчу извѣстнымъ философскимъ изреченіемъ: *Вопит quo contumeliosius eo melius*. Если-жъ онъ неудовлетворится этимъ объясненіемъ, то пусть самъ попробуетъ сѣроить мое *Траурное Одѣяніе* на новый ладъ. Я знаю, читатели, что дуракамъ всегда нужны стрѣлы, которыя они одинаково посылаютъ и въ кустъ и въ сидящую на немъ птицу; знаю также, что легче зубоскальничать чѣмъ подражать, но я пишу не для этихъ людей и т. д. Изъ стихотворенія пріятеля Грина, Ральфа Сэдлея, предпосланнаго второй ча-

сти *Never to Late*, видно, что въ нападеніяхъ и насмѣшкахъ не было недостатка ⁽⁹⁸⁾. На нихъ то и намекаетъ Гринъ въ посвященіи *Farewell to Follie*. Сказавъ, что этотъ памфлетъ возникъ изъ желанія оправдать ожиданія друзей и извѣстить публику о принятомъ имъ рѣшеніи обратиться на путь истинный, Гринъ продолжаетъ: «но есть люди, до того проницательные въ своихъ сужденіяхъ, что если-бы лиса стала проповѣдывать покаяніе, они тотчасъ-бы догадались, что настоящая цѣль лисы—не попасть въ духовные отцы, а высмотрѣть самого жирнаго гуся, что если Гринъ пишетъ свое *Прости Безумію*, то это онъ дѣлаетъ съ цѣлью ослѣпить весь міръ безуміемъ и такимъ образомъ скрыть свое собственное. Мой отвѣтъ этимъ соглядатаямъ затаенныхъ намѣреній человѣка будетъ такой: я не могу лицемѣрить, ⁽⁹⁹⁾ надѣвать на себя маску любви, когда въ сердцѣ моемъ нѣтъ милосердія, увѣрять всѣхъ, что я стремлюсь къ добру, тогда какъ на самомъ дѣлѣ втихомолку замышляю зло; мои поступки соотвѣтствуютъ моимъ словамъ, а эти послѣднія моимъ мыслямъ». Изъ того же посвященія мы узнаемъ, что подъ именемъ *безумія* разумѣются любовные памфлеты Грина и что, говоря *Прости Безумію*, онъ этимъ прощался съ своей прежней литературной дѣятельностью. Въ адресѣ къ студентамъ Оксфорда и Кэмбриджа, Гринъ употребляетъ терминъ *безуміе* въ болѣе широкомъ смыслѣ, разумѣя подъ нимъ увлеченье любовью и вообще суетной жизнью.—Къ этому адресу мы теперь и обратимся.

«Друзья и товарищи—такъ начинается Гринъ—«недавно я имѣлъ честь представить вамъ мое *Траурное Одьяніе*. . . . Если оно принесло кому нибудь пользу—я радъ; если оно не повредило никому—горжусь этимъ; если кто нибудь любящій находить во всемъ недостатки (*find-fault*) остался имъ

недоволенъ — я совершенно равнодушенъ къ этому, ибо Діогенъ научилъ меня, что ударить осла, когда онъ лягается, значило бы самому уподобиться ослу. Скорбя долгое время мысленно о заблужденіяхъ моей юности, я рѣшился изъ боязни показаться лицемѣромъ или уподобиться тѣмъ изъ дорогихъ братьевъ нашихъ, которые измѣряютъ свою набожность часовой стрѣлкой, и подъ конецъ засыпаютъ, проповѣдуя покаяніе, отъ намѣренія перейти къ дѣлу и послѣ *Траурнаго Одѣянія* преподношу вамъ послѣднее *Прости Безумію*. Какую прекрасную картину представляла бы намъ природа весной, если бы ея цвѣты не были повреждены морозомъ! Какъ ярко сіяли бы добродѣтели юности, если бы по временамъ ихъ не окутывало облако суеты! На этомъ основаніи, милые товарищи по наукѣ, прошу васъ заглянуть въ мою книгу; вы найдете въ ней описаніе яда, отравляющаго годы нашей юности, а перевернувъ страницу, вы найдете тутъ-же и противоядіе ему». Въ концѣ адреса находится злая выходка противъ какого то неизвѣстнаго драматурга, одного изъ тѣхъ многочисленныхъ литературныхъ враговъ Грина, которые неустойчиво преслѣдовали его во все время его краткой литературной карьеры. «Я желалъ бы, говоритъ Гринъ, чтобы всѣ, надоумленные моимъ примѣромъ, сказали бы вмѣстѣ со мною прости безумію. Тогда, я имѣлъ бы полное право гордиться тѣмъ, что сѣмя, брошенное мною съ такимъ добрымъ намѣреніемъ, принесло хорошую жатву. Впрочемъ, съ Вашего позволенія господа, и тогда найдутся люди, которые начнутъ злословить и говорить, что если бы я не перешелъ всякихъ границъ, то никогда не дерзнулъ бы учить нравственному долгу людей, гораздо лучшихъ чѣмъ я и указывать на солнце тѣмъ, чьи глаза лучше моихъ. Согласенъ, но вѣдь Діогенъ указывалъ же Александру Македонскому на его безумства, самъ не

бывши царемъ. Другіе станутъ перечитывать и пересмѣивать каждую строчку этого труда, тогда какъ если имъ приходится писать что нибудь, они извлекаютъ свои сюжеты либо изъ народныхъ балладъ, либо заимствуютъ ихъ у духовныхъ поэтовъ, которымъ призваніе и степенность, свойственная сану, не позволяютъ самимъ подписаться подъ свѣтскимъ произведеніемъ и, которые вслѣдствіе этого вынуждены отыскивать какого нибудь Батилла (¹⁰⁰), чтобъ тотъ подписалъ свое имя подъ ихъ стихами. А осель между тѣмъ гордится своей ролью, и не умѣя написать правильной англійской фразы, безъ помощи приходскихъ клерковъ, воображаетъ себя отцомъ комедіи. Смѣшно смотрѣть, какъ кто нибудь, пишущій пошлымъ языкомъ, сидитъ цѣлый годъ, выправляя свой слогъ и все-таки никогда не достигаетъ искусства. Но приводить Свящ. писаніе въ подтвержденіе своихъ словъ, пригвазживать текстами пошлую любовную тему, это, доложу вамъ, тоже не послѣднее искусство. Вотъ напр. двое любовниковъ упрекаютъ другъ друга на сценѣ въ жестокости; дама бросаетъ въ лицо рыцарю слѣдующее священное изреченіе: *совѣсть человека равна тысячѣ свидѣтелей*, а рыцарь оправдывается передъ ней словами апостола: *любовь искупаетъ множество грѣховъ*. По моему мнѣнію подобныя выраженія суть ничто иное, какъ злоупотребленіе Св. писаніемъ, и я убѣжденъ, что пономарь церкви С. Джайльса постыдился бы такой кощунственной риторики».

Нѣмецкій ученый Бернгарди (¹⁰¹), сколько намъ извѣстно, первый разгадалъ, что Гринъ здѣсь намекаетъ на современную пьесу *Прекрасная Эмма* (*The Fair Emm*), гдѣ встрѣчаются приводимые имъ тексты. Кто былъ авторомъ этой пьесы, чѣмъ онъ возбудилъ противъ себя негодованіе Грина, Бернгарди не рѣшаетъ, но за то Симпсонъ,

не обинуясь, утверждаетъ, что авторъ *Прекрасной Эммы* былъ никто иной, какъ самъ Шекспиръ. Отлагая вопросъ объ авторѣ этой пьесы и объ отношеніяхъ его къ Грину до послѣдней главы, мы переходимъ къ содержанію *Farewell to Follie*.

Повѣсть Грина есть, собственно говоря, не повѣсть, а бесѣда о различныхъ порокахъ и страстяхъ, гордости, любви, пьянствѣ и т. п., происходящая на одной виллѣ близъ Флоренціи, бесѣда, въ которой по обычаю, унаслѣдованному Гриномъ отъ итальянскихъ новеллистовъ, вставлено нѣсколько новеллъ, предназначенныхъ подтверждать собою мнѣніе того или другаго собесѣдника. Такъ, въ первомъ разговорѣ о гордости, одинъ изъ разговаривающихъ, Пераціо, высказываетъ мнѣніе, что этотъ порокъ свойственъ преимущественно военному сословію, руководящемуся въ своихъ дѣйствіяхъ идеями чести и славы, и въ подтвержденіе своихъ словъ рассказываетъ новеллу; точно также поступаетъ его оппонентъ Бернардино, доказывающій, что гордость столько-же свойственна ученому сословію, какъ и военному. Въ слѣдующемъ разговорѣ о любви и вытекающихъ изъ нея безумствахъ, одинъ изъ собесѣдниковъ подкрѣпляетъ свой тезисъ извѣстной исторіей Нина и Семирамиды. На слѣдующій день разговоръ переходитъ къ излишествахъ всякаго рода, что даетъ поводъ собесѣдникамъ припомнить судьбу и подвиги обжоръ и пьяницъ всего міра, обнаруживая при этомъ рѣдкое значеніе анекдотической исторіи. Въ заключеніе Бернардино рассказываетъ новеллу о какомъ-то аугсбургскомъ герцогѣ Антоніо, который любилъ предаваться пьянству и въ этомъ состояніи совершалъ разныя несправедливости.

Farewell to Follie, постройкой своей напоминающая любовные памфлеты Грина, была, по его собственному вы-

раженію, послѣдней данью, которую онъ заплатилъ прежнему легкомысленному направленію своей литературной дѣятельности. Дѣйствительно, вслѣдъ за изданіемъ въ 1591 *Farewell to Follie*, Гринъ издалъ нѣсколько обличительныхъ произведеній, которые и по содержанію и по стилю не имѣютъ ничего общаго съ его любовными памфлетами. Рядъ ихъ открываетъ *The Notable Discovery of Conny-Catchers Cozenage*, упоминаемая въ *Registers* подъ 13 декабря 1591. Въ обширномъ предисловіи къ читателямъ, Гринъ заявляетъ, что это произведеніе есть съ его стороны актъ раскаянія въ дурно-проведенной молодости. «Діогенъ, говоритъ онъ, сдѣлался изъ фальшиваго монетчика исправителемъ нравовъ, а бѣдный Овидій, написавшій въ юности теорію любовнаго искусства, сожалѣлъ впослѣдствіи, живя среди Гетовъ, о своемъ прежнемъ безумномъ легкомысліи. Такъ и я, господа, предававшійся распущенности въ молодости, теперь съ наступленіемъ зрѣлаго возраста чувствую потребность загладить прошлыя заблужденія хорошими поступками, и въ настоящее время также скорблю, видя другихъ нераскаянными, какъ въ старину самъ хотѣлъ быть безумцемъ». Цѣль памфлета чисто практическая—предохранить неопытныхъ провинціаловъ, попадающихъ въ Лондонъ, отъ искусно разставляемыхъ имъ со стороны лондонскихъ мошенниковъ ловушекъ. Съ этой цѣлью Гринъ подробно описываетъ излюбленные пріемы конникатчеровъ, знакомитъ читателей съ терминами ихъ воровскаго языка и т. п. Наиболѣе опасными для кошелька провинціаловъ Гринъ считаетъ два рода мошенниковъ: шулеровъ и сводниковъ, изъ которыхъ послѣдніе нерѣдко обладаютъ такими джентльменскими манерами, что могутъ ввести въ заблужденіе и болѣе опытныхъ людей. Не безъ юмора Гринъ описываетъ этотъ особый родъ плутовства (*The Art of Crossbiting*),

гдѣ роль картъ играютъ жены, сестры и любовницы конникатчеровъ, которые заставляютъ ихъ завлекать въ свои сѣти провинціаловъ и потомъ ловко разыгрываютъ роль ревнивыхъ мужей и оскорбленныхъ братьевъ, требующихъ нерѣдко круглыхъ суммъ за нанесеніе ущерба ихъ семейной чести. Въ томъ же 1591 г. Гринъ успѣлъ напечатать *The Second and last part of Connycatching*, заключающую въ себѣ нѣсколько новыхъ разоблаченій конникатчерскаго искусства, а въ февралѣ слѣдующаго года мы находимъ въ *Registers* помѣтку о разрѣшеніи книгопродавцу *Cutbert'u Burbie* издать *The Third and last part of Connycatching*. Въ началѣ этого памфлета Гринъ говоритъ, что онъ хотѣлъ ограничиться только двумя частями, отчего и назвалъ вторую часть послѣдней, но встрѣтившись однажды случайно съ членомъ комиссіи общественной безопасности (*commission of the peace*), которому приходилось не разъ производить слѣдствіе надъ конникатчерами и отбирать отъ нихъ показанія, онъ рѣшился воспользоваться рассказами столь опытнаго лица,—и такимъ образомъ произошла третья часть его труда.—Обличительные памфлеты Грина, возвысившіе его въ собственныхъ глазахъ, возбуждали сильное озлобленіе въ лагерѣ конникатчеровъ. Выше мы рассказали (стр. 17) со словъ Грина, какъ они однажды задумали его убить и, какъ этотъ планъ не удался только, благодаря счастливой случайности. Подобное озлобленіе со стороны лицъ, профессія которыхъ была разоблачена въ глазахъ общества и полиціи, доходы которыхъ вслѣдствіе разоблаченій Грина уменьшились, а шансы быть повѣшенными увеличились,—весьма понятно, но непонятно, какимъ образомъ собратья Грина по литературѣ не только не отдали справедливости его стремленіямъ и выказанному имъ гражданскому мужеству, но воспользовались даже этимъ случаемъ,

чтобы уронить его самого въ глазахъ общества. — Едва Гринъ успѣлъ издать свои первые два памфлета, какъ какой-то безымянный писака (102), прикрывшись псевдонимомъ *A Connycatcher*, напечаталъ свою *Защиту Конникатчерства* (*The Defence of Connycatching*), наполнивъ ее самыми яростными нападками противъ обличителя. Прочтя памфлетъ Грина, говоритъ онъ, я нашелъ что наше искусство такъ подробно и вѣрно описано авторомъ, какъ будто онъ самъ долгое время упражнялся въ немъ. Узнавши же, что авторъ памфлета писатель, магистръ университета и самъ конникатчеръ своего рода, внимательно изучивъ его собственныя произведенія, я только подивился безумію человѣка, который преслѣдуетъ комара и пропускаетъ слона. Вслѣдствіе этого, я рѣшился написать апологію нашего искусства и показать, что мы, конникатчеры, не болѣе какъ ничтожныя мухи, съѣдающія какой-нибудь листокъ дерева и потому не могущія принести большаго вреда, тогда, какъ въ Англіи существуютъ другія профессіи, представители которыхъ суть великіе конникатчеры, громадныя гусеницы, истребляющія цѣлыя нивы.»

Не смущаясь угрозами конникатчеровъ и инсинуаціями литературныхъ враговъ, вполнѣ увѣренный въ пользу предпринятаго имъ дѣла, Гринъ продолжалъ свои обличенія. Въ первые мѣсяцы 1592 онъ издалъ еще два памфлета *A Disputation between a He Connycatcher and she Connycatcher* и *The Blacke Bookes Messenger*. Послѣднее не нужно смѣшивать (103) съ *Blacke Booke*, большимъ сочиненіемъ о конникатчерахъ, давно обѣщаннымъ Гриномъ своимъ читателямъ и, уже начатымъ, но которое болѣзнь помѣшала ему докончить. (104) Въ предисловіи къ первому изъ названныхъ нами памфлетовъ, Гринъ заявляетъ читателямъ, что онъ намѣренъ познакомить ихъ съ нравами лондонскаго

полусвѣта. Бывшій не разъ самъ въ когтяхъ лондонскихъ куртизанокъ, Гринъ могъ лучше всякаго другаго описать всѣ ухищренія, употребляемыя мѣстными сиренами для привлеченія къ себѣ сердець неопытныхъ юношей: «у крокодила, говоритъ онъ, нѣтъ столько слезъ, у Протея столько видовъ, у Януса столько лицъ, сколько у нашихъ куртизанокъ.» За общей характеристикой лондонскаго полусвѣта слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ куртизанка перехитрила самого опытнаго конникатчера, который принужденъ былъ признать себя побѣжденнымъ; отсюда и названіе памфлета: *Состязаніе между конникатчеромъ мужскаго рода и конникатчеромъ женскаго рода.* Въ заключеніе Гринъ разсказываетъ объ обращеніи одной куртизанки на путь истинный, причемъ въ предисловіи увѣряетъ читателей, что сообщаемая имъ исторія не вымыселъ, что онъ писалъ ее со словъ самой обращенной. Исторія ея жизни—обыкновенная исторія женщины, которую первый ложный шагъ постепенно довелъ до совершеннаго паденія. Будучи обольщена и обманута своимъ первымъ любовникомъ, она въ свою очередь стала обманывать другихъ, падала все ниже и ниже, пока не сдѣлалась записной куртизанкой. Случайная встрѣча въ тавернѣ съ молодымъ человѣкомъ, который выразилъ ей участіе и скромно восхищался ея красотой, словомъ отнесся къ ней по человѣчески, произвела нравственный переворотъ въ ея душѣ. Ей стала невыносимо-гадка ея прежняя жизнь, она сознала весь ужасъ своего положенія; съ сокрушеннымъ сердцемъ упала на колѣни передъ незнакомцемъ и со слезами умоляла его помочь ей выбраться изъ бездны, въ которую впала. Молодой человѣкъ выслушалъ ее съ видимымъ состраданіемъ; когда же уходя, онъ на прощаніи нѣжно и почтительно поцаловалъ ее,—этотъ поцалуй показался ей

слаще всѣхъ, когда либо испытанныхъ ею. Онъ видался съ ней не разъ и, убѣдившись, что она искренно рѣшилась исправиться, женился на ней. Вся эта исторія рассказана простымъ и трогательнымъ языкомъ и проникнута гуман-нымъ чувствомъ, которое дѣлаетъ честь Грину.

Другой памфлетъ, *The Blacke Bookes Messenger*, представ-ляетъ меньше интереса; это рассказъ о жизни и подвигахъ извѣстнаго лондонскаго конникатчера Нэда Броуна, заключа-ющійся покаянной рѣчью, которую произноситъ преступникъ съ ступеней эшафота собравшейся толпѣ. Вѣроятно, вслѣд-ствіе этого памфлетъ Грина названъ въ *Registers Раская-ніе Конникатчера* ⁽¹⁰⁵⁾. Вообще, въ послѣднее время своей жизни, Гринъ работалъ съ какой-то лихорадочной поспѣшностью. Кромѣ памфлетовъ противъ конникатчеровъ, онъ въ февралѣ 1592 издалъ съ своимъ предисловіемъ *Euphues Shadow* (Тѣнь Эвфуэса) повѣсть своего отсутствующаго друга Лоджа ⁽¹⁰⁶⁾, а въ Іюль того же года отдалъ въ печать свою большую повѣсть *Филомела* и злостный памфлетъ противъ Гарвея. Наконецъ, лежа уже на смерт-номъ одрѣ и, какъ бы боясь умереть, не высказавшись вполнѣ, онъ пишетъ хладѣющей рукой свои два автобіо-графическіе памфлета *Groatsworth of Wit* и *Repentance*. Мы рассмотримъ эти произведенія въ порядкѣ ихъ внесенія въ *Registers*.

Предвидя, что изданіе любовнаго памфлета можетъ на-влечь на него справедливый упрекъ въ непослѣдователь-ности, Гринъ въ предисловіи *Филомелы* ⁽¹⁰⁷⁾, заявляетъ, что эта повѣсть была написана имъ гораздо раньше, по порученію одной знатной дамы, и, что только усиленные просьбы издателя побудили его выставить на ней свое имя. Подробный разборъ этой повѣсти, сдѣланный Донлопомъ ⁽¹⁰⁸⁾, избавляетъ насъ отъ необходимости излагать ея содержа-

ніе. Достаточно замѣтить что *Филомела* принадлежит къ наиболее обработаннымъ повѣстямъ Грина, хотя по нашему мнѣнію и не заслуживаетъ тѣхъ похвалъ, которыми ее осыпаютъ Донлопъ и Брыджъ, перепечатавшій ее въ первомъ томѣ своихъ *Archaisa*. Послѣдній въ особенности восхищается характеромъ героини, въ личность которой, какъ бы сотканную изъ любви и самоотверженія, Гринъ воплотилъ свой идеалъ женщины. «Достаточно, говоритъ Брыджъ, одного этого произведенія, чтобъ вполне очистить память автора отъ клеветъ въ служеніи безнравственнымъ цѣлямъ. Тотъ кто написалъ подобную повѣсть долженъ былъ быть одаренъ въ высокой степени чувствомъ праваго и неправаго. Характеръ Филомелы обрисованъ съ такимъ совершенствомъ, полонъ такого великодушія, такой святой чистоты, что фантазія, создавшая его, непременно должна была быть по временамъ озаряема самыми чистыми помыслами, самыми возвышенными стремленіями».

Въ лондонскихъ литературныхъ кружкахъ того времени занимали видное мѣсто братья Гарвей, сыновья разбогатѣвшаго фабриканта веревокъ. Старшій изъ нихъ, Габріэль, былъ докторъ правъ; средній, Ричардъ, посвятилъ себя духовной профессіи, а меньшей, Джонъ, былъ медикъ. Наибольшей извѣстностью пользовался Габріэль Гарвей, глубокій знатокъ классической литературы и римскаго права, считавшій въ числѣ своихъ друзей Спенсера и Сиднея. Въ качествѣ людей обеспеченныхъ и притомъ свѣтскихъ, вращавшихся въ высшихъ сферахъ лондонскаго общества братья Гарвей смотрѣли нѣсколько свысока на бѣдныхъ поденщиковъ литературы въ родѣ Наша, Грина или Пиля. Въ одномъ изъ своихъ богословскихъ трактатовъ (*The Theological Discourse of the Lamb of God*, Ричардъ Гарвей, имѣвшій старые счеты съ Нашемъ, Тортльтономъ и др., ⁽¹⁰⁹⁾),

обозвалъ весь ихъ кружокъ «юоставщиками балаганныхъ пьесъ и зачинщиками всякихъ ссоръ».

Оскорбленный въ лицѣ своихъ товарищей по профессіи и кромѣ того имѣя основаніе думать, что въ этой выходкѣ и старшій братъ былъ не безъ грѣха, Гринъ рѣшился осадить зазнавагося выскочку, напомнивъ ему его плебейское происхожденіе и профессію его отца.

Такимъ образомъ, если вѣрить Нашу (¹¹⁰) и произошелъ знаменитый памфлетъ Грина *A Quip for an upstart Courtier: or a quaint dispute between Velvet-breeches and Cloth-breeches* (Щелчекъ выскочкѣ придворному или остроумный споръ между бархатными и полотняными штанами), помѣченный въ *Registers* 20 Іюля 1592 г.

Памфлетъ посвященъ тому самому сэру Томасу Барнби, чьимъ пріемышемъ Гринъ назвалъ себя въ одномъ изъ своихъ предыдущихъ произведеній (*Never to Late*). Изъ предисловія къ читателямъ видно, что по мысли Грина памфлетъ его не былъ направленъ только противъ Габріэля Гарвея, но имѣлъ болѣе общій характеръ: въ лицѣ Гарвея Гринъ хотѣлъ обличить лѣзущихъ въ аристократію выскочекъ, чванство и роскошь которыхъ не дешево обходятся народу, живущему на ихъ земляхъ. Авторъ рассказываетъ, что заснувши однажды на холмѣ въ лѣсу, служившемъ любимымъ мѣстомъ прогулки окрестныхъ жителей, онъ видѣлъ невѣроятный сонъ: ему снилось, что къ холму подходитъ какое-то странное безголовое существо; существо это гордой походкой, не лишенной нѣкоторой граціи, стало приближаться къ холму. Всматриваясь пристальнѣе въ странное видѣніе, авторъ увидѣлъ, что оно было безъ головы и туловища, и состояло только изъ однѣхъ длинныхъ ногъ, одѣтыхъ въ штаны изъ лучшаго неаполитанскаго бархата, расшитые дорогими шелками и украшенные золотыми по-

зументами. Не успѣлъ онъ опомниться отъ изумленія, какъ увидѣлъ на противоположной сторонѣ холма такое же странное существо, но только одѣтое въ простые полотняные штаны. Смиренно и робко, но не безъ сознанія собственного достоинства, подходило оно къ вершинѣ холма, гдѣ остановились въ гордой и вызывающей позѣ бархатные штаны. Еще болѣе изумился авторъ, когда услышалъ, какъ эти странные существа затѣяли между собой на чистомъ англійскомъ языкѣ горячій споръ, кто изъ нихъ лучше и болѣе заслуживаетъ уваженіе людей. Въ отвѣтъ на похвальбу бархатныхъ штановъ, что они уже лучше потому, что вышли изъ страны рыцарства и цивилизаціи, полотняные штаны грубо возразили, что эта цивилизація съ нѣкоторыхъ поръ дорого обходится англійскому народу, что вторженіе иностранной роскоши и модъ отражается повышеніемъ арендной платы бѣдныхъ фермеровъ, которымъ скоро придется платить чуть-ли не за самый дымъ, выходящій изъ трубъ ихъ жилищъ. Бархатные штаны однако не убѣдились этими аргументами и выставили новыя доказательства своего превосходства, а полотняные въ свою очередь съ жаромъ принялись опровергать ихъ. Видя, что споръ такимъ образомъ можетъ затянуться до безконечности, авторъ предлагаетъ спорящимъ отдать свое дѣло на судъ присяжныхъ. Въ это время какъ нарочно къ холму подошли портной, закладчикъ, докторъ, полисмэнъ, аптекаръ и др. Противъ каждой изъ этихъ профессій стороны тотчасъ-же предъявили возраженіе. Полотняные штаны отвѣли портнаго, потому что, по ихъ словамъ, они не могутъ положиться на безпристрастіе того, кто живетъ заказами франтовъ. Съ своей стороны бархатные штаны предъявили отводъ противъ закладчика на томъ основаніи, что между ними вѣчная война изъ за высокихъ процентовъ.

Такимъ образомъ всѣ ремесла и профессіи оказываются непригодными либо для той, либо для другой стороны. Но вотъ вдали показываются угольщикъ, черный, какъ дьяволъ, съ отрѣзанными ушами за мошенничество, въ сопровожденіи фабриканта веревокъ, «Сэръ, — жалуется угольщикъ автору, — этотъ человѣкъ слѣдитъ за мной, какъ тѣнь; я подозреваю, что это злой духъ въ образѣ человѣка. Съ тѣхъ поръ, какъ я однажды постоялъ у позорнаго столба, онъ не отстаётъ отъ меня ни на шагъ и все убѣждаетъ повѣситься на его веревкѣ.» «Это неправда, сэръ, возражаетъ фабрикантъ веревокъ, мы встрѣтились случайно и путешествуемъ вмѣстѣ какъ подобаетъ честнымъ людямъ.» — «Поди ты къ чорту съ своей честностью! Я васъ спрашиваю, сэръ, можетъ-ли быть честнымъ человѣкомъ, у котораго мать была вѣдьма, и который самъ живетъ несчастьемъ ближняго и вѣетъ веревки, на которыхъ вѣшаются бѣдняки.» — Вслѣдъ за угольщикомъ и его спутникомъ подходятъ еще три лица: бочарь, сапожникъ и коммиссіонеръ, которыхъ стороны отводятъ какъ завѣдомыхъ плутовъ. За ними идутъ дворянинъ-помѣщикъ въ сопровожденіи двухъ сквайровъ. Авторъ не скрываетъ своего сочувствія къ этому классу людей, въ которыхъ онъ видитъ олицетвореніе старинной англійской доблести; вотъ какъ онъ описываетъ честнаго дворянина: «*Vox populi, vox Dei!* Фермеры и арендаторы такъ любятъ его, что если-бы было возможно, то они бы сдѣлали его безсмертнымъ своими молитвами. Онъ не возвышаетъ ренты, не выжимаетъ послѣднихъ соковъ изъ земли, не налагаетъ безбожныхъ штрафовъ, не завидуетъ ближнему, но любить свой народъ, свою страну, интересы которой также дороги ему какъ и самая жизнь.» Но не такъ думаютъ бархатные штаны и поспѣшно отводятъ представителей сельскаго *gentry*, справедливо предполагая, что

они не могут отнестись благопріятно къ выскочкамъ и хлыщамъ. Такъ какъ за отведеніемъ помѣщика и сквайровъ не осталось болѣе никого, то противники поручаютъ разборъ своей тяжбы автору, который прежде всего обращается къ помѣщику и сквайрамъ и проситъ ихъ быть въ числѣ присяжныхъ. Къ нимъ присоединяется еще нѣсколько человѣкъ различныхъ профессій, противъ которыхъ ни та ни другая сторона не предъявили возраженій, и такимъ образомъ составляется законное число присяжныхъ. Принесши обычную присягу, они послѣ кратковременнаго совѣщанія рѣшаютъ дѣло въ пользу полотняныхъ штановъ. Бархатные же удаляются со стыдомъ, преслѣдуемые общими насмѣшками.

Колльеръ, сколько намъ извѣстно, первый замѣтилъ ⁽¹¹¹⁾, что основную идею своего памфлета, равно какъ и его планъ и нѣкоторыя подробности, Гринъ заимствовалъ изъ анонимной поэмы *The Debate between Pride and Lowliness* (Споръ между Гордостью и Смирениемъ). Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ Колльера, что памфлетъ Грина не есть оригинальное произведеніе, а передѣлка чужаго оригинала, мы не думаемъ однако, чтобы вся роль Грина ограничивалась, какъ полагаетъ Колльеръ, только переложениемъ четырехстрочныхъ строфъ подлинника въ плавную прозу. Тщательное сличеніе поэмы съ памфлетомъ привело насъ къ нѣсколько инымъ выводамъ. Не говоря уже о томъ, что Гринъ относился къ своему источнику совершенно самостоятельно, многое выбрасывалъ, многое прибавлялъ отъ себя, самый рассказъ Грина по своей типичности, остроумію и живости далеко оставляетъ за собой монотонное повѣствованіе поэмы. Благодаря такому самостоятельному отношенію къ источнику и таланту автора, сумѣвшему превратить абстракты въ живыя лица, памфлетъ Грина, не бу-

дучи оригинальнымъ по замыслу, является оригинальнымъ по исполненію. Гдѣ мы найдемъ напр. въ поэмѣ эту любовь къ бѣдному трудящемуся классу и священное негодованіе на его всегдашнихъ эксплуататоровъ? Демократическая тенденція, проходящая черезъ весь памфлетъ Грина, освѣщаетъ новымъ свѣтомъ нѣкоторые лица и эпизоды. — Какъ напр. хорошъ йомэнъ у Грина съ его честнымъ отвращеніемъ къ италианизированнымъ джентльмэнамъ, ежегодно возвышающимъ арендную плату на своихъ земляхъ, чтобы имѣть возможность облечь себя въ шелкъ и бархатъ. Воспользовавшись идеей суда присяжныхъ, Гринъ проводитъ передъ читателемъ цѣлую серію представителей различныхъ профессій и классовъ современнаго ему общества, разсыпая въ характеристикахъ ихъ множество современныхъ намековъ и подробностей, дѣлающихъ его шуточное произведеніе весьма интереснымъ и въ культурномъ отношеніи.

Памфлетъ Грина при своемъ появленіи въ свѣтъ имѣлъ большой успѣхъ и выдержалъ въ продолженіе одного года нѣсколько изданій ⁽¹¹²⁾. Извѣстность его не замедлила перешагнуть за предѣлы Англіи: въ 1601 г. появился въ Лейденѣ голландскій переводъ его, имѣвшій тоже не одно изданіе ⁽¹¹³⁾, а нѣсколько позднѣе онъ былъ переведенъ и на французскій языкъ. Памфлетомъ Грина открывается пятилѣтняя чернильная война, которая велась съ одинаковымъ ожесточеніемъ, хотя далеко не съ одинаковымъ талантомъ, съ одной стороны Гарвеемъ, съ другой Нашемъ. Война эта своимъ скандальнымъ и задорнымъ характеромъ до того волновала общественное мнѣніе, что власти сочли своимъ долгомъ вмѣшаться въ нее: въ 1597 г. архіепископъ Кэнтербэрійскій, бывшій въ то время главнымъ начальникомъ по дѣламъ печати въ Англіи, запретилъ печатать новые памфлеты Гарвея и Наша, а прежніе велѣлъ изъять изъ продажи и уничтожить. —

Переходимъ теперь къ двумъ автобіографическимъ памфлетамъ, писаннымъ Гриномъ на смертномъ одрѣ. Первый изъ нихъ, носящій странное заглавіе *Грошъ Мудрости, приобретенный за миллионъ раскаянія* (*Groatworth of Wit, bought with a million of Repentance*) и изданный Четтлемъ съ подлинной рукописи Грина (¹¹⁴), имѣетъ видъ нравоучительной повѣсти, и только въ концѣ ея мы узнаемъ, что подъ именемъ Роберто авторъ вывелъ самого себя. Вотъ содержаніе повѣсти: у стараго ростовщика Гориніуса было два сына. Старшій изъ нихъ, Луканіо, былъ человѣкъ дѣловой и помогаль отцу въ его операціяхъ; меньшой, Роберто, ушелъ изъ дому, предался наукѣ и не скрывалъ своего отвращенія къ ремеслу отца. Зная образъ мыслей своихъ дѣтей, Гориніусъ, умирая, завѣщалъ все свое состояніе дѣловому Луканіо, а идеалисту Роберто вручилъ одинъ грошъ, сопровождая этотъ подарокъ слѣдующимъ наставленіемъ: «Когда я началъ свою каррьеру у меня ничего не было кромѣ этого мѣднаго гроша; съ помощью его я нажилъ свое богатство. Ты не разъ удивлялъ меня мудростью твоихъ рѣчей; постарайся дѣйствовать также умно какъ ты говоришь и съумѣй сдѣлаться съ этимъ грошомъ богатымъ человѣкомъ.» Сказавши эти слова, старый ростовщикъ испустилъ духъ. По смерти отца братья пошли по разнымъ дорогамъ и достигли различныхъ результатовъ. Дѣловой Луканіо еще болѣе расширилъ операціи отца и богатѣлъ съ каждымъ днемъ, а непрактическій Роберто не замедлилъ впасть въ крайнюю нищету. Возмущенный несправедливостью отца и завидуя Луканіо, жившему въ довольствѣ, Роберто счелъ себя вправѣ хитростью добыть себѣ хоть часть отцовскаго наслѣдства. Съ этой цѣлью онъ задумалъ свести простоватаго Луканіо съ своей пріятельницей, куртизанкой Ламиліей, которая должна была всѣми

средствами выманить у Луканіо побольше денегъ и раздѣлить ихъ съ Роберто. Первая половина плана удалась какъ нельзя лучше: Луканіо былъ околдованъ красотой Ламиліи, подарилъ ей драгоцѣнный алмазъ и кромѣ того былъ обыгранъ ею въ кости на значительную сумму. Когда же Роберто пришелъ къ Ламиліи за полученіемъ своей части выручки, то коварная куртизанка не только что не дала ему ничего, но и рассказала объ его поступкѣ брату, который прервалъ съ нимъ всякія сношенія. Оставшись безъ всякихъ средствъ къ жизни, терзаемый раскаяніемъ и скорбью, Роберто подумывалъ уже о самоубійствѣ, когда случайная встрѣча съ странствующимъ актеромъ вновь возвратила его къ жизни и ея радостямъ. Увидя по разговору, что имѣетъ дѣло съ ученымъ человѣкомъ и литераторомъ, актеръ предложилъ Роберто писать пьесы для ихъ труппы, обѣщая большія выгоды въ случаѣ успѣха. Роберто съ радостью принялъ предложеніе и немедленно принялся за работу. Успѣхъ его драматическихъ опытовъ превзошелъ все ожиданія, а съ успѣхомъ явились и деньги. Но этого мало. Какъ бы въ вознагражденіе за испытанныя страданія судьбѣ захотѣлось осыпать Роберто не въ примѣръ другимъ всеми благами жизни. Успѣхи на драматическомъ поприщѣ доставили ему знакомство съ однимъ почтеннымъ джентельмэномъ, на прелестной дочери котораго онъ вскорѣ и женился. Послѣдствія доказали, что легкомысленный Роберто не былъ достоинъ выпавшаго на его долю счастья. Тихая семейная жизнь не удовлетворяла его; онъ сталъ пропадать изъ дому, сдружился съ кутилами, игроками мошенниками, шулерами, и въ обществѣ этихъ подозрительныхъ личностей проводилъ цѣлые дни. Когда же жена писала ему отчаянныя письма, умоляя возвратиться домой, онъ показывалъ ихъ своимъ собутыльникамъ, которые по-

дымали ее на смѣхъ. Даже печальный конецъ многихъ его товарищей, преданныхъ суду за свои нечестныя продѣлки, ни мало не образумилъ его. Только когда пьянство и излишества всякаго рода уложили его на одръ болѣзни и лишили всякой возможности работать, когда отъ всего состоянія уцѣлѣлъ только одинъ грошъ, завѣщанный ему умирающимъ отцомъ, тогда онъ понялъ безвыходность своего положенія. «О теперь, возопилъ онъ, глядя на отцовскій подарокъ, теперь ужъ слишкомъ поздно пріобрѣсть на этотъ грошъ мудрости для себя; теперь развѣ впору уступить другимъ то, что я легкомысленно упустилъ пріобрѣсть для себя»,

На этихъ словахъ Гринъ прерываетъ свой рассказъ и прямо заявляетъ, что подъ именемъ Роберто онъ изобразилъ самого себя: «Здѣсь, господа, я прерываю рѣчь Роберто, жизнь котораго, во многомъ (*in most part*) сходная съ моею, нашла себѣ подобное-же наказаніе. И такъ представьте себѣ, что я—Роберто, что я хочу исполнить задуманное имъ и послать вамъ грошъ житейской мудрости, которую ни въ грошъ не ставилъ въ своей жизни, и хотя теперь по всей вѣроятности нѣтъ на свѣтѣ человѣка, желающаго мнѣ добра, все-таки я, умирая, хочу моимъ раскаяніемъ принести пользу людямъ.—О вы, которые прочтете эти безсвязныя строки, не думайте, что я по прежнему хочу забавлять васъ вымыслами моею фантазіи, но соберите въ одну кучу все написанное мною и предайте сожженію. Вѣрьте, что каждая строка моихъ сочиненій производитъ глубокую рану въ моемъ сердцѣ, что каждый свободный часъ, проведенный кѣмъ либо изъ васъ въ чтеніи ихъ, приноситъ бездну огорченій моею душѣ. О если-бъ слезы несчастнаго (а былъ-ли какой нибудь человѣкъ несчастнѣе меня?) могли смыть ихъ совершенно съ памяти

людей, о если бы можно было похоронить ихъ вмѣстѣ со мною! Но такъ какъ это невозможно, то пусть по крайней мѣрѣ мое послѣднее произведеніе свидѣтельствуемъ о томъ, какъ я ихъ ненавижу. Темно и мрачно воспоминаніе о нихъ, мрачнѣе ночи, мрачнѣе смерти, мрачнѣе ада!»

Не имѣя никакого основанія заподозрѣвать искренность этихъ разрывающихъ душу признаній, которыя Вильмэнъ весьма удачно назвалъ *la confession d'un enfant du XVIe siècle*, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что показанія Грина, какъ относительно своей жизни, такъ и относительно своихъ произведеній, нужно принимать съ большою осторожностью въ виду исключительности его душевнаго состоянія. Въ другомъ мѣстѣ и по другому поводу ⁽¹¹⁵⁾ нами было замѣчено, что Гринъ «писалъ свои признанія въ страшныя минуты душевной агоніи, когда вспугнутая близостью смерти совѣсть представляла ему всю его прошедшую жизнь какимъ-то сплошнымъ позорнымъ дѣяніемъ». Въ доказательство, что такой безотрадный взглядъ Грина на свою жизнь и литературную дѣятельность былъ результатомъ исключительнаго душевнаго состоянія, въ которое его ввергла усилившаяся болѣзнь, достаточно привести тотъ фактъ, что въ предисловіи къ *Groatsworth of Wit*, ⁽¹¹⁶⁾ писанномъ при началѣ болѣзни, когда Гринъ еще надѣялся выздороветь, онъ не такъ мрачно смотрѣлъ на свою литературную дѣятельность. «Если я выздоровѣю, говорилъ онъ между прочимъ своимъ читателямъ, то вы увидите новые плоды моего таланта, болѣе свѣжіе чѣмъ всѣ предыдущіе, гдѣ я васъ научу какъ жить, не стараясь впрочемъ возстановить васъ противъ любви» (*yet not diswading you from love*). Но когда ему стало хуже, когда передъ его помутившимся умственнымъ взоромъ предсталъ грозный призракъ смерти и послѣдняго суда, тогда онъ взглянулъ на свою дѣятель-

ность иными глазами. Стихотворенія, памфлеты, пьесы, литературные триумфы, все это показалось ему не только суетнымъ, но и преступнымъ передъ лицомъ смерти. Отлетѣлъ напускной раціонализмъ, которымъ Гринъ рисовался въ былое время въ литературныхъ кружкахъ Лондона, повязка спала съ глазъ; «бѣдное голое двуногое существо» (какъ выражается о человѣкѣ король Лиръ), очутилось лицомъ къ лицу съ тайнами вѣчности и изъ груди его вырвался стонъ, молившій о пощадѣ...

Памфлетъ Грина заключается извѣстнымъ намъ (см. стр. 21 и слѣд.) обращеніемъ его къ друзьямъ и товарищамъ по профессіи. Стоя на порогѣ вѣчности, заботясь только о спасеніи души тѣхъ, кого онъ любилъ на землѣ, Гринъ не подозрѣвалъ, что, умоляя своего пріятеля Марло отказаться отъ пагубнаго атеизма, онъ выдавалъ его головой властямъ, которые не замедлили учредить за нимъ секретный надзоръ. Мы думаемъ однакожъ, что этотъ неосторожный поступокъ не заслуживаетъ тѣхъ жестокихъ порицаній, которыми осыпаетъ его Боденштедтъ ⁽¹¹⁷⁾ утверждающій, что скорѣе можно простить Грину всѣ прежніе грѣхи его безпутной жизни, чѣмъ это открытое предательство своихъ друзей. Мы сами подписались бы обѣими руками подъ этимъ приговоромъ, если бы можно было доказать, что предательство Грина было умышленное, что онъ могъ заранѣе предвидѣть послѣдствія своей неосторожности. Скорѣе думается намъ, слѣдуетъ порицать издателя *Groatsworth of Wit* Четтля, который выпустивъ, по его словамъ, нѣкоторыя вопіющія мѣста о Марло, по оплошности оставилъ это мѣсто, тоже конечно не взвѣсивъ всѣхъ опасностей, которымъ онъ подвергалъ знаменитаго драматурга.

Прежде чѣмъ перейти къ послѣднему произведенію Грина, памфлету *Repentance* (Раскаяніе), упоминаемому въ

Registers подь 6 октября 1592, мы должны коснуться вопроса объ его подлинности, до сихъ поръ возбуждающей сомнѣнія въ нѣкоторыхъ ученыхъ. Самъ знаменитый издатель сочиненій Грина былъ, по его словамъ, одно время не чуждъ этихъ сомнѣній. «Когда, говоритъ Дэйсъ, мнѣ впервые попало въ руки *Repentance* Грина, я заподозрилъ въ немъ поддѣлку какого-нибудь современнаго автора, хотѣвшаго извлечь свою выгоду, удовлетворивъ любопытству публики относительно такой извѣстной личности какъ Гринъ; но въ настоящее время я крѣпко убѣжденъ въ подлинности этого произведенія». Сколько намъ извѣстно, мнѣніе Дэйса въ настоящее время принято, за весьма немногими исключеніями, ⁽¹¹⁸⁾ всѣми англійскими учеными, работающими надъ Шекспиромъ и его предшественниками. Изъ нѣмецкихъ ученыхъ Ульрици повидимому склоненъ видѣть въ *Repentance* позднѣйшую поддѣлку ⁽¹¹⁹⁾, а Боденштедтъ въ подкрѣпленіе своихъ сомнѣній приводитъ и доказательства ⁽¹²⁰⁾, которыя, къ сожалѣнію, не имѣютъ за собой никакой научной цѣнности. Первое изъ нихъ опирается на субъективномъ чувствѣ критика, находящаго, что *Repentance* написано гораздо хуже остальныхъ произведеній Грина; второе, которое можно назвать психологическимъ, состоитъ въ томъ, что, по мнѣнію Боденштедта, преобладающій тонъ *Repentance* не похожъ на тонъ кающагося грѣшника. Допустивъ съ Боденштедтомъ, что *Repentance* написано хуже другихъ произведеній Грина, мы скорѣе готовы видѣть въ этомъ несовершенствѣ стиля одно изъ сильныхъ доказательствъ въ пользу подлинности произведенія, потому что умирающему Грину некогда было думать о тщательной обработкѣ своего слога. Второе доказательство Боденштедта еще слабѣе; ибо въ основѣ его лежитъ, по нашему мнѣнію, простое недоразумѣніе. По всему видно,

что Боденштедтъ знакомъ съ *Repentance* только по выпискамъ, приводимымъ у Дэйса; онъ не подозреваетъ, что оно состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ въ первой преобладаетъ именно тотъ тонъ кающагося грѣшника, котораго критикъ не нашелъ во второй, хотя присутствіе его и здѣсь весьма замѣтно. Здѣсь Гринъ въ припадкѣ раскаянія доходитъ до того, что обвиняетъ себя даже въ такихъ преступленіяхъ, которыхъ онъ по всей вѣроятности никогда не совершалъ ⁽¹²¹⁾. Доказательства въ пользу подлинности *Repentance* весьма вѣски, и особенно выигрываютъ въ виду слабости доказательствъ противной стороны.

Во 1) прежде всего нужно упомянуть о свидѣтельствѣ Четтля (въ предисловіи къ *Kind-heart's Dream, London 1593*), который говоритъ, что Гринъ, умирая, оставилъ много произведеній въ рукахъ различныхъ книгопродавцевъ (*many papers in sundry booksellers hands*). Однимъ изъ такихъ книгопродавцевъ могъ быть *Cuthbert Burbie*, купившій у Грина за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти *The third and last part of Connycatching* и оставившій описаніе его смерти. И дѣйствительно имя его красуется на заглавномъ листѣ *Repentance* ⁽¹²²⁾.

2) Не менѣе сильное доказательство въ пользу подлинности *Repentance* составляетъ мнѣніе современниковъ, которымъ и въ голову не приходило видѣть въ этомъ произведеніи тенденціозную поддѣлку. Въ 1596 г., стало быть черезъ четыре года послѣ смерти Грина, нѣкто Т. В. (*Thomas Bowes*) въ предисловіи къ своей *French Academy*, говоря объ англійскихъ атеистахъ, ссылается на свидѣтельство одного изъ нихъ о самомъ себѣ, данное имъ недавно (*lately*), когда могучая рука Бога, поразивъ его болѣзью, потребовала у него отчета въ безпутной жизни, и при этомъ приводитъ анекдотъ изъ *Repentance* Грина. Хотя Т. В.

и не называетъ автора *Repentance* по имени, но всѣ читавшіе *Groatsworth of Wit* (а кто тогда не читалъ этого памфлета, надѣлавшаго столько шуму въ Англіи?) безъ сомнѣнія догадывались о комъ здѣсь идетъ рѣчь.

3) Выше (на стр. 31) было приведено въ переводѣ послѣднее письмо Грина къ женѣ, въ которомъ онъ умоляетъ жену, во имя любви и дружбы, ихъ когда-либо связывавшей, уплатить его долгъ квартирному хозяину, прибавляя, что не будь этого добраго человѣка, ему навѣрное пришлось бы умереть гдѣ нибудь на улицѣ. Подлинность этого трогательнаго по своей простотѣ письма, впервые напечатаннаго въ приложеніи къ *Repentance*, доказывается свидѣтельствомъ Гарвея, видѣвшаго собственноручное письмо Грина къ женѣ подобнаго же содержанія, и если редакція его, сообщаемая Гарвеемъ нѣсколько короче, то это легко объясняется тѣмъ, что Гарвей излагалъ содержаніе письма на память и старался передать только его сущность. —

Но можетъ быть самымъ сильнымъ доказательствомъ въ пользу подлинности разсматриваемаго произведенія служить его внутренній характеръ, тотъ духъ неподдѣльнаго раскаянія, сердечнаго сокрушенія и самобичеванія, которымъ оно всецѣло проникнуто. Читатели безъ сомнѣнія вспомнятъ, что признаки подобнаго настроенія замѣтны и въ другихъ произведеніяхъ Грина; нигдѣ они впрочемъ не достигаютъ такой степени какъ въ *Repentance*, особенно въ первой его части.

Выше было замѣчено, что *Repentance* состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой Гринъ бросаетъ общій взглядъ на свою жизнь и предается горькимъ сѣтованіямъ на свою несчастную судьбу. Сѣтованія, которыми полна первая часть *Repentance*, были результатомъ безпредѣльнаго отчаянія, овладѣвавшаго умирающимъ поэтомъ всякій разъ, какъ про-

блескъ сознанія озарялъ раскрытую передъ нимъ бездну. Это вопль отчаянія, смѣняющійся молитвою къ Богу и приливами поздняго раскаянія. За исключеніемъ анекдота, приведеннаго нами выше, (см. примѣч. 43) въ этой части нѣтъ никакого автобіографическаго матеріала. Вторая часть *Repentance* заключаетъ въ себѣ краткую автобіографію Грина, написанную имъ съ цѣлью отвратить другихъ отъ пагубныхъ путей, по которымъ шла его собственная жизнь. Автобіографія Грина стоитъ совершеннымъ особнякомъ въ ряду произведеній этого рода. — Обыкновенно автобіографіи и мемуары пишутся людьми съ тайной цѣлью оправдать себя въ глазахъ потомства, выставивъ въ лучшемъ свѣтѣ свои дѣйствія и побужденія. Автобіографія Грина — плодъ его исключительнаго душевнаго состоянія — задается цѣлью прямо противоположной. Рѣшившись рассказать на пользу людямъ свою безпутную жизнь, Гринъ повидимому находитъ какое-то болѣзненное наслажденіе выставять себя, всѣ свои поступки, всѣ свои побужденія въ самомъ грязномъ свѣтѣ. Если вѣрить Грину, то онъ только и дѣлалъ, что предавался пьянству, разврату и богохульству. До чего простирается самообличительная тенденція Грина можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ. Рассказывая напр. о своемъ путешествіи въ Италію, онъ умалчиваетъ о впечатлѣніи, которое на него произвела итальянская культура, наука, искусство и даетъ понять, что онъ тамъ научился только разврату. Далѣе, говоря о своей литературной дѣятельности, онъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о своихъ обличительныхъ памфлетахъ, равно какъ и о нравственномъ переломѣ, котораго они были результатомъ, а между тѣмъ мы знаемъ, что въ обличительныхъ памфлетахъ онъ видѣлъ искупленіе литературныхъ грѣшковъ своей юности. Словомъ онъ умышленно скрываетъ все что, по его мнѣнію,

могло сколько-нибудь ослабить приговоръ, который онъ въ назиданіе другимъ произноситъ надъ своей собственной жизнію. Все это долженъ имѣть въ виду біографъ Грина и, не довольствуясь фактами, сообщаемыми самимъ поэтомъ, дополнять и освѣщать ихъ изъ другихъ источниковъ. —

Обозрѣвъ въ хронологическомъ порядкѣ прозаическія произведенія Грина и исчерпавъ автобіографическій матеріалъ въ нихъ заключающійся, попытаемся теперь бросить общій взглядъ на литературную дѣятельность Грина, какъ прозаика. Большинство всего написаннаго Гриномъ составляютъ, такъ называемые, любовные памфлеты самого разнообразнаго содержанія: тутъ, какъ мы видѣли, есть и настоящія патетическія любовныя исторіи (*Мамилія*, *Арбасто* и др.) и пастушескіе романы (*Менафонъ*) и правоучительныя новеллы (*Ткань Пенелопы*, *Альцида* и др.) и автобіографическія повѣсти (*Грошъ Мудрости*, *Раскажаніе*). Главнымъ образцомъ и вдохновителемъ Грина былъ Дилли съ своимъ извѣстнымъ романомъ, но кромѣ того Гринъ, хорошо знавшій нѣсколько иностранныхъ языковъ, въ своихъ произведеніяхъ обнаруживаетъ знакомство съ массой произведеній другихъ литературъ; съ новеллами Боккаччо, Аркадіей Саннацаро, Діаной Монтемайора, правоучительнымъ трактатомъ: *Il libro del Cortigiano* гр. Кастильоне, различными сборниками народныхъ повѣстей, хрониками и т. д. Изъ Декамерона Боккаччо онъ заимствовалъ заключительный эпизодъ своей *Филомелы* ⁽¹²³⁾ и нѣсколько скандальныхъ анекдотовъ о католическихъ монахахъ, которые онъ вставилъ въ свой политическій памфлетъ *The Spanish Masquerado*. Въ основѣ *Пандосто* лежитъ польское сказаніе о трагической участи второй супруги герцога Мазовіи Земовита ⁽¹²⁴⁾, а испытаніе женской вѣрности въ *Филомелѣ* вѣроятно заимствовано изъ какого ни-

будь сборника народных повѣстей, гдѣ этотъ мотивъ встрѣчается не разъ и откуда онъ могъ перейти и къ итальянскимъ новеллистамъ. Одна изъ оригинальныхъ, на первый взглядъ, особенностей повѣстей Грина—чередованіе прозы и стиховъ—была вѣроятно заимствована имъ изъ Аркадіи Саннацаро или Діаны Монтемайора; равнымъ образомъ и образцы для диспутовъ на отвлеченныя тѣмы и обычай спорящихъ подтверждать свои мнѣнія новеллами онъ могъ найти у итальянскихъ новеллистовъ. Вообще прозаическія произведенія Грина обнаруживаютъ въ ихъ авторѣ громадную начитанность; не говоря уже о классическихъ писателяхъ, Гринъ неоднократно цитируетъ Данте, Аріосто, Гуаццо, Эразма, историка Павла Іовія и др.

Любовные памфлеты Грина нельзя назвать ни повѣстями, ни романами въ современномъ смыслѣ этого слова: въ нихъ нѣтъ ни тщательнаго изученія современной дѣйствительности, ни историческаго колорита, ни анализа сокровенныхъ движеній человѣческаго сердца. Это правоучительныя сказки, то веселыя, то грустныя, но въ обоихъ случаяхъ отражающія въ себѣ дѣтство повѣствовательнаго искусства. Громадный успѣхъ, которымъ онѣ пользовались, можетъ служить вѣрнымъ показателемъ эстетическихъ потребностей тогдашней публики, требовавшей отъ романиста не изображенія духа эпохи, не психологической правды въ обрисовкѣ страстей и характеровъ, но плавнаго, занимательнаго и притомъ поучительнаго разсказа. Этими свойствами безспорно обладали любовные памфлеты Грина. Они удовлетворяли потребностямъ самой разнокалиберной публики; они давали ей цѣлую массу занимательныхъ, патетическихъ, а подчасъ и кровавыхъ любовныхъ исторій; они переносили ее изъ сѣренькой дѣйствительности въ міръ романтизма и поэзіи; они знакомили ее съ утонченными умственными

наслажденіями болѣе развитыхъ цивилизацій. Учащейся молодежи, студентамъ Оксфорда и Кэмбриджа они преимущественно нравились своей ученостью, селадонамъ и львицамъ—своимъ изысканнымъ и манернымъ слогомъ; солиднымъ людямъ—своими нравственными тенденціями; женщинамъ же вообще—тѣмъ восторженнымъ взглядомъ на женскія совершенства, которымъ онѣ были проникнуты ⁽¹²⁵⁾. Мы легко можемъ себѣ представить, съ какимъ интересомъ тогдашнія читательницы слѣдили за всѣми перипетіями испытаній, выпавшихъ на долю злополучной Филомелы, какъ онѣ восхищались умомъ и добродѣтелью Пенелопы, какъ съумѣли оцѣнить по достоинству спокойную прелесть безмятежной жизни Перемида Кузнеца и его супруги. Не малую цѣнность придавали повѣстямъ Грина вставленные въ нихъ стихотворные отрывки, изъ которыхъ нѣкоторые отличаются большими поэтическими достоинствами. Рѣдкая повѣсть Грина обходится безъ двухъ-трехъ подобныхъ отрывковъ, вылившихся какъ бы невольно изъ его переполненнаго сердца въ минуты, когда прозаическая рѣчь казалась ему сухой и монотонной. Содержаніе этихъ стихотвореній весьма разнообразно. То онъ описываетъ яркими красками прелести своей милой ⁽¹²⁶⁾, то воспѣваетъ роковую силу страсти, разбивающей въ прахъ всѣ доводы разума ⁽¹²⁷⁾, то возбужденная фантазія поэта ищетъ успокоенія въ обаятельной семейной картинѣ—ему рисуется молодая прелестная мать, баюкающая на колѣняхъ своего первенца, свою радость и гордость и слышится ея поэтическая колыбельная пѣснь ⁽¹²⁸⁾; то онъ переносится мыслью въ осіянную яркимъ солнцемъ природу юга, прелести которой, увы! не въ состояніи усладить горечь его наболѣвшаго сердца ⁽¹²⁹⁾, то, исчерпавъ всю гамму поэтическихъ ощущеній, онъ возвращается къ своему больному мѣсту, своей неудавшейся жизни и горько жа-

луется на коварный свѣтъ, его погубившій ⁽¹³⁰⁾. Хотя тѣмы этихъ стихотвореній всегда находятся въ связи съ сюжетомъ той или другой повѣсти, хотя поэтъ никогда не говоритъ отъ себя, а влагаетъ свои мысли и чувства въ уста разныхъ пастуховъ и пастушекъ, но тѣмъ не менѣе по всѣмъ ихъ проходитъ одна общая черта—это тайная грусть по разбитымъ надеждамъ, по неудавшейся жизни, которая вѣчно преслѣдовала Грина. Когда нѣсколько знаешь эту жизнь, когда припоминаешь себѣ въ какомъ обществѣ вращался Гринъ, какой зачумленной атмосферой ему часто приходилось дышать, становится какъ нельзя болѣе понятнымъ это желаніе перенестись въ міръ грезъ и забыться въ мелодіи стиха. Эти грезы о лучшей жизни, смѣняемыя порывами жгучаго раскаянія, служатъ лучшимъ доказательствомъ того, что въ груди Грина вѣчно тлѣлъ, по временамъ задуваемый страстями, но никогда не потухавшій вполне, огонекъ идеализма и поэзіи. Личное настроеніе Грина сказывается также въ той роли, которую онъ отводитъ женщинамъ въ своихъ произведеніяхъ. Въ лѣта своей юности онъ любилъ выводить идеальные типы женщинъ, воспѣвать ихъ послушаніе, вѣрность, скромность и другія добродѣтели; его ранніе любовные памфлеты кишатъ идеальными женщинами: вспомнимъ Мамиллію, Миранію, Пенелопу, Фавнію и др.; но въ послѣдствіи, когда онъ, разставшись съ женой, попалъ въ руки лондонскихъ куртизанокъ, взглядъ его нѣсколько измѣнился; прежній Гомеръ женщинъ, какъ его называлъ въ шутку Нашъ, внезапно превратился въ ихъ Зоила. Типы идеальныхъ женщинъ все рѣже и рѣже встрѣчаются въ его позднѣйшихъ памфлетахъ, (начиная съ *Альциды*); за то героинями ихъ являются обольстительныя куртизанки, искусно увлекающія въ свои сѣти неопытныхъ юношей и до чиста ихъ обирающія. Таковы три

сестры-красавицы въ *Mourning Garment*, Инфида въ *Never to Late*, Ламилія въ *Groatsworth of Wit* и др.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о стилѣ любовныхъ памфлетовъ Грина, приводившемъ въ не малый восторгъ его поклонниковъ ⁽¹³¹⁾. Объ эвфуизмѣ и причинахъ его распространенія въ высшихъ слояхъ англійскаго общества мы уже говорили подробно въ другомъ мѣстѣ ⁽¹³²⁾; для нашей цѣли достаточно замѣтить, что этотъ неестественный, пряный, испещренный антитезами и игрой словъ, классическими намеками и сравненіями, слогъ нашель себѣ талантливое литературное выраженіе въ знаменитомъ романѣ Лилли *Эвфуэсъ или Анатомія Остроумія* (1579 г.), имѣвшемъ громаднѣйшій успѣхъ и вскорѣ сдѣлавшемся настольной книгой всякаго свѣтскаго человѣка и всякой свѣтской женщины въ Англіи. «Всѣ наши лэди, говоритъ одинъ современникъ ⁽¹³³⁾, были ученицами Лилли, и красавица, не усвоившая себѣ эвфуизма, также мало могла рассчитывать на успѣхъ при тогдашнемъ дворѣ, какъ особа не знающая по французски при нынѣшнемъ.» Въ своихъ любовныхъ памфлетахъ Гринъ является не болѣе какъ счастливымъ подражателемъ Лилли, усвоившимъ себѣ въ совершенствѣ стиль и манеру своего образца, и Гарвей былъ до нѣкоторой степени правъ, назвавши Грина обезьяной Эвфуэса (*The ape of Eurhues*). Дѣйствительно, любовные памфлеты Грина представляютъ образцы эвфуизма самой чистой воды: изысканность и манерность выраженія, обиліе антитезъ и классическихъ намековъ, вѣчная погоня за остроуміемъ и игрой словъ, наконецъ обременяющія рѣчь сравненія съ камнями, цвѣтами и животными, словомъ всѣ ингредиенты эвфуизма мы находимъ въ утѣшительномъ изобиліи въ любовныхъ памфлетахъ Грина, съ той впрочемъ разницей, что въ раннихъ памфлетахъ ихъ больше, чѣмъ въ позднѣйшихъ. Реакція въ пользу большей простоты слога (нужно при-

знаться довольно слабая) замѣчается уже въ *Менафонъ* (см. стр. 70—71 и прим. 93), и есть основаніе думать, что она возникла въ Гринѣ подъ вліяніемъ сближенія съ Нашемъ, не особеннымъ поклонникомъ эвфуизма⁽¹³⁴⁾. Но вліяніе это не могло быть значительно. Сильнѣе вліянія Наша было вліяніе модной литературной теоріи, въ силу которой любовные сюжеты и вообще *матеріи важныя* должны были быть трактуемы соотвѣтственнымъ ихъ важности слогомъ. Какъ только Гринъ обращается къ другимъ предметамъ, слогъ его тотчасъ пріобрѣтаетъ утраченную имъ простоту и естественность; въ его политическомъ памфлетѣ *Испанскій Маскарадъ* (1589 г.) почти незамѣтно слѣдовъ эвфуизма, который совершенно исчезаетъ въ его обличительныхъ памфлетахъ противъ конникатчеровъ. Вотъ какъ Гринъ объясняетъ причину этого исчезновенія въ предисловіи къ *The Second and last part of Connycatching*. Отвѣчая нѣкоторымъ изъ своихъ читателей, упрекавшимъ его за то, что въ первомъ его памфлетѣ противъ конникатчеровъ (*The notable Discovery of Connycatchers Cozenage*) онъ будто съ умысломъ избѣгалъ тѣхъ цвѣтовъ краснорѣчія, которыми изобилуютъ его остальные произведенія, Гринъ даетъ понять, что, поступая такимъ образомъ, онъ дѣйствовалъ въ силу извѣстной литературной теоріи. «Есть, говоритъ онъ, извѣстный *decorum*, который нужно соблюдать въ каждомъ дѣлѣ. Нельзя писать возвышеннымъ слогомъ о низкихъ предметахъ; кромѣ того ремесло конникатчеровъ до того отвратительно, а люди промышляющіе имъ до того низки и гадки, что говоря о нихъ употребить какое-нибудь фигуральное выраженіе или отборное слово значило бы, по моему мнѣнію, уронить самое краснорѣчіе и посягнуть на достоинство нашего роднаго языка.» — Вообще говоря сатирическіе памфлеты Грина образуютъ собою особую

группу не только по отношенію къ языку, но и по отношенію къ своему характеру и содержанію. Въ противоположность любовнымъ памфлетамъ, не дающимъ почти ничего для характеристики современнаго общества, они полны бытовыхъ чертъ и современныхъ намековъ—обстоятельство, дѣлающее ихъ весьма интересными и для историка культуры.

ГЛАВА III.

Гринъ, какъ драматургъ.

Первые драматическіе опыты Грина: *Король Альфонсъ, Орlando, и Зеркало Англіи и Лондона*. Новое направленіе драматической дѣятельности Грина—*Іаковъ IV*. Характеристика важнѣйшихъ произведеній Грина: *Монахъ Бэконъ* и *Вэксфильдскій полевой сторожъ*. Отзывы современниковъ о Гринѣ, какъ драматургѣ. Мѣсто, занимаемое Гриномъ въ исторіи англійской драмы.

Когда и съ какой пьесы началъ Гринъ свою драматическую дѣятельность, въ какомъ порядкѣ его произведенія слѣдовали другъ за другомъ—вотъ вопросы, на которыхъ прежде всего должно остановиться вниманіе изслѣдователя, принимающагося за изученіе драматическихъ произведеній Грина. Только удовлетворительное рѣшеніе этихъ вопросовъ можетъ дать ему твердую точку опоры для заключеній о развитіи драматическаго таланта Грина. Къ сожалѣнію на эти вопросы всѣ источники, до Автобіографіи Грина включительно, отвѣчаютъ либо молчаніемъ, либо даютъ противорѣчивыя и неточныя показанія. Изъ *Repentance* не видно даже съ чего началъ свою литературную дѣятельность Гринъ, съ любовныхъ памфлетовъ, или съ драмъ, и хотя въ дневникѣ Генело ⁽¹³⁵⁾ и упоминается о представленіи нѣкоторыхъ пьесъ Грина на сценѣ, но самый дневникъ начинается только съ февраля 1591, т. е. обнимаетъ собой самый незначительный періодъ литературной дѣятельности Грина.—На этомъ основаніи Дэйсъ заранѣе пред-

сказывалъ неудачу всякой попытки при наличныхъ скудныхъ свѣдѣніяхъ опредѣлить время происхожденія той или другой пьесы Грина (¹³⁶). Но если нѣтъ возможности при наличныхъ свѣдѣніяхъ составить точную хронологію пьесъ Грина, то можно попытаться, принявъ въ соображеніе показанія источниковъ и художественное достоинство самихъ пьесъ, провести приблизительно—вѣрную черту между первыми драматическими опытами Грина и его послѣдующими, болѣе зрѣлыми, произведеніями.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Гринъ обратился къ театру только тогда, когда онъ уже пріобрѣлъ себѣ извѣстность какъ авторъ любовныхъ памфлетовъ: *Мамиллія*, *Морандо*, *Гвидоній* и др. были напечатаны раньше чѣмъ мы слышимъ о какой-бы то ни было пьесѣ Грина. (¹³⁷) Неизвѣстно, какого рода были его первыя драматическія произведенія, но есть основаніе думать, что они прошли незамѣченными и что раздраженный Гринъ снова обратился къ прозѣ. (¹³⁸) Успѣхъ Тамерлана Марло, поставленнаго на сцену въ 1586 г., задѣлъ его за живое и заставилъ измѣнить свое рѣшеніе. Онъ пишетъ пьесу въ подражаніе Тамерлану тоже бѣлымъ стихомъ, но его произведеніе подвергается озлобленнымъ находкамъ со стороны какихъ-то двухъ неизвѣстныхъ драматурговъ, которые осмѣиваютъ Грина съ подмостковъ сцены (см. стр. 57—8 и прим. 79 и 80). Ульрици, а за нимъ и Симпсонъ весьма основательно предполагаютъ, что пьеса Грина, подвергшаяся осмѣянію, были *Альфонсъ, король Аррагонскій*, которая, какъ мы сейчасъ увидимъ, носитъ на себѣ явные слѣды подражанія Тамерлану Марло; заглавіе же ея, мало соотвѣтствующее ея содержанію, *Комическая исторія Альфонса, короля Аррагонскаго* (*The Comical history of Alphonsus, king of Arragon*), объясняется тѣмъ, что пьеса, не смотря на

множество кровавыхъ эпизодовъ, оканчивается на манеръ комедій—свадьбой любовниковъ. На основаніи всего вышеизложеннаго мы считаемъ себѣ въ правѣ начать обзоръ драматической дѣятельности Грина съ *Альфонса*—пьесы, по всей вѣроятности древнѣйшей изъ всѣхъ *дошедшихъ до насъ* драматическихъ произведеній Грина.

Вотъ въ краткихъ словахъ содержаніе пьесы: аррагонскій король Каринусъ былъ свергнутъ съ престола своимъ двоюроднымъ братомъ Фламиніемъ. Вынужденный бѣжать изъ своей страны, онъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Альфонсомъ скрывался много лѣтъ гдѣ-то въ лѣсу близъ Неаполя. Въ первой сценѣ, которая можетъ быть названа эспозиціей дѣйствія, мы присутствуемъ при разговорѣ отца съ сыномъ. Съ тѣхъ поръ какъ отецъ впервые разсказалъ сыну исторію своихъ бѣдствій, Альфонсъ не знаетъ покоя. Долгое время онъ, безмолвный и мрачный, обдумываетъ свое рѣшеніе, наконецъ прямо объявляетъ отцу, что не можетъ болѣе выносить своего униженнаго положенія и рѣшился либо погибнуть, либо мечемъ добыть себѣ то, что принадлежитъ ему по праву. Тщетно, умудренный опытомъ, старикъ, не желающій къ тому же лишиться своего послѣдняго утѣшенія, умоляетъ его отказаться отъ принятаго рѣшенія, «такъ какъ безумно плыть противъ теченія», тщетно онъ прибѣгаетъ къ невинной отцовской хитрости и старается увѣрить сына, что доволенъ своей судьбой, что тихая уединенная жизнь стоитъ короны. Альфонсъ остается непреклоннымъ. Тогда отецъ, видя, что не капризь, не минутная фантазія, но геройскій духъ влечетъ сына на широкое и опасное поприще борьбы, благословляетъ его и желаетъ ему воротиться домой такимъ же побѣдителемъ какъ Цезарь. Альфонсъ уходитъ и присоединяется къ арміи неаполитанскаго короля Белинуса, которому приходится за-

щищать свое отечество отъ внезапно нахлынувшихъ ордъ аррагонскаго короля Фламинія. Одинъ геройскій видъ Альфонса произвелъ такое ободряющее впечатлѣніе на растерявшагося Белинуса, что тотъ проситъ Альфонса помочь ему, обѣщая ему въ награду все что онъ завоюетъ своимъ мечемъ, 'хоть бы все аррагонское королевство. Альфонсъ соглашается и въ первой же стычкѣ убиваетъ Фламинія, а Белинусъ, вѣрный своему слову, возлагаетъ на голову Альфонса аррагонскую корону. Но престолъ Аррагоніи, который еще такъ недавно составлялъ предметъ страстныхъ желаній Альфонса, теперь уже не удовлетворяетъ его. Такъ какъ Неаполитанское королевство находилось въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Аррагоніи, то Альфонсъ требуетъ, чтобъ Белинусъ объявилъ себя его вассаломъ и оказалъ ему почести, обыкновенно отдаваемые вассалами своему сюзерену. Возмущенный такой самоувѣренной наглостью неизвѣстнаго проходимца, Белинусъ конечно не соглашается и обвиняетъ Альфонса въ неблагодарности и коварствѣ. Между ними возгарается война, въ которой Альфонсъ, при помощи нѣкоторыхъ полководцевъ, бывшихъ подданныхъ его отца, одерживаетъ побѣду надъ Белинусомъ и его союзникомъ, герцогомъ миланскимъ. Белинусъ бѣжитъ въ Турцію просить помощи у турецкаго султана Амурата, а Альфонсъ, сдѣлавшійся въ такое короткое время властелиномъ Милана, Неаполя и Аррагоніи, дѣлитъ эти три страны между своими полководцами. Корону герцогства миланскаго онъ отдаетъ Милесу, неаполитанскую—Лелію, а свою собственную аррагонскую—Альбинію. Когда же послѣдній колеблется ее принять, ссылаясь на то, что такой щедростью и великодушіемъ Альфонсъ лишаетъ себя послѣдняго достоянія, Альфонсъ отвѣчаетъ, что Аррагонія слишкомъ тѣсна и ничтожна для его великаго духа и что его честолюбіе будетъ удовлетво-

рено только тогда, когда онъ завоюетъ себѣ престолъ турецкаго Султана. — Въ то время какъ Альфонсъ пирами и празднествами торжествуетъ возведеніе своихъ полководцевъ въ санъ королей, Белинусъ и Амуратъ приближаются съ огромнымъ войскомъ къ границамъ Италіи. Альфонсъ поспѣшаетъ къ нимъ на встрѣчу; сначала разбиваетъ Белинуса, потомъ Амурата; Белинусъ погибаетъ въ битвѣ; Амуратъ же, разбитый, попадаетъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ женой своей Фаустой и дочерью Ифигеніей. Альфонсъ уже раньше встрѣчался съ Ифигеніей въ битвѣ и, плѣненный ея красотой, предлагалъ ей руку и сердце; тогда она отвергла его; теперь же, видя безвыходность своего положенія, она готова выйти за него, но гордый султанъ и слышать не хочетъ объ этомъ бракѣ, да и самъ Альфонсъ упрямится.... Затянувшійся узелъ счастливо разрѣшается прибытіемъ престарѣлаго отца Альфонса. Сразу понявъ въ чемъ дѣло, Каринусъ беретъ все уладить; онъ смягчаетъ упорство сына, получаетъ согласіе Ифигеніи и ея матери, такъ что султану ничего не остается какъ согласиться и съ своей стороны. Свадьбой Альфонса и Ифигеніи и оканчивается пьеса.

Драма Грина раздѣлена на акты и сцены; каждому акту предшествуетъ прологъ, состоящій въ томъ, что спускается съ небесъ Венера и сообщаетъ зрителямъ содержаніе каждаго акта. Ульрици ⁽¹³⁹⁾ находитъ оригинальной и поэтической мысль Грина замѣнить обычную пантомиму прологомъ, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ является сама богиня любви. Конечно всего лучше было бы обойтись совсѣмъ безъ пантомимы и пролога, какъ это сдѣлалъ Марло въ своемъ Тамерланѣ; но если слѣдовать этому нововведенію Гринъ почему бы то ни было счелъ для себя неудобнымъ, то нельзя не признать что изъ двухъ золъ онъ выбралъ безспорно меньшее. —

Разсматриваемая съ эстетической точки зрѣнія пьеса Грина представляетъ собою весьма слабое произведеніе. Въ строгомъ смыслѣ слова ее даже нельзя назвать драмой, потому что въ ней нѣтъ ни строгаго плана, ни драматическихъ конфликтовъ, ни изображенія потрясеннаго страстью человѣческаго духа, ни возрастанія драматическаго интереса, словомъ всего того, что мы соединяемъ съ понятіемъ драмы. Это раздѣленная на акты и сцены фантастическая исторія короля Альфонса; интересъ, возбуждаемый ею, болѣе эпическій, нежели драматическій. Нельзя отрицать, что пьеса ведена живо, что нѣкоторыя положенія ее довольно эффектны, что развязка весьма проста и остроумна. Но этимъ и ограничиваются всѣ ея достоинства. Тщетно стали бы искать въ ней хоть одного хорошо очерченнаго характера, хоть одной правильно мотивированной сцены; все какъ то отрывочно, случайно и въ большей части случаевъ неожиданно. Самое единство ея болѣе внѣшнее, чѣмъ внутреннее. Центральнымъ пунктомъ пьесы должна бы повидимому быть личность Альфонса, но дѣло въ томъ, что его характеръ очерченъ весьма слабо, и въ добавокъ лишенъ личнаго величія, свойственнаго герою драмы. По нашему мнѣнію, пьеса эта положительна доказываетъ, что талантъ Грина находился еще на первой ступени своего развитія. Сюжетъ представлялъ ему нѣсколько въ высшей степени благодарныхъ драматическихъ положеній, которыми онъ не сумѣлъ воспользоваться, вѣроятно потому, что не подозрѣвалъ ихъ цѣнности. (Напр. отношеніе Альфонса къ Ифигеніи). Лишенная внутренняго центра и правильнаго мотивированія дѣйствія, драма Грина представляется современному читателю какой-то фантазмагоріей. Впечатлѣнію этому способствуетъ полнѣйшее несоблюденіе историческаго колорита въ пьесѣ, доходящее до того, что Гринъ заставляетъ христіанина Альфонса и магометанина

Амурата признавать своимъ верховнымъ богомъ Зевса, что онъ переносить къ султанскому двору волшебницу Медею, которая при помощи своихъ чаръ воскрешаетъ гомеровскаго Калхаса и заставляетъ его пророчествовать объ исходѣ войны между Амуратомъ и Альфонсомъ. ⁽¹⁴⁰⁾ Къ исчисленнымъ нами недостаткамъ нужно прибавить еще полнѣйшее отсутствіе оригинальности. Внимательное параллельное чтеніе Альфонса и Тамерлана не оставляетъ никакого сомнѣнія, что первый есть явное подражаніе послѣднему. Подобно Тамерлану, и Альфонсъ поднимается изъ ничтожества единственно силою своего духа и своимъ необыкновеннымъ геройствомъ; подобно Тамерлану, онъ, въ припадкѣ гнѣва и безумной гордости, доходитъ до того, что осмѣливается грозить самому Магомету. Вліяніе Марло можно прослѣдить на второстепенныхъ характерахъ и на нѣкоторыхъ подробностяхъ; такъ напр. гордый и неукротимый Амуратъ есть очевидно сколокъ съ Баязида въ Тамерланѣ; у Марло Тамерланъ въѣзжаетъ на сцену въ колесницѣ, запряженной плѣнными царями; у Грина Альфонсъ идетъ еще далѣе — онъ сидитъ на тронѣ, балдахинъ котораго украшенъ съ четырехъ сторонъ ихъ головами; наконецъ слѣдуетъ припомнить, что первая часть Тамерлана и Альфонсъ Грина оканчиваются женитьбой героевъ на дочеряхъ побѣжденныхъ имъ царей и что Гринъ въ подраженіе второй части Тамерлана, хотѣлъ написать вторую часть Альфонса ⁽¹⁴¹⁾; словомъ, начиная отъ характеровъ и положеній вплоть до бѣлаго стиха, все въ Альфонсѣ Грина носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды подражанія Тамерлану Марло и служить подтвержденіемъ гипотезы Ульрици и Сампсона, что именно эта пьеса должна была вызвать ожесточенные нападки сторонниковъ Марло.

Вслѣдъ за Альфонсомъ мы можемъ съ одинаковымъ пра-

вомъ приступить къ разсмотрѣнію либо *Безумнаго Орландо*, либо *Looking Gloss for London and England*, ибо по всѣмъ вѣроятіямъ обѣ эти пьесы были написаны Гриномъ въ концѣ 1588 или началѣ 1589 г. (¹⁴²). Содержаніе своего Орландо Гринъ заимствовалъ изъ знаменитаго эпизода Аріостовой поэмы (пѣснь XXIII), гдѣ описывается, какъ Орландо сошелъ съ ума отъ ревности къ Анжеликѣ. Разумѣется Гринъ отнесся къ своему источнику совершенно свободно: многое выбросилъ, многое измѣнилъ, многое иначе мотивировалъ, многое прибавилъ отъ себя, вставилъ напр. цѣлыя сцены, гдѣ дѣйствуютъ клоуны чисто англійскаго происхожденія и т. д. Пьеса открывается какъ какая-нибудь старинная волшебная сказка. Прослышавъ о красотѣ дочери африканскаго императора Марсилія, Анжелики, царевичи со всѣхъ странъ свѣта пріѣзжаютъ искать ея руки. Всѣ они поочередно въ пышныхъ выраженіяхъ говорятъ о чудесахъ и богатствахъ своей земли и о силѣ приведшаго ихъ чувства. Въ числѣ жениховъ находятся два не царскаго происхожденія — знаменитый Паладинъ Карла В., Орландо, и черкесскій князь Сакрипантъ. Поблагодаривъ жениховъ за дѣлаемую ему честь, Марсилій устраняетъ себя отъ всякаго вмѣшательства и предоставляетъ дочери самой сдѣлать выборъ, обѣщая, что кого бы она ни выбрала, тотъ будетъ его зятемъ и послѣ его смерти наслѣдуетъ тронъ Африки. — Анжелика выбираетъ Орландо. Оскорбленные такимъ предпочтеніемъ человѣка не царскаго происхожденія, царевичи приходятъ въ ярость, грозятъ войной, (за исключеніемъ впрочемъ египетскаго султана, который, вспомнивъ Менелая, находитъ, что не стоитъ воевать за такое непостоянное существо какъ женщина) и отправляются собирать войска, чтобы сразу съ нѣсколькихъ сторонъ напасть на царство Марсилія и силой отвоевать Анжелику. На сценѣ остается

одинъ Сакрипантъ, который, не надѣясь на силу, прибѣгаетъ къ хитрости. Отвергнутый Анжеликой, которой онъ объясняется въ любви уже послѣ того какъ она торжественно выбрала Орlando, онъ придумываетъ планъ поссорить ихъ между собой. При дворѣ Марсилія жилъ нѣкто Медоръ, который былъ очень преданъ Анжеликѣ, сопровождалъ ее на прогулкахъ и т. д. На этой близости Медора и Анжелики и основалъ свой планъ коварный Сакрипантъ. Въ рощѣ, куда любилъ удаляться Орlando, чтобъ мечтать о своей невѣстѣ, Сакрипантъ чуть не на каждомъ деревѣ вырѣзалъ рядомъ имена Медора и Анжелики. Кромѣ того повсюду понавѣшивалъ множество символическихъ девизовъ и сонетовъ, будто бы писанныхъ Медоромъ въ честь Анжелики. Адскій планъ Сакрипанта удался вполнѣ. Орlando сходитъ съ ума отъ ревности и въ припадкѣ бѣшенства отрываетъ ногу у слуги Сакрипанта (эта подробность заимствована Гриномъ у Аріосто) и принимая ее за дубину Геркулеса, бѣгаетъ съ ней всюду, чтобъ убить невѣрную Анжелику. — Пажъ его Оргаліо, боясь, чтобъ Орlando въ самомъ дѣлѣ гдѣ нибудь не настигъ ее, переряжаетъ какого-то клоуна Тома въ женское платье и нанимаетъ его за полкроны разыграть роль Анжелики, увѣряя что все обойдется благополучно. Изъ всего этого выходитъ фарсъ весьма грубаго свойства, который вѣроятно очень нравился тогдашней публикѣ.

Оргаліо (къ Орланду). Милордъ, вотъ — Анжелика.

Орlando. Да, ты правъ; это въ самомъ дѣлѣ она. Какъ живешь, прекрасная Анжелика?

Томъ. Хорошо. Благодарю васъ.

Орlando. Развѣ ты не та самая Анжелика, которая своей красотой не уступаетъ Эритеѣ, которая бѣлизной своего лица пристыдила бы красавца Конопа (144).

Томъ. Конечно та самая.

Орландо. Такъ это тѣ самыя щеки, гдѣ цвѣтутъ розы и лиліи?

Томъ (въ сторону) Онъ чего добраго отыщеть цѣлую грядку цвѣтовъ на моемъ лицѣ.

Орландо. Развѣ это не тѣ самыя глаза, сквозь которыя самъ Фебъ бросаетъ свои ослѣпительные лучи?

Томъ. Не только лучи, но и ракеты.

Орландо. Такъ ты въ самомъ дѣлѣ Анжелика?

Томъ. Конечно.

Орландо. Въ такомъ случаѣ, гдѣ же твой любовникъ Медоръ?

Томъ (въ сторону). Оргаліо, дай мнѣ восемнадцать пенсовъ—и я убѣгу.

Орландо. Отвѣчай, непотребная женщина, гдѣ Медоръ?

Томъ. Медоръ теперь въ кабакѣ, сидитъ либо за пинтой либо за квартой эля.

Орландо. Ну, теперь, измѣнница болѣе лживая чѣмъ любовница Марса, болѣе невѣрная, чѣмъ Крессида, теперь ты не уйдешь отъ меня (бьетъ Тома, который убѣгаетъ).

Развязывается однако все благополучно; волшебница Мелисса излѣчиваетъ Орландо, давши ему волшебнаго напитка; Орландо убиваетъ коварнаго Сакрипонта, который передъ смертью кается въ своемъ поступкѣ, а Орландо женится на Анжеликѣ и отправляется вмѣстѣ съ ней ко двору Карла V.

Текстъ *Орландо* дошелъ до насъ въ весьма искаженномъ видѣ; даже варианты, приводимые Дейсомъ по списку пьесы, принадлежавшему знаменитому актеру Эдварду Аллейну, исполнявшему роль Орландо, мало помогаютъ дѣлу. По всему видно, что пьеса Грина была первоначально написана для придворнаго спектакля; на заглавномъ листѣ ея

перваго изданія, вышедшаго въ 1594, есть заявленіе издателя, что она напечатана въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ была играна въ присутствіи королевы. Ульрици справедливо замѣчаетъ, что этимъ обстоятельствомъ объясняется изобиліе классическихъ намековъ, сравненій, а равно также латинскія и даже итальянскія цитаты, попадающіяся въ пьесѣ, ибо хотя классическая орнаментика замѣтна и въ другихъ произведеніяхъ Грина; но не подлежитъ сомнѣнію, что здѣсь Гринъ особенно потрудился надъ нею, можетъ быть, желая превзойти своею ученостью своего учителя Лилли, который, въ качествѣ придворнаго драматурга, вѣроятно, присутствовалъ при представленіи Орландо. Эта вычурность, это постоянное щегольство ученостью, непріятно поражаютъ всякаго, кому придетъ въ голову сравнить стиль Грина съ изящной простотой поэмы Аріосто. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти постоянные недостатки слога Грина съ избыткомъ выкупаются проблесками истинно-поэтическаго настроенія. Въ подтвержденіе нашихъ словъ позволяемъ себѣ привести въ переводѣ отрывокъ одного монолога Орландо, именно его обращеніе къ вечерней звѣздѣ, который вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ служить характеристическимъ обрачикомъ стиля Грина, его достоинствъ и недостатковъ:

«Прекрасная царица любви, владычица наслажденій, радостное свѣтило, распространяющее любовь и миръ среди враждебныхъ другъ другу небесныхъ тѣлъ, которыя, покорныя своему вліянію, сливаются въ гармоническій хоръ и, такимъ образомъ, славятъ твое могущество; ты, остановившая бѣгъ огненной колесницы солнца и принудившая возницу ея склониться передъ красотою Дафны, взгляни на Орландо, исполненнаго сладостнымъ томленіемъ любви! А вы, уединенныя и тѣнистыя рощи, гдѣ нимфы улыба-

ются, глядя на игры сатировъ, будьте свидѣтелями, какъ Орландо вѣренъ своей любви! Если она придетъ искать сюда прохлады, раскинь надъ ней, о Флора, тѣнь развѣсистаго кедра, приготовь ей ложе изъ цвѣтовъ» и т. д.

Въ драматическомъ отношеніи *Орландо* развѣ немногимъ выше *Альфонса*; видно, пониманіе драматическаго у Грина не сдѣлало успѣховъ въ промежуткѣ между этими двумя пьесами. По отношенію къ обрисовкѣ характеровъ въ *Орландо* замѣчается нѣкоторый прогрессъ; личности Орландо и Анжелики не лишены индивидуальной окраски, которая отражается и въ ихъ языкѣ. Въ безуміи, охватывающемъ Орландо, соблюдена извѣстная постепенность, невольно наводящая на мысль, что на Грина не прошло безслѣдно изученіе Аріостовой поэмы. Изъ второстепенныхъ характеровъ Грину болѣе другихъ удался характеръ черкесскаго князя Сакрипанта, въ созданіи котораго онъ впрочемъ былъ наименѣе зависимъ отъ Аріосто.—Когда знаешь отношенія Грина къ Марло, то позволительно видѣть въ этой комической личности съ ея глупымъ самодовольствомъ, съ ея ребяческимъ влеченіемъ къ коронѣ весьма прозрачную пародію на Тамерлана (¹⁴⁴).

Мы проходимъ молчаніемъ курьезную пьесу *Зеркало Англіи и Лондона*—нѣчто въ родѣ мистеріи съ интерлюдіями—сочиненную сообща Гриномъ и Лоджемъ, потому что нельзя съ полной достовѣрностью опредѣлить, что въ ней принадлежитъ Грину и что—его пріятелю. Впрочемъ, принявъ въ расчетъ покаянное настроеніе, преобладающее въ пьесѣ и вѣроятное время ея происхожденія около 1589 г., равно также и намеки самого Грина (¹⁴⁵), мы склонны думать, что Грину принадлежатъ монологи пророковъ Осіи и Іоны и вставныя сцены бытоваго характера. Вѣроятно, благодаря этимъ сценамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя не ли-

шены остроумія и сильнаго, хотя и грубоватаго комизма, пьеса имѣла значительный успѣхъ (¹⁴⁶), а потомъ была нѣсколько разъ издаваема отдѣльно.

Шотландская исторія короля Іакова IV (*The Scottish History of James the Fourth*) открываетъ собою новое направленіе драматической дѣятельности Грина, знаменующееся рѣшительнымъ поворотомъ къ естественности, простотѣ и народности. До сихъ поръ фантазія Грина витала по всему свѣту—въ Европѣ, Азій и Африкѣ, черпала свои сюжеты изъ чуждыхъ источниковъ, (библія, поэма Аріосто); съ этихъ поръ она не разстанется болѣе съ родной почвой, будетъ питаться родными сказаніями, изображать исключительно родные нравы. Такъ какъ это новое направленіе впервые сказывается въ *Іаковѣ IV*, то было бы въ высшей степени важно опредѣлить время происхожденія этой пьесы.

Къ сожалѣнію, источники хранятъ на этотъ счетъ совершенное безмолвіе, а мнѣнія новѣйшихъ ученыхъ, лишенные твердой фактической опоры, всегда будутъ имѣть болѣе или менѣе гипотетическій и субъективный характеръ (¹⁴⁷). Единственное, что мы можемъ съ нѣкоторымъ правомъ утверждать, это то, что *Шотландская Исторія* была написана Гриномъ не для труппы Генело, потому что въ противномъ случаѣ о ней непременно было бы упомянуто въ его записной книжкѣ. — Затѣмъ, когда именно она была написана и для какой труппы (¹⁴⁸)—вопросы эти положительно неразрѣшимы при существующихъ свѣдѣніяхъ о Гринѣ. Болѣе впрочемъ вѣроятно, что она была написана послѣ Альфонса и Орландо, что Гринъ, неудовлетворенный своими прежними пьесами, въ которыхъ онъ подражалъ стилю Лилли и манерѣ Марло, рѣшился выступить въ новую, болѣе самостоятельную дорогу.—Древнѣйшее изданіе

Іакова IV, о которомъ упоминается въ *Registers* подъ 14 мая 1594, не дошло до насъ; въ изданіи же 1598, перепечатанномъ Дейсомъ, есть замѣтка издателя, какого-то *Thomas Creede*, извѣщающаго публику, что текстъ перваго изданія до того испорченъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было невозможно возстановить логическую связь рѣчи.

Названіе *History*, которымъ Грину вздумалось окрестить свою пьесу, ввело въ заблужденіе многихъ ученыхъ, которые, принявъ его *au serieux*, съ жаромъ принялись отыскивать источники ея въ старинныхъ шотландскихъ хроникахъ, — и разумѣется, ничего не находили (¹⁴⁹). Еслибъ Гринъ, дѣйствительно, задался мыслью написать пьесу въ духѣ тѣхъ драматическихъ хроникъ, которыя были въ такой модѣ въ концѣ XVI в., то, конечно, онъ не преминулъ бы воспользоваться всѣми доступными ему историческими источниками. Но содержаніе драмы и ея постройка заставляютъ предполагать совершенно противное: не драматическую хронику изъ жизни Іакова IV хотѣлъ создать Гринъ, но романическую любовную драму, озаглавивъ ее для привлеченія публики моднымъ терминомъ *Исторія*. На самомъ же дѣлѣ въ этой *Шотландской Исторіи* столько же историческаго, сколько комическаго въ *Комической Исторіи Короля Альфонса*. Взявши изъ исторіи три личности: Іакова IV, шотландскаго, его жены Маргариты (у Грина Доротея) и ея отца, англійскаго Короля Генриха VII (замѣтимъ кстати, что Гринъ даже не называетъ его по имени, а просто англійскимъ королемъ, Гринъ тѣмъ и покончилъ свои обязательныя отношенія къ исторіи. Все остальное въ пьесѣ — дѣло его фантазіи. Отдавшись ея капризу, онъ поставилъ эти три лица въ такія отношенія, въ которыхъ они въ дѣйствительности никогда не стояли. Онъ наперекоръ исторіи заставилъ Іакова покушаться на жизнь своей жены, а послѣднюю бѣжать отъ мужа изъ опасенія быть зарѣзанной

по его приказанію; переѣхавъ два царствованія, двѣ историческія эпохи, онъ заставилъ Генриха VII (тогда уже умершаго) вести войну съ Іаковомъ IV изъ-за дочери. Мы не считаемъ возможнымъ допустить, чтобъ такой образованный человѣкъ, какимъ былъ Гринъ, не зналъ, что съ Іаковомъ IV шотландскимъ воевалъ не Генрихъ VII, но его преемникъ Генрихъ VIII, чтобъ онъ могъ ошибиться въ имени жены Іакова IV, чтобъ онъ не зналъ, что она никогда не думала спастись бѣгствомъ отъ мужа и т. д. Если онъ допустилъ всѣ эти неточности, то допустилъ ихъ съ умысломъ, ради своихъ драматическихъ цѣлей.

Содержаніе драмы слѣдующее: Сцена открывается свадьбой Іакова IV на дочери англійскаго короля Доротеѣ. Самъ Генрихъ VII привозитъ дочь въ Единбургъ. — Въ трогательныхъ выраженіяхъ онъ поручаетъ зятю свою дочь, «свою радость, свою жизнь и надежду Англіи», прибавляя, что любя ее, Іаковъ IV навѣки привяжетъ къ себѣ его самого. Іаковъ даетъ слово любить жену и беречь ее, и тутъ же, при радостныхъ кликахъ толпы, надѣваетъ на нее королевскую корону. Затѣмъ англійскій король собирается отправиться въ обратный путь, но передъ отъѣздомъ считаетъ нужнымъ дать своей дочери мудрый совѣтъ, какъ держать себя въ новомъ положеніи и на чужой землѣ. Приводимъ рѣчь короля вполнѣ, какъ доказательство того, насколько драматическая дикція въ Іаковѣ IV выиграла въ простотѣ и естественности.

«Я долженъ ѣхать, Доротея, и такъ какъ я оставляю тебя одну, лишенную нѣжныхъ попеченій матери твоей, то я позволяю себѣ обратиться къ тебѣ съ совѣтомъ, какъ тебѣ слѣдуетъ вести себя въ чужой землѣ. Главное, милая Долль, береги твою честь и будь вѣрна своему высокому положенію. Помни, что за тобой слѣдятъ много враждебныхъ глазъ.

Высокое положеніе — превосходная цѣль для вражескихъ стрѣлъ. Помни, что твои добродѣтели могутъ быть истолкованы какъ пороки: въ твоей любезности увидятъ признакъ низкаго духа; въ твоей застѣнчивости — гордость. А потому будь осмотрительна на твоёмъ скользкомъ пути. Почитай своего мужа, люби его, какъ свою собственную жизнь, выбирай друзей, любящихъ правду, неспособныхъ льстить изъ за личныхъ выгодъ и скрашивать твои недостатки. Подумай наединѣ о томъ, что я тебѣ сказалъ — и ты будешь счастлива». Доротея обѣщаетъ запечатлѣть совѣты отца въ своёмъ сердцѣ и успокоенный король прощается съ Іаковомъ, который проситъ жену проводить дорогаго гостя до корабля. По уходѣ англійскаго короля въ умѣ зрителя невольно возникаетъ вопросъ, почему Іаковъ IV самъ не захотѣлъ проводить державнаго гостя? Загадка эта скоро разъясняется: изъ монолога короля мы узнаемъ, что онъ внезапно воспылалъ страстью къ Идѣ, дочери графини Арранъ, которую онъ увидѣлъ впервые на своей свадьбѣ. Онъ знаетъ, что поступаетъ нечестно; онъ упрекаетъ себя въ низости. Замѣтивъ предметъ своей страсти въ толпѣ придворныхъ, онъ отводитъ ее въ сторону и начинаетъ нашептывать ей сладкія, загадочно-искусительныя рѣчи, которыя молодая дѣвушка весьма удачно парируетъ. Возвратившаяся съ проводъ отца королева кстати прерываетъ этотъ разговоръ, начинавшій становиться тяжелымъ для Иды. — Графиня Арранъ и дочь откланиваются ихъ величествамъ и уѣзжаютъ. — Вслѣдъ за ними уходитъ и королева, которую Іаковъ отправляетъ подъ тѣмъ предлогомъ, что ему нужно обдумать наединѣ важныя государственныя дѣла, — и король остается одинъ съ своей страстью, съ своими мятежными думами. Тутъ мы видимъ, до какой степени успѣло овладѣть имъ внезапно-нахлынувшее чувство. Для Иды онъ

готовъ рискнуть всѣмъ, готовъ поставить на карту уваженіе людей, корону, отечество. Нѣкто Атекинъ случайно слышитъ эти безумныя рѣчи и тотчасъ же составляетъ планъ построить на страсти короля къ Идѣ зданіе своего собственнаго возвышенія. Онъ ловко внушаетъ Іакову, что женитьба еще не есть препятствіе къ счастью съ Идой, что воля короля есть законъ для всѣхъ подданныхъ, не исключая и королевы, что Ида должна принадлежать ему, и обязательно берется быть посредникомъ между ею и королемъ. Слушая льстивыя рѣчи Атекина, Іаковъ просіялъ и обѣщаль озолотить его, если только ему удастся устроить дѣло съ Идой. Атекинъ отправляется въ замокъ графини Арранъ, распространяется о любви короля къ Идѣ, увѣряетъ, что она одна можетъ дать больной душѣ короля спокойствіе и счастье и наконецъ, съ необыкновенной наглостью дѣлаетъ Идѣ формальное предложеніе быть королевской любовницей, обѣщая большія почести въ случаѣ ея согласія и угрожая насиліемъ въ случаѣ отказа. Возмущенная до глубины души его рѣчами, скромная и богобоязненная дѣвушка съ негодованіемъ отвергаетъ его предложеніе, и Атекинъ, разочарованный и озлобленный, уходитъ, чтобъ извѣстить короля о неудачѣ своего посольства. Влюбленный король, между тѣмъ, совершенно пересталъ заниматься дѣлами; онъ отдалилъ отъ себя прежнихъ совѣтниковъ отца и окружилъ себя людьми новыми, клевретами Атекина. Лорды, съ архіепископомъ С. Андру во главѣ, считаютъ своимъ долгомъ откровенно изложить королевѣ положеніе дѣлъ. Но королева не вѣритъ, чтобъ любимый мужъ могъ такъ скоро измѣнить ей и объясняетъ его ухаживанье за Идой желаніемъ испытать ея любовь. «Король еще юнъ, говоритъ она лордамъ, онъ можетъ уклониться въ сторону, но можетъ и исправиться, а я всегда буду любить его». Лорды однакожъ не раздѣляютъ

ея надеждъ и считаютъ болѣе благоразумнымъ заблаговременно удалиться отъ двора, гдѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе растетъ вліяніе ненавистнаго Атекина.—Послѣдній въ скоромъ времени достигаетъ вершины своего могущества и увѣренный съ одной стороны въ силѣ своего вліянія, съ другой—въ силѣ страсти, овладѣвшей безхарактернымъ королемъ, рѣшается на послѣднее средство: онъ объясняетъ королю, что добродѣтель Иды непреклонна, что единственное средство овладѣть Идой—это жениться на ней, предварительно устранивъ съ дороги королеву. Въ первую минуту мысль объ устраненіи королевы, посредствомъ убійства, кажется ужасной Іакову, но ослѣпленный страстью, онъ колеблется не долго и уполномочиваетъ Атекина, какимъ бы то ни было способомъ, избавить его отъ Доротеи. Атекинъ подкупаетъ французскаго проходимца, какого-то *Mr. Jacques*, умертвить королеву, обѣщая достать ему подлинный приказъ короля. Но одинъ изъ людей, преданныхъ королевѣ, старый рыцарь Бертрамъ, случайно узнаетъ объ этомъ адскомъ планѣ, даетъ знать королевѣ, которая рѣшается спастись бѣгствомъ. Переодѣтая въ мужское платье, въ сопровожденіи вѣрнаго карлика Нано, она блуждаетъ по лѣсамъ, скрываясь отъ преслѣдованія наемнаго убійцы. Послѣдній однако настигаетъ ее, ранить и думая, что она уже мертва, поспѣшно убѣгаетъ, чтобы извѣстить Атекина объ успѣшномъ исполненіи порученія и напомнить ему объ обѣщанной наградѣ. Раненую королеву переносятъ въ сосѣдній замокъ, принадлежащій сэру Андерсону. Рана оказывается неопасной и королева скоро оправляется. Считая королеву погибшей, король, въ душу котораго закрадывается сожалѣніе о женѣ, посылаетъ своего любимца къ Идѣ съ извѣстіемъ, что нѣтъ болѣе препятствія къ честному союзу и просить ея руки. Атекинъ спѣшитъ въ замокъ

графини Арранъ—и какъ разъ попадаетъ на свадьбу Иды съ однимъ англійскимъ лордомъ. Пораженный, какъ громомъ этимъ событіемъ, которое сразу уничтожило его надежды, Атекинъ падаетъ духомъ; въ неожиданномъ крушеніи своихъ плановъ, онъ усматриваетъ персть Божій и начинаетъ раскаиваться въ совершенныхъ имъ злодѣяніяхъ. Между тѣмъ, вѣсть о смерти королевы доходитъ до отца ея, англійскаго короля, который собираетъ большое войско и вторгается въ Шотландію, съ цѣлью отомстить за смерть дочери. Іаковъ, съ своей стороны, собираетъ войска и спѣшитъ ему на встрѣчу. По дорогѣ онъ встрѣчается съ слугой Атекина, который сообщаетъ ему, что Ида уже за мужемъ и что самъ Атекинъ, боясь его гнѣва, бѣжалъ изъ Шотландіи. Король пораженъ этимъ извѣстіемъ, какъ громомъ; онъ проклиняетъ льстецовъ, подбившихъ его напрасно погубить Доротею, велитъ догнать Атекина, и, терзаемый позднимъ раскаяніемъ и упреками совѣсти, продолжаетъ свой путь. Уже англійскія и шотландскія войска стоятъ другъ противъ друга, готовая вступить въ кровавый бой, какъ неожиданное появленіе Доротеи, которую считали погибшей, повергаетъ всѣхъ въ радостное изумленіе и мгновенно превращаетъ войну въ миръ. — Обрадованный Генрихъ VII, по просьбѣ дочери, мирится съ зятемъ, который проситъ прощенія у англійскаго короля и жены и даетъ торжественное обѣщаніе почитать Генриха, какъ отца и любить Доротею, какъ вѣрную жену.

Передавая содержаніе драмы, мы не коснулись остроумныхъ вводныхъ сценъ, большей частью комическаго характера, которыми Гринъ, по обычаю всѣхъ драматурговъ того времени, не позабылъ приправить свою пьесу. Вставляя эти сцены, зачастую совершенно ненужныя для хода дѣйствія, драматурги временъ Елисаветы достигали двойной

цѣли: во первыхъ они шли на встрѣчу вкусу публики, любившей разнообразіе тона въ пьесѣ и тѣмъ обезпечивали успѣхъ своихъ произведеній на сценѣ; во вторыхъ подъ покровомъ шутки, они имѣли возможность высказать обществу горькія истины. Въ то время въ Англіи не было ни газетъ, ни журналовъ; въ слѣдствіе этого и драматургъ нерѣдко обращался въ публициста и высказывалъ устами своихъ героевъ свои взгляды на разные вопросы, волновавшіе современное ему общество. Такъ напр. Лилли осмѣивалъ въ своихъ комедіяхъ общественные предразсудки, вѣру въ астрологию и алхимию. дурно понятое чувство чести, выразившееся въ дуэляхъ и т. п. Въ разсматриваемой нами пьесѣ Грина есть нѣсколько сценъ, чисто комическаго характера и одна, въ которой онъ мрачными красками рисуетъ нравственное состояніе современнаго ему общества. Послѣдняя весьма интересна въ культурномъ отношеніи, и странно, что до сихъ никто не обратилъ на нее должнаго вниманія. Она есть ничто иное, какъ разговоръ о современныхъ бѣдствіяхъ, который ведутъ между собой *законникъ*, *купецъ* и *священникъ*, наканунѣ рѣшительной битвы между Англіей и Шотландіей. Законникъ предчувствуетъ близкое паденіе Шотландіи и видитъ его причину во внутренней неурядицѣ, въ неуваженіи къ закону, въ жадѣ наживы, въ желаніи подкопаться подъ благосостояніе ближняго и т. п. Священникъ соглашается, что законникъ вѣрно подмѣтилъ общественныя язвы, но думаетъ, что никто болѣе не содѣйствуетъ ихъ развитію, какъ само судебное сословіе. «Развѣ не вы первые, говоритъ онъ, зачинщики всякихъ ссоръ? Если сущность вашей профессіи коренится въ законѣ божескомъ и человѣческомъ, то зачѣмъ же вы затѣваете тяжбы, изобрѣтаете средства избѣжать закона и т. д. Пока васъ не было такъ много, наше государство служило образцемъ едино-

душія, а теперь что же мы видимъ? богатый угнетаетъ бѣднаго, вездѣ господствуетъ подкупъ, и если бы самъ Гомеръ пришелъ къ намъ безъ денегъ, то его никто не сталъ бы слушать. Какъ назвать такіе порядки, при которыхъ бѣднякъ всегда проиграетъ свое дѣло, какъ бы оно ни было право? Развѣ не вы изобрѣтаете различныя уловки, чтобы обойти законъ, развѣ не вы тянете дѣла по годамъ? Полюбуйтесь же на результаты вашей дѣятельности: ловкіе люди скупили земли у лордовъ, и теперь всячески прижимаютъ фермеровъ; если же послѣдніе вздумаютъ жаловаться и прибѣгнуть къ вашей помощи—вы снимете съ нихъ послѣднюю шерсть и пустите съ дѣтьми по міру. Вотъ теперь началась война; обобранный народъ волнуется; насъ грабятъ и безъ непріятелей; свои разоряютъ насъ и приговариваютъ при этомъ: въ мирное время законъ не щадилъ насъ; теперь мы въ свою очередь уничтожимъ его. Подумайте объ этомъ, господа законники; и если совѣсть скажетъ вамъ, что вы виноваты, постарайтесь исправить зло пока еще можно». Законникъ съ жаромъ возражаетъ священнику и въ своемъ отвѣтѣ старается свалить всю вину на духовенство, которое позабыло свое великое учительное призваніе, раздробилось на враждебныя другъ другу секты, предалось любостыжанію и т. п. и такимъ образомъ утратило мало по малу свое вліяніе на общество. Сопоставляя этотъ разговоръ съ одной сценой въ *Looking glass*, гдѣ выведены закладчикъ-грабитель, продажный судья и безсовѣстный адвокатъ, втроемъ разоряющіе бѣдныхъ людей, припоминая затѣмъ обличительные памфлеты Грина, едва не стоившіе ему жизни, нельзя не признать, что безпутный Гринъ, какъ писатель, честно сослужилъ свою общественную службу.

Въ комическихъ сценахъ пьесы главные роли играютъ

слуги Атекина — Андрей и Слипперъ, изъ которыхъ послѣдній долгое время былъ популярнѣйшимъ комическимъ типомъ англійской народной сцены. Это прямой наслѣдникъ *Порока* (*Vice*) старинныхъ моралите, плутъ, нахаль, пьяница, все, что хотите, но за то олицетворенное остроуміе и веселость. Онъ придумалъ оригинальный способъ рекомендовать себя какъ слугу, благодаря которому онъ и получилъ мѣсто у Атекина. — Онъ сталъ на большой дорогѣ, взялъ въ руки шесть и къ нему прикрѣпилъ слѣдующую афишу: «Если кто либо изъ дженльмэновъ духовныхъ или свѣтскихъ безразлично желаетъ принять къ себѣ въ услуженіе малаго лѣтъ тридцати, который можетъ спать какъ самый здоровый человѣкъ, ѣсть какъ самый голодный, работать, какъ разслабленный и лгать за десятерыхъ, который можетъ держать въ прекрасномъ порядкѣ домъ, когда въ немъ не живутъ, очищать конюшню, когда она пуста и кошелекъ своего господина, когда онъ полонъ, тотъ пусть запишетъ свой адресъ на этомъ листкѣ — и слуга не замедлитъ явиться.» Атекинъ, проходившій мимо, заинтересовался такой курьезной рекомендацей слуги, а поговоривши нѣсколько минутъ съ самимъ Слипперомъ, онъ до того плѣнился его остроуміемъ, что тотчасъ же нанялъ его въ услуженіе. Впрочемъ, Атекинъ скоро раскаялся въ своей поспѣшности. Слипперъ оказался нерадивымъ слугой, все промышлялъ какъ бы получше поѣсть и побольше выпить, нерѣдко позволялъ себѣ зло подшучивать надъ своимъ господиномъ, а подъ конецъ даже стянулъ у Атекина важныя бумаги и перепродалъ ихъ сэру Бертраму. Поступая такимъ образомъ, онъ не только не упрекалъ себя въ измѣнѣ интересамъ своего господина, но повидимому даже не сознавалъ, что поступалъ нехорошо. Какъ обрачикъ этой неподражаемой наивности, граничащей съ нравственнымъ ци-

низмомъ, позволяемъ себѣ привести сцену его переговоровъ съ сэромъ Бертрамомъ.

Сэръ Бертрамъ. Эй, малый, стой; я хочу поговорить съ тобой.

Слипперъ. Малый! Ты, дружище, оскорбилъ меня. Вѣдь я — джентльмэнъ.

Сэръ Бертрамъ. Джентльмэнъ?. Какъ такъ?

Слипперъ. Очень просто — я чищу лошадей.

Сэръ Бертрамъ. Такъ что-жъ изъ этого?

Слипперъ. Эхъ ты, простофиля! Ну такъ и быть, я тебѣ это разъясню. Джентльмэнами называются тѣ, которые приносятъ пользу государству, а такъ какъ чистить лошадей дѣло весьма полезное для государства, то всякій конюхъ — джентльмэнъ.

Сэръ Бертрамъ. Не шутя, у этого малаго слишкомъ много ума.

Убѣдившись, что онъ имѣетъ дѣло съ порядочнымъ плутомъ, Бертрамъ безъ обиняковъ спрашиваетъ Слиппера, захочетъ-ли онъ, конечно за деньги, добыть кой-какія бумаги изъ кармана своего господина.

Слипперъ. Захочу-ли я? Не только это, но если бы вы мнѣ приказали обокрасть роднаго отца и повѣсить мать или вообще, сдѣлать какую-нибудь другую бездѣлку въ этомъ родѣ, то я всегда съ большимъ удовольствіемъ къ вашимъ услугамъ. Только вотъ въ чемъ вопросъ: сколько вы мнѣ за это дадите?

Сэръ Бертрамъ. Сто фунтовъ.

Слипперъ. Я — вашъ. Давайте задатокъ.

Получивъ деньги, Слипперъ употребляетъ всѣ старанія, чтобъ хоть по наружности преобразиться въ настоящаго джентльмэна. Онъ заказываетъ себѣ платье того покроя, которое носятъ влюбленные джентльмэны (*amorous cut*),

модные сапоги, даже шпагу и кинжалъ. Но ему не удается пощеголять въ своемъ новомъ костюмѣ. Немезида скоро караетъ его; онъ побивается, такъ сказать, собственнымъ оружіемъ, встрѣтивъ въ своемъ товарищѣ Андрей еще большаго плута, чѣмъ самъ. Андрей, недовольный, что Слип-перъ успѣлъ заручиться такимъ солиднымъ кушемъ, подговариваетъ трехъ молодцовъ, которые до чиста его обираютъ.

Если исключить вводныя сцены съ шутами, плохо вяжущіяся съ главнымъ дѣйствіемъ, то *Іаковъ IV* Грина, даже съ современной точки зрѣнія окажется довольно стройной и правильно-построенной пьесой. Въ ней нельзя отрицать ни хорошо обдуманнаго плана, ни строго-логической связи частей между собою, ни искуснаго веденія нѣкоторыхъ сценъ. Правда, въ обрисовкѣ характеровъ замѣтно неравно-мѣрное распредѣленіе свѣта и тѣни, отчего нравственный переворотъ, совершающійся въ нихъ подъ вліяніемъ ударовъ судьбы, кажется неожиданнымъ и мало вѣроятнымъ (напр. раскаяніе Атекина), а въ изображеніи страстей упущена изъ виду постепенность ихъ развитія (такова напр. любовь Іакова къ Идѣ, налетающая на него какъ вихрь), правда, что мотивированіе дѣйствія не всегда естественно, (Іаковъ почти безъ борьбы даетъ свое согласіе на такое страшное дѣло какъ убійство жены), но эти несомнѣнные недостатки щедро вознаграждаются многими существенными достоинствами: живымъ ходомъ дѣйствія, постепеннымъ возрастаніемъ драматическаго интереса, простотой и естественностью дикціи и, наконецъ, нѣсколькими, дѣйствительно, мастерски очерченными характерами. Лучшій изъ характеровъ драмы—это, безспорно, королева Доротея. Видно, что Гринъ работалъ надъ этой личностью съ особенной любовью, что онъ вложилъ въ этотъ характеръ все

что было лучшаго въ его собственной душѣ, всѣ свои мечты о добродѣтели и нравственномъ достоинствѣ женщины. Выданная замужъ, по всей вѣроятности, изъ политическихъ расчетовъ, она съ первыхъ же дней своего замужества, является любящей и великодушной женой. Она имѣетъ такое высокое понятіе о своемъ мужѣ и притомъ, вообще, такъ далека отъ всякаго притворства и двоедушія, что не замѣчаетъ того, что замѣчаютъ всѣ—именно явнаго охлажденія мужа къ себѣ. Когда же лорды, возмущенные возвышеніемъ Атекина и полнѣйшей апатіей Іакова, подробно описываютъ ей положеніе дѣлъ и даже указываютъ причину этой апатіи въ любви Іакова къ Идѣ, составляющей предметъ толковъ при дворѣ, она остается при непоколебимой вѣрѣ въ вѣрность и благородство мужа и объясняетъ его ухаживанье за Идой желаніемъ испытать ея любовь. Но проходитъ нѣсколько времени, и судьба посылаетъ ей болѣе жестокое испытаніе, способное поколебать всякую другую натуру: она узнаетъ, что человѣкъ, въ котораго она такъ вѣрила, котораго она такъ беззавѣтно любила, не только промѣнялъ ее на другую, но ищетъ ея гибели. Сэръ Бертрамъ и лордъ Россъ показываютъ ей подписанный королемъ приказъ умертвить ее. Первую минуту она какъ бы хочетъ защититься отъ страшнаго видѣнья, грозящаго разбить ея вѣру въ любимаго человѣка.

Доротея. Зачѣмъ мнѣ это читать? Можетъ быть это не онъ писалъ.

Сэръ Бертрамъ. Нѣтъ, это собственный, скрѣпленный его же печатью, приказъ французу Жаку умертвить Васъ.

Доротея. О легкомысленный король! О если бъ Богъ далъ, чтобъ это была не твоя рука! Неужели же я должна думать, что все это правда?

Сэръ Бертрамъ. Почеркъ короля и печать удостовѣряютъ въ этомъ.

Доротея. Но кто знаетъ? Можетъ быть онъ ужъ теперь измѣнилъ свое намѣреніе.

Тутъ сэру Бертраму ничего не остается болѣе, какъ разсказать королевѣ, какимъ образомъ ему удалось добыть этотъ приказъ вмѣстѣ съ другими важными бумагами у слуги Атекина. Разсказавъ все подробно, сэръ Бертрамъ закликаетъ королеву бѣжать поскорѣе, потому что только чудо спасло ее.

Доротея. Ахъ, что мнѣ несчастной дѣлать! Зачѣмъ судьба обрушила столько бѣдствій на несчастную королеву? Да, теперь дѣло дѣйствительно ясно. О если бы мои глаза были также способны не видѣть, какъ мое сердце прощать! О жестокій король! помни, что моя любовь прощаетъ тебя! Боже мой! Что пользы искать союза съ коронованными особами, которые женятся только для виду. Если бы я была рождена въ низкой долѣ, то этимъ самымъ я была бы обезпечена отъ несчастій, обрушившихся на меня. Быть высоко-поставленной и счастливой—повидимому двѣ вещи несовмѣстимыя. О Россъ, скажите, что мнѣ дѣлать, что мнѣ предпринять?

Россъ. Мой совѣтъ—извѣстить поскорѣй Вашего отца, который съумѣетъ отомстить за Васъ и отстоять Ваши права.

Доротея. Отомстить? Да развѣ война съ *нимъ* не убьетъ прежде всего *меня*? Развѣ ударъ, направленный въ *его* грудь, не пронзитъ также и *моей*? Вѣдь мы составляемъ одну душу, одно сердце, хотя и разорванное на двое. Какъ же съ *нимъ* сражаться, не сразивъ *меня*?

Россъ. Если вы не хотите слѣдовать моему совѣту, то единственное, что остается Вамъ—это бѣжать.

Королева слѣдуетъ совѣту Росса, переодѣвается въ муж-

ское платье и скрывается въ лѣсу. — Раненая Жакомъ, она нѣкоторое время живетъ инкогнито, не измѣняя своего мужскаго костюма, въ замкѣ сэра Андерсона. Здѣсь до нея доходятъ слухи о разрывѣ между Англіей и Шотландіей, о томъ, что Англичане вторгнулись уже въ Шотландію и что шотландскій король, не приготовленный къ войнѣ, совсѣмъ потерялъ голову. Извѣстіе это до того поразило ее, что она едва не выдала своего пола, упавши въ обморокъ. Оправившись немного, она посылаетъ своего вѣрнаго карлика Нано въ Единбургъ извѣстить своихъ друзей лорда Росса и сэра Бертрама, что она жива и попросить ихъ ради любви къ ней не покидать и беречь короля. Нано возвращается съ печальными вѣстями: англійскій король не только вступилъ въ предѣлы Шотландіи, но ознаменовалъ свое вступленіе тѣмъ, что велѣлъ изрубить за одинъ разъ семь тысячъ шотландскихъ юношей; онъ не трогается просьбами и мольбами шотландскаго короля и объявилъ, что до тѣхъ поръ будетъ предавать все огню и мечу, пока дочь его не будетъ восстановлена въ своихъ правахъ. Вслѣдствіе этого Іаковъ велитъ всюду разыскивать королеву, а самъ между тѣмъ съ войскомъ спѣшитъ на встрѣчу англійскому королю. Получивъ такія извѣстія, Доротея увидала, что медлить нечего: она открылась Андерсону и въ сопровожденіи его поспѣшно отправилась къ тому мѣсту, гдѣ англійское войско должно было встрѣтиться съ шотландскимъ, съ цѣлью предупредить кровавое столкновеніе. «Короли», сказала она, ставъ посреди двухъ враждебныхъ лагерей и открывая свое лицо: «вы пришли сражаться изъ за меня, но вотъ я здѣсь на лицо, какъ видите, жива и здорова, вложите же ваши мечи въ ножны, такъ какъ причина вашей вражды болѣе не существуетъ». Тутъ только Іаковъ оцѣнилъ, какое сокровище доброты, великодушія и любви по-

слало ему небо въ лицѣ Доротеи; тутъ онъ понялъ, насколько онъ виноватъ передъ женой. Уничтоженный, подавленный стыдомъ и раскаяніемъ, онъ стоялъ передъ ней, не смѣя поднять на нее глазъ, и ей же еще пришлось ободрять и успокоивать его. Мы считаемъ не лишнимъ привести въ нѣсколько сокращенномъ видѣ эту трогательную сцену, которая вмѣстѣ съ тѣмъ дорисовываетъ собой характеръ Доротеи.

Иаковъ IV. Посмѣю-ли я взглянуть въ эти глаза, которыми я причинилъ столько слезъ и горя? Вы, небеса, будьте свидѣтелями того, какъ я готовъ сокрушаться, плакать и раскаиваться.

Доротея. Не стыдись, Государь, меня, твоей подруги и возлюбленной. Юность способна заблуждаться, но это еще не большая бѣда... Исправить свою ошибку — дѣло достойное короля. Еслибъ я знала, что бѣдствія, вдвое сильнѣйшія пережитыхъ мною, могутъ тѣснѣе связать наши сердца, ты увидѣлъ бы, мой державный супругъ, съ какой охотой я бы ихъ перенесла. Милый отецъ, успокой свои взволнованныя чувства; дай мнѣ ту руку, которою ты часто благословлялъ меня, и прижми къ своему сердцу моего супруга, какъ прижималъ меня. Могучій государь, вѣдь мужъ и я составляемъ одно. Раззоряя его подданныхъ, ты разоряешь меня; прижимая его къ своему сердцу, ты прижимаешь меня. О будь же моимъ отцомъ на самомъ дѣлѣ, полюби его!

Англійскій король. Соедини, дочь, наши руки. Я его обниму ради тебя; я буду считать его моимъ сыномъ и другомъ.

Доротея. Видишь, державный супругъ, какъ по волѣ Божіей твой врагъ сталъ твоимъ другомъ. Воины, послѣдуйте ихъ примѣру. Если наши два народа соединятся вмѣ-

стѣ, то какой монархъ на свѣтѣ можетъ противостать ихъ соединеннымъ силамъ?

Іаковъ IV. Ты—сама мудрость, святость и чистота!

Когда Гринъ рисовалъ этотъ возвышенный идеалъ жены-христіанки, великодушно прощающей все человѣку, связанному съ нею неразрывными узами брака, не носился-ли передъ нимъ образъ его собственной жены, которую онъ, можетъ быть, также мало цѣнилъ, какъ Іаковъ Доротею? Иначе трудно объяснить, зачѣмъ онъ называлъ дочь Генриха VII, Маргариту, именемъ своей оставленной жены.

Приступаемъ теперь къ самой популярной изъ драмъ Грина—*Монаху Бэкону*. Въ средніе вѣка въ Англіи ходило много рассказовъ о знаменитомъ ученомъ XIII в., Роджерѣ Бэконѣ, авторѣ *Opus Majus* и одномъ изъ самыхъ раннихъ противниковъ схоластики. Разумѣется, всемогущій Бэконъ легенды и историческій Бэконъ, почти всю жизнь томившійся въ тюрьмѣ за свои убѣжденія, имѣютъ между собой мало общаго. Бэконъ, какъ представляла его себѣ народная фантазія, это прежде всего великій чародѣй, производившій съ помощью дьявола различныя чудеса, изобрѣтатель магическаго зеркала, въ которомъ можно было видѣть, что дѣлается за десятки миль, сдѣлавшій мѣдную голову, отвѣчавшую на всевозможные вопросы и т. п. Въ концѣ XVI в. сказаніе о чудесныхъ дѣяніяхъ Бэкона и его помощника Бонгея были изданы отдѣльной книгой⁽¹⁵⁰⁾ и сдѣлались любимымъ чтеніемъ народа. Эту-то народную книгу и положилъ Гринъ въ основу своей пьесы, присоединивши отъ себя къ главному сюжету поэтической эпизодъ о любви принца Уэльскаго, впослѣдствіи Эдуарда I, къ дочери Фрейсингфильдскаго лѣсничаго Маргаритѣ. Оба эти дѣйствія довольно искусно, хотя чисто внѣшнимъ обра-

зомъ, связаны вмѣстѣ личностью Бэкона, который показываетъ принцу въ магическомъ зеркалѣ, что дѣлаетъ его возлюбленная и тѣмъ ускоряетъ развязку любовной исторіи. Время происхожденія пьесы до сихъ поръ никому не удалось опредѣлить съ точностью ⁽¹⁵¹⁾; по слогу, въ которомъ нѣтъ уже напыщенной торжественности стиля Марло, но который все еще не свободенъ отъ классической орнаментики, она занимаетъ среднее мѣсто между *Орландо* и *Яковомъ IV*; по внутреннимъ же достоинствамъ и въ особенности по народному колориту, которымъ она проникнута, ее слѣдовало бы отнести къ послѣднему періоду драматической дѣятельности Грина. Изъ записной книжки Генсло видно, что пьеса была играна его труппой 19 февраля 1591, но едвали это было ея первое представленіе. Затѣмъ пьеса была даваема много разъ—знакъ, что она нравилась публикѣ. Древнѣйшее ея изданіе, не раздѣленное на акты, но только на сцены, вышло въ 1594 въ Лондонѣ ⁽¹⁵²⁾.

Содержаніе драмы слѣдующее: Эдуардъ, принцъ Уэльскій, уже помолвленный на дочери испанскаго короля Элеонорѣ, охотясь съ своей свитой въ Фрессингфильдскомъ лѣсу, захалъ отдохнуть въ коттѣджъ лѣсничаго. Прекрасная дочь лѣсничаго Маргарита, не подозрѣвая, что у нихъ гоститъ принцъ, приняла его запросто, угощала его чѣмъ Богъ послалъ и при этомъ была такъ мила и очаровательна, что принцъ уѣхалъ, влюбленный въ нее до безумія. Нѣсколько часовъ послѣ этого онъ былъ самъ не свой и тщетно свита употребляла всѣ усилія, чтобы разсѣять его задумчивость, хотя и догадывалась о причинѣ ея. Наконецъ шутъ принца Ральфъ придумалъ планъ, который, внушивъ принцу надежду, нѣсколько ободрилъ его. Планъ состоялъ въ томъ, что одинъ изъ друзей принца, Лэси, графъ Линкольнъ, долженъ былъ, переодѣвшись въ крестьянское платье, пови-

даться съ Маргаритой, передать ей поклонъ и подарокъ отъ имени гостившаго у ней охотника, и при этомъ наблюдать, покраснѣетъ ли она при воспоминаніи о немъ или нѣтъ; если покраснѣетъ и опуститъ глаза — значитъ нѣжное чувство запало и въ ея сердце, значитъ есть надежда. Самъ же принцъ со свитой поспѣшилъ въ Оскфордъ, чтобы попросить знаменитаго чародѣя Бэкона содѣйствовать своими чарами успѣху его любви. При разставаніи принцъ еще разъ проситъ Лэси похлопотать за него у красавицы, а Лэси желаетъ принцу осуществленія его завѣтныхъ желаній. По отъѣздѣ принца, Лэси немедленно переодѣвается въ крестьянское платье и отправляется на Гарлстонскую ярмарку, въ надеждѣ тамъ встрѣтить Маргариту. Дѣйствительно, онъ встрѣчаетъ тамъ Маргариту и ея подругу Дженъ, окруженныхъ толпой деревенскихъ поклонниковъ. Лэси выдаетъ себя за сына сосѣдняго фермера и присоединяется къ компаніи.

Маргарита. Вы откуда, сэръ, изъ Соффолька? Однако вы говорите много лучше, чѣмъ простые люди.

Лэси. По истинѣ, милая дѣвушка, я изъ Бикльза, въ шести миляхъ отсюда, сынъ тамошняго фермера и жалѣю, что у меня не хватаетъ искусства, чтобы по достоинству воздать честь такимъ красавицамъ какъ вы. Знайте, Маргарита, что я посланъ тѣмъ охотникомъ, одѣтымъ въ зеленую куртку, который пользовался недавно гостепріимствомъ вашего отца. Онъ шлетъ вамъ этотъ дорогой кошелекъ въ воспоминаніе того, какъ онъ пріятно провелъ время, помогая готовить вамъ сыръ.

Маргарита. Мнѣ?

Лэси. Конечно вамъ. Вы все забыли. Впрочемъ, память у женщинъ вообще слаба.

Маргарита. Извините, сэръ, я очень хорошо помню

охотника въ зеленомъ, и было бы съ моей стороны весьма не любезно отказаться отъ его подарка. Но я надѣюсь, что онъ шлетъ этотъ подарокъ не какъ знакъ любви, да впрочемъ объ этомъ предметѣ намъ теперь и не досугъ говорить.

Дженъ. Маргарита, не краснѣй; у каждой дѣвушки должна быть своя зазноба.

Томасъ. Клянусь Богомъ, она поблѣднѣла, словно разсердилась.

Ричардъ (къ Лэси). Такъ Вы изъ Бикльза, сэръ? Скажите пожалуйста какъ поживаетъ добрякъ Кобъ, у котораго мой отецъ купилъ лошадь.

Маргарита (въ сторону). Какъ не похожъ этотъ фермеръ на тѣхъ, которые мнѣ нравились прежде? Его рѣчи, оживленные улыбкой, умны; обращеніе благородно; манеры напоминаютъ придворнаго. Онъ красивъ, какъ Парисъ, когда, въ одеждѣ пастуха, онъ ходилъ на свиданіе къ нимфѣ Энонѣ въ Троянскую долину. Много лордовъ добивались моей любви, но мнѣ кажется, что этотъ сынъ фермера превосходитъ ихъ всѣхъ. Но, Маргарита, какъ бы тебѣ ни хотѣлось имѣть его своимъ возлюбленнымъ, не показывай до поры до времени, что онъ тебѣ дорогъ.

Можно догадываться, что подобныя же чувства наполнили сердце Лэси, потому что, когда онъ въ скоромъ времени снова встрѣтился съ Маргаритой, онъ понялъ, что добровольно принятая имъ на себя роль посредника ему рѣшительно не по силамъ. Въ его душѣ происходитъ настоящая драматическая коллизія: чувство борется у него съ долгомъ дружбы и вѣрностью подданнаго. Исходъ этой коллизіи, впрочемъ, не трудно угадать напередъ. Тщетно Лэси упрекаетъ себя въ измѣнѣ принцу и другу и пробуетъ отступить назадъ. Любовь опутываетъ его умъ сѣтью своихъ

софизмовъ; она коварно нашептываетъ ему, что въ сердечныхъ дѣлахъ нѣтъ ни друзей, ни табели о рангахъ. — Слушая эти искусительныя рѣчи, Лэси начинаетъ мало по малу находить, что онъ не дѣлаетъ ничего безчестнаго, что напротивъ того самая честь повелѣваетъ ему помѣшать за тѣмъ принца, потому что принцъ желаетъ только позабавиться Маргаритой, тогда какъ онъ, Лэси, не можетъ безъ нея жить. Погруженный въ свои мысли, онъ и не замѣтилъ какъ къ нему подошла Маргарита въ сопровожденіи монаха Бэкона, который уже успѣлъ сообщить ей, кто такой на самомъ дѣлѣ мнимый фермеръ.

Маргарита. Ну какъ поживаете, сэръ? Даю пенни за вашу меланхолію. Неужели въ такую рань вы уже успѣли придти изъ Бикльза?

Лэси. Глаза влюбленныхъ вѣчно бодрствуютъ, Маргарита. Я вамъ признаюсь, что со времени нашей послѣдней встрѣчи на ярмаркѣ, страшная грусть овладѣла моимъ сердцемъ.

Маргарита. Тотъ надежный человѣкъ, кто такъ усердно ходатайствуетъ за своихъ друзей, какъ вы. Неужели вы все еще вздыхаете отъ имени охотника въ зеленой курткѣ? Удивляюсь, что онъ самъ не хлопочетъ о себѣ.

Лэси. Дѣйствительно, я прежде старался снискать вашу благосклонность для него; но съ тѣхъ поръ какъ я впервые увидѣлъ ваши глаза, любовь проникла въ мое сердце и начертала на немъ вашъ образъ. Сжальтесь надо мной, хотя я не болѣе какъ сынъ фермера; смотрите не на мое состояніе, но на мою любовь.

Маргарита. У, какой вы скорый! вѣдь въ хорошемъ саду сѣмена должны прежде взойти, а потомъ уже дать ростки. Любовь подкрадывается медленно какъ тѣнь, показывающая время на солнечныхъ часахъ. Что скоро поспѣваетъ, то скоро и пропадаетъ.

Къ разговаривающимъ подходитъ монахъ, который, желая разоблачить псевдонимъ Лэси, сообщаетъ свѣжую новость, что графъ Линкольнъ бѣжалъ изъ Виндзора, перодѣтый въ крестьянское платье и что король, боясь, чтобъ графъ не затѣялъ какого-нибудь возмущенія, далъ приказъ всюду искать его и обѣщалъ большую сумму тому, кто приведетъ его въ Виндзоръ. Лэси, видя, что нельзя болѣе скрываться, открываетъ свое званіе, проситъ руки Маргариты и запечатлѣваетъ ея согласіе поцалуемъ. Принцъ Эдуардъ видитъ всю эту сцену въ магическомъ зеркалѣ Бэкона, и приходитъ въ ярость. Онъ проситъ Бэкона употребить всѣ свои чары, чтобы этотъ бракъ не состоялся, а самъ мчится изъ Оксфорда въ Фрейсингфильдъ наказать вѣроломнаго друга. Онъ застаётъ Лэси вдвоемъ съ Маргаритой, и это, конечно, еще болѣе раздражаетъ его. Съ кинжаломъ въ рукѣ, съ пылающими отъ гнѣва глазами, онъ упрекаетъ Лэси въ низости и вѣроломствѣ. Лэси рассказываетъ Эдуарду все какъ было, какъ онъ сначала явился къ Маргаритѣ въ качествѣ посредника и какъ мало по малу любовь увлекла его до забвенія долга. «При томъ же, добавляетъ Лэси, я разсудилъ, что лучше Маргаритѣ быть женой Лэси, чѣмъ любовницей принца». — Но Эдуардъ до того разъяренъ, что онъ не въ состояніи понять никакихъ резоновъ и все твердитъ свое.

Эдуардъ. Вѣроломный Лэси, развѣ я не любилъ тебя больше, чѣмъ Александръ Гефестіона? Развѣ я не открывалъ тебѣ всѣ муки моей любви и не хранилъ ихъ въ тайникѣ твоего сердца? Развѣ ты не былъ моимъ вторымъ я, моимъ другомъ и единственнымъ повѣреннымъ? И достаточно было одного взгляда этой могущей скоро поблѣкнуть красоты, чтобъ разорвать могучіе узы дружбы и товарищества. Я выѣхалъ изъ Оксфорда сегодня послѣ обѣда и

поспѣшилъ сюда, чтобъ до ночи расквитаться съ измѣнникомъ.

Маргарита. Это была моя вина, принцъ, а не его. Не разъ онъ объяснялся мнѣ въ любви отъ вашего имени и ходатайствовалъ передо мной за зеленого охотника. Но я сама, полюбивъ его, старалась взглядомъ вызвать его чувство. Я впивалась глазами въ его лицо; какъ очарованная, я не могла оторвать мои взоры отъ него. По временамъ вздохъ вырывался изъ моего сердца и умоляющіе глаза блестѣли слезой. Все это должно было сказать Лэси, что я его люблю. На основаніи Вашего собственнаго опыта, Вы можете знать, принцъ, въ состояніи-ли любовь женщины довести мужчину до паденія, можетъ-ли жгучая стрѣла любви заставить его позабыть о своемъ другѣ?

Какой контрастъ съ этими простыми и задушевными словами представляетъ напыщенное объясненіе въ любви самого принца, усѣянное всѣми цвѣтами краснорѣчія, всѣми ингредиентами эвфуизма по рецепту Лилли! Впрочемъ подобная рѣчь, какъ она ни изыскана, все-таки понятнѣе и естественнѣе въ устахъ классически-образованнаго принца, чѣмъ въ устахъ простой сельской дѣвушки, которую Гринъ заставилъ отвѣчать принцу въ томъ же тонѣ и съ такими же классическими прикрасами.

Эдуардъ. Маргарита, я хочу, чтобъ ты полюбила меня. Твое сердце будетъ принадлежать мнѣ или никому. Мы поплывемъ съ тобой на роскошно-убранномъ кораблѣ съ мачтами изъ высочайшихъ ливанскихъ кедровъ, обложенномъ полированной слоновой костью, украшенномъ дорогими персидскими инкрустаціями; подобно *Θеμидѣ*, ты будешь красоваться на волнахъ; дельфины, привлеченные блескомъ твоихъ глазъ, будутъ рѣзвиться и плясать въ окрашенныхъ пурпуромъ волнахъ моря; сирены съ арфами и

гуслями будутъ слѣдовать за кораблемъ и тѣшить своими пѣснями слухъ прекрасной Маргариты. Всѣ сокровища Англіи будутъ въ твоёмъ распоряженіи; Британія преклонится передъ избранницей своего принца и воздастъ честь твоей красотѣ, если ты только согласишься быть моею.

Маргарита. Если бы самъ царственный Зевсъ осыпалъ меня всѣми тѣми дарами, которыми нѣкогда онъ осыпалъ Данаю, еслибы самъ Аполлонъ во всемъ блескѣ своей красоты спустился съ своего небеснаго жилища на землю, чтобы добиваться моей любви, то и тогда никакія сокровища неба не заставили бы меня измѣнить моему Лэси.

Отвергнутый Маргаритой, принцъ еще больше прежняго хочетъ убить Лэси, чтобъ она ему не доставалась, но Маргарита удерживаетъ руку Эдуарда и клянется, что не успѣетъ солнце трижды озарить востокъ, какъ она уже соединится съ своимъ возлюбленнымъ на небѣ. Услышавши эти слова, Лэси воскликнулъ, что онъ ни за какія сокровища міра, даже за корону Англіи, не согласится жить. Онъ проситъ принца поскорѣ покончить съ нимъ. Но Маргарита съ своей стороны не хочетъ уступить своему возлюбленному дорогое право смерти. Она готова купить его жизнь цѣною своей собственной.

Маргарита. Убейте меня, принцъ, но пощадите друга, который стоитъ многихъ возлюбленныхъ.

Лэси. Нѣтъ, Эдуардъ, пощади свою любовь, которая стоитъ многихъ друзей.

Маргарита. Если Вы дѣйствительно такъ жестоки, какъ о Васъ идетъ молва, то не медлите принести насъ обоихъ въ жертву своему гнѣву. Заглушите свою любовь и вооружитесь мщеніемъ; убейте насъ, но только послѣ смерти

велите положить наши тѣла въ одинъ гробъ, такъ какъ любовь навѣки соединила насъ другъ съ другомъ.

Сильная борьба происходитъ въ сердцѣ принца, но она продолжается недолго: доброе начало торжествуетъ, и онъ, пораженный и растроганный такой сильной любовью, отказывается отъ всякихъ притязаній на Маргариту и вручаетъ ее Лэси.

Эдуардъ. Лэси, встань! Маргарита, дай мнѣ твою руку. Принцъ Уэльскій побѣдилъ свою страсть. Возьми за руку, Лэси, эту прекрасную розу Фрейсингфильда и сдѣлай ее графиней Линкольнъ. Я уступаю ее тебѣ отъ чистаго сердца.

Въ виду того, что въ Оксфордъ прибыла невеста Эдуарда и онъ долженъ ѣхать къ ней немедленно, свадьба Лэси и Маргариты отлагается на нѣсколько времени. Самъ принцъ объявляетъ Маргаритѣ, что онъ увезетъ съ собой ея жениха на недѣлю, много двѣ, и затѣмъ они соединятся навѣки. Маргарита отвѣчаетъ, что на то воля Лэси, но что онъ долженъ помнить, что для влюбленныхъ шаги кажутся милями и минуты часами. Принцъ въ сопровожденіи Лэси спѣшитъ въ Оксфордъ, куда уже съѣхались король Генрихъ III и его державные гости: императоръ германскій Фридрихъ II и король испанскій съ своей дочерью. Здѣсь въ присутствіи ихъ всѣхъ происходитъ торжественное состязаніе сначала между монахомъ Бонгеемъ и нѣмецкимъ чародѣемъ Вандермастомъ, а когда послѣдній побѣдилъ Бонгея, то между нимъ и Бэкономъ. Мотивъ состязанія двухъ чародѣевъ, равно какъ и подробности этого состязанія Гринъ заимствовалъ изъ народной книги о Бэконѣ. Побѣдивъ Вандермаста, Бэконъ велитъ дьяволу перенести его обратно въ Германію, а самъ приглашаетъ коронованныхъ особъ въ свою келью, гдѣ устраиваетъ имъ лукулловскій пиръ, конечно, тоже

не безъ помощи дьявола. Пока все это происходитъ въ Оксфордѣ, въ скромный коттѣджъ лѣсничаго въ Фрей-сингфильдѣ пріѣзжаютъ два сквайра, Ламбертъ и Сэрльсби, искать руки Маргариты. Старикъ лѣсничій, не зная ничего о помолвкѣ Маргариты, благодарить за честь ему сдѣланную, но предоставляетъ дочери самой сдѣлать между ними выборъ. Онъ зоветъ дочь, а женихи начинаютъ поочередно выражать ей свои чувства, хотя совершенно различнымъ способомъ. Ламбертъ, какъ человѣкъ имѣющій претензіи на образованіе, говоритъ нѣсколько витіевато, ловко вставляетъ классическіе намеки и повидимому вѣритъ въ силу своего краснорѣчія. Его соперникъ, практическій деревенскій толстосумъ, предполагая подобную же практичность и въ молодой дѣвушкѣ, не столько говоритъ о своихъ чувствахъ, сколько о своемъ состояніи, преимущественно налегая на свои пастбища и своихъ тонкорунныхъ овецъ. Не желая выдать своей тайны и вмѣстѣ съ тѣмъ желая поскорѣе отдѣлаться отъ непрошенныхъ вздыхателей, Маргарита отвѣчаетъ имъ, что она должна серьезно подумать объ ихъ предложеніи и просить ихъ заѣхать черезъ десять дней за рѣшительнымъ отвѣтомъ, надѣясь, что къ тому времени возвратится Лэси. Сквайры соперники уходятъ, но передъ уходомъ начинаютъ говорить другъ другу дерзости и рѣшаются покончить свою ссору поединкомъ. — Тотчасъ по ихъ уходѣ является посланный съ письмомъ отъ Лэси изъ Оксфорда, въ которомъ Лэси въ самыхъ эвфуистическихъ выраженіяхъ объявляетъ своей невѣстѣ, что его любовь прошла, подобно цвѣтамъ миндальнаго дерева, которыя цвѣтутъ ночью и осыпаются утромъ, что онъ женится на одной испанкѣ, принадлежащей къ свитѣ принцессы Элеоноры. Предоставляя и Маргаритѣ право поступать какъ ей заблагоразсудится, Лэси посылаетъ сто фунтовъ въ видѣ

ея будущаго приданого. Маргарита была такъ поражена этимъ письмомъ, разбившимъ всѣ ея надежды на счастье, что даже посланному вчужѣ стало жаль ея.

Посланый. Мнѣ очень жаль васъ, сударыня, но знайте, что графъ женится по волѣ короля.

Маргарита. Ни король Англіи, ни властитель всей Европы не заставили бы меня разлюбить кого я люблю.

Посланый. Что же мнѣ передать моему господину?

Маргарита. Прежде всего, такъ какъ ты присланъ тѣмъ, кого я люблю—ахъ, позволь мнѣ вздохнуть при воспоминаніи о немъ—возьми себѣ эти сто фунтовъ. Для Маргариты теперь не нужно никакого приданого. Все мнѣ кажется ничтожнымъ въ этомъ мірѣ; золото—ничего не стоящей вещью; любовь—ненавистью, наслажденіе—скорбью. Я рѣшилась отправиться въ Фрэмлингэмъ, постричься въ тамошнемъ монастырѣ и посвятить себя Богу. Возьми эти деньги, добрый человѣкъ, не за убійственную вѣсть, которую ты принесъ сегодня, но за то, что ты служишь тому, кого я любила.

Посланый. Все что я видѣлъ и слышалъ я въ точности передамъ графу.

Маргарита. Прибавь еще, что я рада, что онъ такъ скоро забылъ свою любовь и молю Бога, чтобы несчастія, могущія его постигнуть, обрушились на одну меня.

Мы глубоко убѣждены, что рѣдкій изъ современныхъ читателей догадается, что исторія съ письмомъ, растерзавшимъ сердце Маргариты, была со стороны Лэси не болѣе, какъ жестокой шуткой или, какъ тогда называли, испытаніемъ женской любви и вѣрности. Въ настоящее время ни одинъ драматургъ не позволилъ бы себѣ употребить подобный варварскій способъ испытанія изъ опасенія возмутить нравственное чувство зрителей. Но не такъ смотрѣла на это

дѣло публика современная Грину. Испытаніе всевозможными способами женской любви и вѣрности составляло одинъ изъ весьма распространенныхъ мотивовъ тогдашней беллетристики, и введеніе этого мотива въ драму нисколько не могло возмутить нравственное чувство публики, посѣщавшей театръ Генело, тѣмъ болѣе, что эта публика хорошо знала, что все кончится благополучно. Ошибка Грина состоитъ не въ томъ, что онъ употребилъ въ своей пьесѣ обычный пріемъ, а въ томъ, что по ходу драмы въ немъ не представлялось никакой надобности. — Испытаніе чувства Маргариты черезъ три дня послѣ того, какъ она доказала свою любовь къ Лэси, предпочтя его принцу крови и выразивъ послѣднему твердую рѣшимость не пережить своего возлюбленнаго, является по меньшей мѣрѣ излишнимъ и притомъ плохо согласуется съ характеромъ Лэси, въ которомъ до сихъ поръ не замѣчалось никакой особой подозрительности. Какъ бы то ни было, но Маргарита была далека отъ мысли, что ея милый будетъ испытывать ея любовь такимъ жестокимъ образомъ. Похоронивъ всѣ свои надежды, она рѣшается заживо похоронить себя сама въ монастырѣ. Напрасно старикъ отецъ умоляетъ ее измѣнить свое рѣшеніе. Маргарита остается непреклонна. — «Отецъ, говоритъ она, я когда-то любила Лэси, а теперь я ненавижу себя за эту любовь. За то что я вѣрила ему больше чѣмъ Богу, я казню себя жгучимъ раскаяніемъ. Скорбь по такомъ великомъ прегрѣшеніи говоритъ мнѣ, что всякая любовь грѣшна кромѣ любви къ Богу, что суетна даже красота, по скольку она служитъ дѣлу любви. Теперь въ моихъ глазахъ жизнь не представляетъ ничего кромѣ ряда соблазновъ, гордости, лести и непостоянства. Чтобы избѣжать жала смерти, я рѣшаюсь оставить свѣтъ и дала обѣтъ думать только о небесномъ блаженствѣ. — Чистая дѣломъ

и помышленіемъ, я иду въ Фрэмлингэмъ, и желала бы, чтобы и другія дѣвушки послѣдовали моему примѣру и предпочли бы земной суетѣ небесное блаженство. Прощай же міръ, источникъ всякихъ скорбей! Простите, отецъ и друзья! простите мои наряды! прости, моя любовь и ты мой милый Лэси, котораго я такъ беззавѣтно любила. Живи себѣ счастливо, только не въ моемъ сердцѣ, потому что самое воспоминаніе о тебѣ есть грѣхъ. И этому, какъ и всему прочему, нужно сказать прости навѣкъ!»

Едва Маргарита успѣла произнести приведенныя слова, какъ явился Лэси въ сопровожденіи двухъ своихъ пріятелей, Эрмсби и Уоррена и, объяснивъ, что присланное имъ письмо было съ его стороны не болѣе какъ испытаніе, безъ труда убѣдилъ Маргариту отказаться отъ своего рѣшенія и увезъ ее въ Виндзоръ, гдѣ разомъ были отпразднованы двѣ свадьбы—принца съ Элеонорой и Лэси съ Маргаритой. Несмотря на то, что все такимъ образомъ оканчивается благополучно соединеніемъ любовниковъ, вся эта сцена производитъ на современнаго читателя непріятное впечатлѣніе своею нравственной грубостью, которая впрочемъ едва-ли могла быть замѣчена тогдашней публикой. Лэси, какъ ни въ чемъ не бывало, развязно подходитъ къ коттэджу лѣсничаго, весело болтая съ своими спутниками. Мысль о томъ, что должна была выстрадать Маргарита по его винѣ, ни разу не приходитъ ему въ голову. Увидѣвъ свою невѣсту съ поникшей головой и въ одеждѣ монахини, онъ искренно изумляется ея костюму и ея грустному виду, и не думая прежде всего повиниться передъ любимой женщиной въ причиненной ей нравственной пыткѣ, упоминаетъ небрежно, что онъ написалъ извѣстное письмо, чтобъ испытать ея любовь и просить ее поторопиться, такъ какъ ея вѣнчальное платье уже заказано. Видя, что Маргарита,

повидимому еще не успѣвшая придти въ себя отъ такого неожиданнаго поворота судьбы, колеблется, Эрмсби грубо ставитъ передъ ней слѣдующую дилемму:

Эрмсби. Ну, прекрасная дѣвушка, теперь вамъ представляется на выборъ—либо монастырь, либо дворъ, либо Богъ, либо лордъ Лэси. Отвѣчайте же, что вы предпочитаете, быть монахиней или женой лорда Лэси?

Маргарита. Плоть немощна. Лордъ Лэси знаетъ, что я ни въ чемъ не могу отказать ему.

По поводу этого отвѣта, Уорренъ не безъ ироніи замѣчаетъ Эрмсби: Такова природа женщинъ. Какъ бы онѣ ни были близки къ Богу, все-таки каждая изъ нихъ предпочитаетъ умереть въ объятіяхъ своего возлюбленнаго.

Лэси съ Маргаритой уѣзжаютъ въ Виндзоръ, и дѣйствіе еще разъ переносится изъ Фрессингфильда въ Оксфордъ, въ келью монаха Бэкона. Онъ сдѣлалъ изъ мѣди голову, которая должна была говорить «странные и удивительные афоризмы» и окружить всю Англію высокой мѣдной стѣной. Чтобы всѣ эти чудеса совершились, нужно было не пропустить времени, когда голова заговоритъ впервые. Шестидесять дней и ночей возлѣ нея дежурилъ Бэконъ, не смыкая глазъ, все поджидая наступленія торжественной минуты, которая должна была увѣковѣчить имя его въ потомствѣ. Наконецъ ему стало болѣе не въ моготу, и онъ проситъ своего дураковатаго фамулуса Майльза замѣнить его на время. Бэконъ закликаетъ Майльза не спать и тотчасъ же разбудить его, какъ только голова заговоритъ. Майльзъ по своей глупости прозѣвалъ, разбудилъ Бэкона слишкомъ поздно, и такимъ образомъ семилѣтніе труды Бэкона прошли даромъ. Къ этому несчастью присоединилось еще одно обстоятельство, которое сначала заставило Бэкона горько задуматься надъ своей прошлой дѣятель-

ностью, а потомъ и совсѣмъ отказаться отъ нея. Къ нему пришли двое студентовъ и просили позволенія взглянуть въ магическое зеркало, чтобы узнать, что дѣлають дома ихъ отцы. Студенты эти были сыновья тѣхъ сквайровъ, которые приходили къ Маргаритѣ искать ея руки и тутъ же поссорились между собой. Когда молодые люди увидѣли въ зеркалѣ, что ихъ отцы бьются между собой не на животъ, а на смерть, они вошли въ такую ярость, что вонзили другъ въ друга свои кинжалы и пали бездыханные къ ногамъ Бэкона. Сцена эта такъ потрясла Бэкона, что онъ тотчасъ же разбилъ въ дребезги свое магическое зеркало, порѣшилъ бросить навсегда магію и искреннимъ раскаяніемъ вымолить себѣ у Бога прощеніе. Онъ высказалъ свое рѣшеніе въ присутствіи короля Генриха и его державныхъ гостей, бросилъ свѣтъ и сдѣлался отшельникомъ. Пьеса оканчивается ловкимъ комплементомъ автора Елисаветѣ, который Гринъ вложилъ въ уста расстающагося съ міромъ чародѣя.

Бэконъ. Съ помощью того искусства, которымъ я прежде занимался въ моей кельѣ, я предсказываю, что на томъ мѣстѣ, гдѣ Брутъ выстроилъ свою новую Трою, вырастетъ въ королевскомъ саду цвѣтокъ, который затмитъ своей красотой всѣ прочіе цвѣты и покроетъ весь Альбіонъ сѣнью своихъ листьевъ. До сихъ поръ Марсъ владѣлъ нашими полями, но съ той поры прекратятся ужасы войны; мирно будетъ рѣзвиться лошадь на лугу, не боясь вражескаго копья; сладостные звуки музыки замѣнятъ рокотъ барабановъ; богатство зацвѣтетъ на тѣхъ берегахъ, видомъ которыхъ нѣкогда любовался Брутъ. Небеснымъ миромъ будетъ вѣять отъ листвы, пышно одѣвающей собой этотъ несравненный цвѣтокъ. Аполлоновъ геліотропъ, гіацинтъ, посвященный

Венеръ, гвоздика Юноны и вѣчно-зеленый лавръ Паллады — все померкнетъ и преклонится передъ розой Діаны.

Сходство сюжетовъ и почти одновременное появленіе на сценѣ *Фауста* Марло и *Бэкона* Грина невольно наводитъ на мысль сравнить между собою эти двѣ пьесы. Результаты этого сравненія — насколько оно касается личности героя пьесы — окажутся далеко не въ пользу Грина. Въ то время какъ Гринъ ограничилъ свою задачу драматизированіемъ наивнаго разсказа народной книги о Бэконѣ, его болѣе талантливый и глубокомысленный соперникъ съумѣлъ осмыслить сказаніе о Фаустѣ философской идеей и психологическими мотивами. Марло понялъ, что центръ тяжести легенды заключается въ союзѣ Фауста съ дьяволомъ и представилъ этотъ союзъ, какъ результатъ неудовлетворенія средневѣковой наукой и страстной жажды жизни и ея наслажденій; въ состязаніи двухъ ангеловъ, добраго и злаго, изъ которыхъ каждый хочетъ увлечь Фауста на свою сторону, онъ символически выразилъ сильную борьбу, происходившую въ душѣ Фауста передъ подписаніемъ роковаго договора; наконецъ послѣдній актъ земной жизни Фауста, его раскаяніе, прекрасно объяснено у Марло внезапнымъ пробужденіемъ религіознаго чувства и страхомъ вѣчнаго осужденія. Благодаря такому, истинно-художественному, отношенію къ своему матеріалу, исторія Фауста получаетъ глубокій смыслъ и личность загадочнаго чародѣя является весьма типичной для своего времени. — Ничего подобнаго мы не найдемъ въ пьесѣ Грина. Когда и какой цѣной пріобрѣлъ Бэконъ свою власть надъ темными силами ада, стоило-ли ему заключеніе союза съ дьяволомъ душевной борьбы, былъ-ли наконецъ заключенъ самый договоръ, — объ этомъ мы ничего не узнаемъ изъ пьесы Грина. Мы знаемъ только, что у Бэкона была магическая книга, съ помощью

которой онъ творилъ свои всесильныя заклинанія, что у него было волшебное зеркало, отражавшее въ себѣ предметы на сорокъ миль въ окружности, что онъ сдѣлалъ съ помощью своихъ чаръ мѣдную голову, которая должна была говорить «удивительные афоризмы» и окружить Англію высокой мѣдной стѣной. Когда же всѣ эти великолѣпные планы Бэкона рушились вслѣдствіе глупости Майльза, когда, благодаря его магическому зеркалу, двое студентовъ убили другъ друга на его глазахъ, тогда Бэконъ понялъ, что магія пагубное и безбожное занятіе, тогда онъ разбилъ свое зеркало, бросилъ магію и въ видѣ искупленія своей прежней нечестивой дѣятельности сдѣлался отшельникомъ. Очевидно, что глубокій смыслъ союза человѣка съ дьяволомъ совершенно ускользнулъ отъ Грина, что психологическія проблемы, которыми задавался Марло, были ему совершенно чужды. Но ничтожная въ психологическомъ и философскомъ отношеніяхъ пьеса Грина далеко оставляетъ за собой пьесу Марло въ отношеніи драматическомъ. Весь интересъ драмы Марло сосредоточивается на изображеніи прекрасными стихами различныхъ душевныхъ состояній, переживаемыхъ Фаустомъ; достоинства ея болѣе лирическія, чѣмъ драматическія. Единственная женщина, появляющаяся на мгновеніе въ Фаустѣ Марло, знаменитая Елена Троянская—не живая личность, а воплощеніе древнегреческой красоты и граціи; она появляется только для того, чтобы дать возможность Фаусту произнести свой знаменитый монологъ и затѣмъ исчезаетъ, какъ видѣніе. Вслѣдствіе лирическаго характера пьесы дѣйствіе ея тянется монотонно. Напротивъ того пьеса Грина, по крайней мѣрѣ въ той своей части, гдѣ появляется Маргарита, исполнена жизни и движенія. Конечно, связь между обѣими частями пьесы чисто внѣшняя; но осуждая Грина за этотъ не драматическій

пріемъ, мы не должны забывать, что только гению Гете удалось слить двѣ драмы въ одно художественное цѣлое, заставивъ Фауста играть роковую роль въ жизненной трагедіи Гретхенъ. Не мало сценическаго оживленія придаетъ пьесѣ Грина личность наивнаго, дураковатого, но въ высшей степени забавнаго Бэконова фамулуса — Майльза. — Безъ него всѣ сцены, гдѣ дѣйствуетъ самъ Бэконъ, были бы крайне скучны; только онъ оживляетъ ихъ своей непосредственной, бьющей черезъ край, веселостью. Вообще говоря Майльзъ — одинъ изъ самихъ удачныхъ комическихъ типовъ, созданныхъ Гриномъ, говоримъ созданный, потому что Майльзъ народной книги — личность довольно безцветная. Майльзъ Грина — это веселый гуляка, который ни къ чему не въ состояніи отнестись серьезно, у котораго всегда готова шутка или искаженная латинская цитата, способная разсмѣшить даже суровыхъ докторовъ Оксфорда. — Ни въ какихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ онъ не теряетъ ни присутствія духа, ни своего наивнаго юмора, и съ веселымъ смѣхомъ встрѣчаетъ самого дьявола, который, по приказанію Бэкона, долженъ унести его въ преисподнюю. Мы позволяемъ себѣ привести, съ нѣкоторыми пропусками, эту забавную сцену, которой и заключимъ наши и безъ того многочисленные выписки изъ пьесы Грина.

Дьяволъ. Знаешь-ли ты меня?

Майльзъ. Знаю-ли я васъ, сэръ? Да развѣ вы не одинъ изъ тѣхъ дьяволовъ, которые бывало являлись въ келью моего наставника Бэкона?

Дьяволъ. Да, я одинъ изъ тѣхъ.

Майльзъ. Если такъ, мистеръ Плутусъ, то клянусь Богомъ я видѣлъ васъ у моего наставника тысячу разъ, хотя ни разу не могъ убѣдить васъ выпить со мной. Я очень

радъ, что вы одѣты какъ разъ по статуту (153). Позвольте узнать, сэръ, вы недавно изъ пекла?

Дьяволъ. Да, недавно, но чтожь изъ этого?

Майльзъ. Клянусь честью, это одно изъ тѣхъ мѣстъ, которое я давно желалъ бы посѣтить. — Скажите, сэръ, есть-ли у васъ въ пеклѣ хорошіе питейные дома, гдѣ можно погрѣться у камина, найти добрую кружку эля, колоду картъ и кусокъ мѣла?

Дьяволъ. Все это можно имѣть у насъ.

Майльзъ. Ну, въ такомъ случаѣ мы годимся другъ для друга. Но отвѣьте мнѣ пожалуйста на одинъ вопросъ: могу-ли я найти себѣ тамъ какую-нибудь должность?

Дьяволъ. Хоть тысячу. А какую ты бы себѣ хотѣлъ?

Майльзъ. Разумѣется такую, изъ которой я могъ бы извлечь выгоду. А, вотъ что! Такъ какъ пекло мѣсто очень жаркое и люди тамъ должны чертовски много пить, то я думаю открыть пивную.

Дьяволъ. Это можно устроить.

Майльзъ. Теперь все улажено, и я могъ бы хотъ сейчасъ отправиться съ вами, если бы меня не смущало одно обстоятельство: дорога предстоитъ дальняя, а у меня нѣтъ лошади.

Дьяволъ. Ты можешь сѣсть ко мнѣ на спину.

Майльзъ. Честное слово, это прелюбезный дьяволъ, который готовъ самъ превратиться въ лошадь, лишь бы потѣшить пріятеля. Позвольте же мнѣ, любезный другъ, предложить вамъ еще одинъ вопросъ?

Дьяволъ. Какой?

Майльзъ. Вы какъ побѣжите, рысью или иноходью?

Дьяволъ. Иноходью.

Майльзъ. Прекрасно. Смотрите же, чтобъ не рысью;

впрочемъ если вы собьетесь съ шага, я съумѣю заставить васъ бѣжать какъ слѣдуетъ. (Надѣваетъ шпоры).

Дьяволъ. Ты что дѣлаешь?

Майльзъ. Надѣваю шпоры. Предупреждаю васъ, что если вы собьетесь на рысь или будете везти меня тряско, то я съумѣю пустить васъ въ галопъ.

Дьяволъ. Ну взлѣзай же на мою спину.

Майльзъ. О Боже всемогущій, развѣ это не чудо, что человѣкъ ѣдетъ въ адъ на самомъ дьяволѣ?

Приступаемъ теперь къ послѣдней изъ дошедшихъ до насъ пьесъ Грина—*Вэкфильдскому Полевому Сторожу*. Весьма вѣроятно, что эта драма была послѣдней пьесой, написанной Гриномъ, потому что извѣстіе объ ея представленіи на сценѣ театра Генсло относится только къ концу 1593 г., когда уже Грина не было въ живыхъ. По простотѣ и естественности дикціи, совершенно свободной отъ классической и эвфуистической орнаментики, она непосредственно примыкаетъ къ *Іакову IV*. Древнѣйшее изъ дошедшихъ до насъ изданій этой пьесы вышло въ 1599 въ Лондонѣ, безъ означенія имени автора (¹⁵⁴), и это дало поводъ сомнѣваться въ принадлежности ея Грину (¹⁵⁵). Въ настоящее же время вопросъ объ ея подлинности, благодаря вновь открытому свидѣтельству современника, (¹⁵⁶) рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, и большинство ученыхъ, съ Дэйсомъ во главѣ, считаютъ ее безспорнымъ произведеніемъ Грина. Источникомъ пьесы служили народныя преданія и пѣсни о Джоржѣ Гринѣ, вэкфильдскомъ полевомъ сторожѣ, который наряду съ Робинъ Гудомъ былъ однимъ изъ любимѣйшихъ героевъ старой веселой Англіи. Что Гринъ пользовался также народной книгой о вэкфильдскомъ полевомъ сторожѣ, какъ думаетъ Дэйсъ, мы считаемъ сомнительнымъ въ виду

того, что книга эта относится къ гораздо позднѣйшему времени (137).

Содержаніе пьесы Грина—возстаніе Генри Момфорда, графа Кендала и нѣкоторыхъ другихъ вельможъ въ союзѣ съ шотландскимъ королемъ Іаковомъ противъ Эдуарда III. Хотя графъ Кендалъ и его сообщники провозглашаютъ всюду, что они возстаютъ за поправленіе королевыхъ правъ народа, что они поднимаютъ оружіе за угнетенныхъ, но въ сущности они преслѣдуютъ своекорыстныя цѣли. «Что ты такъ приунылъ,» говоритъ Кендалъ одному изъ своихъ сообщниковъ, лорду Бонфильду: «если мое дѣло выгоритъ и я буду королемъ, то я тебя сдѣлаю герцогомъ Ланкастерскимъ, а Джильберта Армстронга лордомъ Донкастерскимъ». Заговорщики собрали большое войско, но терпятъ недостатокъ въ съѣстныхъ принасахъ. Чтобы добыть ихъ, графъ Кендалъ отправляетъ сэра Джона Маннеринга въ сосѣдній городъ Вэкфильдъ. Маннерингъ проситъ, требуетъ, угрожаетъ—все напрасно; граждане Вэкфильда остаются вѣрны королю и не хотятъ имѣть никакого дѣла съ бунтовщиками. Въ переговорахъ гражданъ съ посланнымъ гр. Кендала, происходящихъ по обычаю близъ городской стѣны, впервые выступаетъ на сцену величавая личность безстрашнаго вэкфильдскаго полевого сторожа, Джоржа Грина.

Маннерингъ. Послушайте, мировой судья и всѣ сидящіе на этой скамьѣ; вы горько раскаетесь въ томъ, что противились требованіямъ моего повелителя.

Мировой судья.—Дѣлай что хочешь—мы тебя не боимся.

Маннерингъ. Видите эти печати? Прежде чѣмъ вы возвратитесь въ городъ, я, на зло вамъ, возьму все, что намъ нужно для арміи.

Джоржъ Гринъ. Эй, ты, гордый шутъ! Прежде всего сними шапку передъ скамьею, на которой сидятъ предста-

вители короля, если не хочешь, чтобъ я снялъ съ плечъ твою голову.

Маннерингъ. Да ты что за птица?

Джоржъ Гринъ. Я Джоржъ Гринъ, вѣрный подданный моего короля, и не позволю тебѣ оскорблять этихъ почтенныхъ людей. Вы, сидящіе на этой скамьѣ и вы друзья сосѣди—мы всѣ вѣрноподданные короля Эдуарда. Мы природные Англичане и вслѣдствіе этого стоимъ за нашего короля. Душа наша принадлежитъ Богу, но наши сердца, наше имущество, наши тѣла, словомъ все остальное принадлежитъ королю. Для васъ же, измѣнниковъ, у насъ ничего нѣтъ, кромѣ нашихъ мечей, и мы скорѣй умремъ, чѣмъ дадимъ вамъ какихъ бы то ни было припасовъ.

Мировой судья. Славно сказано, Джоржъ Гринъ.

Одинъ изъ гражданъ.—Пусть Джоржъ говоритъ отъ нашего имени.

Джоржъ Гринъ. Если бы бычачье копыто могло спасти вашу армію отъ голодной смерти, то и тогда мы бы вамъ не дали его.

Маннерингъ. Меня удивляетъ твоя наглость. Кто ты таковъ, что дерзаешь противостоять столь могучей силѣ, какъ наша? Пойми, другъ, что я пришелъ не отъ себя; посмотри, какими полномочіями я снабженъ.

Джоржъ Гринъ. А позвольте взглянуть на ваши полномочіи. Чьи это печати на нихъ?

Маннерингъ. Это гербовая печать графа Кендаля; это—лорда Бонфильда, а это—сэра Джильберта Армстронга.

Джоржъ Гринъ. Ну слушайте же, сэръ, что я вамъ на это скажу: если бы сынъ добраго короля Эдуарда приложилъ свою печать къ какойнибудь прокламаціи, направленной противъ своего отца, то я поступилъ бы съ ней точно также (разрываетъ бумагу).

Маннерингъ. Какъ? Разорвать полномочіе, данное мнѣ графомъ Кендалемъ? погоди же—за это заплатишься ты и весь Вэкфильдъ!

Джоржъ Гринъ. Вы, кажется, раздражены, сэръ. Я вамъ сейчасъ дамъ успокоительныя пилюли. Видите вы эти печати? Теперь клянусь душой моего покойнаго отца, который при жизни былъ честнымъ йомэномъ, что или вы сейчасъ съѣдите эти печати, или проглотите острее моего кинжала. Готово, сэръ!

Маннерингъ. Я надѣюсь, ты шутишь.

Джоржъ Гринъ (обнажая кинжалъ). Это вы сейчасъ увидите.

Маннерингъ. Ну если нѣтъ спасенія, то нечего дѣлать (проглатываетъ печать). Ты видишь, Джоржъ, я проглотилъ; прошу тебя—довольно одной.

Джоржъ Гринъ. Если одна прошла благополучно, то и другія не повредятъ (Маннерингъ проглатываетъ остальные двѣ печати). Теперь, сэръ, вы можете идти къ графу Кендалю и передать ему, что хотя я и разорвалъ данныя имъ полномочія, но изъ уваженія къ нему посылаю черезъ васъ всѣ бывшія на нихъ печати.

Пристыженный Маннерингъ возвращается въ лагерь Кендаля и рассказываетъ все какъ было. Кендаль посылаетъ его съ войскомъ наказать жителей Вэкфильда, а самъ, заинтересовавшись личностью Джоржа Грина, уговариваетъ своихъ пріятелей Бонфильда и Армстронга переодѣться и, взявъ съ собой небольшой конвой, отправляется въ сопровожденіи ихъ ближайшимъ путемъ въ Вэкфильдъ, чтобъ взглянуть поближе на знаменитаго вэкфильдскаго сторожа и испытать, такъ или онъ неустрашимъ на самомъ дѣлѣ какъ о немъ идетъ молва. Подѣхавъ къ Вэкфильду, лорды велятъ конвою отойти въ сторону; сами же слѣзаютъ съ коней,

пускаютъ ихъ нарочно въ рожь и поджидаютъ, что будетъ. Узнавши, что лошади какихъ-то чужестранцевъ пасутся на вэкфильдскихъ поляхъ, Джоржъ посылаетъ своего помощника Джинкина загнать ихъ въ загороду. Когда же Джинкинъ не рѣшается этого сдѣлать изъ опасенія, чтобъ три незнакомца его не прибили, то самъ Джоржъ, не смотря на ихъ угрозы, отправляется за лошадьми. — Происходитъ свалка; Джоржъ однимъ ударомъ повергаетъ графа Кендаля на землю, но въ это время, по данному сигналу, конвой окружаетъ его со всѣхъ сторонъ, и онъ узнаетъ, что находится въ рукахъ заговорщиковъ. Видя, что дѣло плохо, Джоржъ пускается на хитрость, притворяется будто хочетъ пристать къ заговорщикамъ, послѣ того какъ Кендаль разъяснилъ ему истинную причину возстанія, а между тѣмъ обдумываетъ средство, какъ бы захватить заговорщиковъ живьемъ. Онъ увѣряетъ суевѣрнаго Кендаля, что невдалекѣ отъ Вэкфильда, въ лѣсу, живетъ слѣпой отшельникъ, который славится своимъ искусствомъ предсказывать будущее. «Завтра утромъ—говоритъ онъ—вы отправляйтесь къ отшельнику втроемъ; мой малый покажетъ вамъ дорогу, и если только онъ предскажетъ успѣхъ вашему предпріятію, то я первый иду съ вами на Лондонъ». Кендаль соглашается на этотъ планъ столько же изъ суевѣрія, сколько изъ желанія во что бы то ни стало привлечь на свою сторону удалаго Джоржа Грина. На другой день рано утромъ лорды, въ сопровожденіи Джинкина, идутъ къ отшельнику, который оказывается переодѣтымъ Джоржемъ Гриномъ. Мы считаемъ не лишнимъ привести эту прекрасную и эффектную сцену тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, ни одна строка изъ Роберта Грина не была переведена на русскій языкъ.

Кендалъ. Отецъ, передъ тобой стоятъ три бѣдныхъ человека, которые пришли спросить тебя о своей судьбѣ.

Джоржъ Гринъ. Говори, мой сынъ.

Кендалъ. Вы вѣроятно слышали, мой отецъ, что графъ Кендалъ поднялъ знамя возстанія противъ короля. Я и мои товарищи—джентльмэны; всѣ мы младшіе братья, и потому очень нуждаемся въ средствахъ; если бы мы знали, что графъ Кендалъ успѣетъ въ своемъ предпріятіи, мы пристали-бы къ нему; если же нѣтъ, то мы не сдѣлаемъ ни шагу дальше. И такъ, скажите же намъ, отецъ, кто одержитъ верхъ—графъ или король?

Джоржъ Гринъ. Король, мой сынъ.

Кендалъ. Ты вполне увѣренъ въ этомъ?

Джоржъ Гринъ. Также увѣренъ, какъ въ томъ, что ты Генри Момфордъ, графъ Кендалъ, что одинъ изъ твоихъ спутниковъ лордъ Бонфильдъ, а другой сэръ Джильбертъ Армстронгъ.

Кендалъ. Удивительна прозорливость этого слѣпаго—не видя насъ, онъ назвалъ насъ всѣхъ по именамъ.

Армстронгъ. Магія—великая наука и можетъ предсказывать удивительныя вещи. Дѣйствительно, къ тебѣ пришелъ графъ Кендалъ, и потому, добрый отецъ, не морочь его; скажи ему всю правду.

Джоржъ Гринъ. Милости просимъ, графъ, и вы, лорды, въ мою убогую келью; но прежде всего позвольте дать вашъ добрый совѣтъ: бросьте это возстаніе противъ короля и живите покойно.

Кендалъ. Отецъ, мы пришли просить у васъ не совѣтовъ въ военныхъ дѣлахъ, а только узнать, выиграемъ-ли мы или проиграемъ.

Джоржъ Гринъ. Пройграете, благородные лорды, но не

по милости короля; человекъ болѣе низкаго происхожденія разрушить всѣ ваши замыслы.

Кендалъ. Кто же этотъ человекъ?

Джоржъ Гринъ. Бѣдный Джоржъ Гринъ, вѣкфильдскій полевой сторожъ.

Кендалъ. Что же онъ намъ сдѣлаетъ?

Джоржъ Гринъ. Оборветъ ваши перья и посрамить васъ.

Кендалъ. О го, го! Какимъ же образомъ?

Джоржъ Гринъ. Конечъ вѣнчается дѣло, и таковъ будетъ конецъ.

Кендалъ. Клянусь Христомъ и моею честью, этому не бывать! Я приду съ моимъ войскомъ, сожгу Вѣкфильдъ, велю схватить негоднаго Джона Грина и казнить его передъ глазами короля.

Джоржъ Гринъ. Не гнѣвайтесь, мой добрый лордъ. Я сказалъ вамъ только что, что мнѣ открыла моя наука; и для того, чтобы еще болѣе убѣдить васъ въ истинѣ сказаннаго мной, я васъ попрошу приказать слугѣ принести мнѣ мою клюку.

Ощутивъ въ своей могучей рукѣ клюку, Джоржъ Гринъ сбрасываетъ съ себя капишонъ и лохмотья и предстаетъ передъ изумленными заговорщиками въ своемъ настоящемъ видѣ. Въ происшедшей свалкѣ онъ убиваетъ одного изъ нихъ, сэра Джильберта Армстронга, а остальныхъ двухъ беретъ въ плѣнъ и передаетъ мировому судѣ для доставленія ихъ королю. Услышавъ о плѣнѣ своихъ вождей, войска заговорщиковъ разбѣжались. Почти одновременно съ этимъ столѣтній герой Мосгровъ разбиваетъ и беретъ въ плѣнъ шотландскаго короля Іакова, и такимъ образомъ возстаніе, грозившее опасностью трону Эдуарда, оказывается сразу подавленнымъ на всѣхъ пунктахъ. Узнавъ, что опас-

нѣйшій изъ враговъ, графъ Кендаль, взять въ плѣнъ вѣкфильдскимъ полевомъ сторожемъ, о которомъ ему и раньше рассказывали чудеса, король лично отправляется въ Вѣкфильдъ, чтобъ познакомиться съ Джоржемъ Гриномъ. Поблагодаривъ его за славный подвигъ, король разрѣшаетъ ему просить что угодно, заранѣе обѣщая исполнить всякую его просьбу.—У Джоржа Грина есть давнишняя зазноба на сердцѣ; онъ любитъ прекрасную Беатрису, дочь стараго сквайра Грайма и въ свою очередь любимъ ею, но отецъ не хочетъ выдавать своей дочери за бѣднаго полевого сторожа—и въ этомъ все горе Джоржа. Король благосклонно выслушиваетъ просьбу Джоржа и охотно беретъ ходатайствовать за него у отца, и конечно легко устраиваетъ все дѣло. Но ему хочется кромѣ того еще чѣмъ нибудь отблагодарить Джоржа за великую услугу, оказанную государству.

Король Эдуардъ. Теперь, Джоржъ, остается тебя награждать по достоинству. Я отдаю тебѣ въ полную собственность половину всѣхъ владѣній графа Кендаля и присоединяю къ нимъ лично принадлежащія мнѣ земли въ окрестностяхъ Бадфорда. Все это я даю тебѣ навсегда.—Кромѣ того, стань на колѣни, Джоржъ!

Джоржъ Гринъ. Что Вы хотите дѣлать, Ваше величество?

Король Эдуардъ. Хочу посвятить тебя въ рыцари.

Джоржъ Гринъ. Я прошу у Вашего Величества одной милости.

Король Эдуардъ. Какой?

Джоржъ Гринъ. Дозволить мнѣ жить и умереть йомэномъ. Мой отецъ былъ йомэнь, и йомэномъ долженъ остаться его сынъ. Притомъ же больше чести для человека

незнатнаго происхожденія совершить великій подвигъ, чѣмъ для человѣка знатнаго рода.

Король Эдуардъ. Пусть будетъ по твоему, Джоржъ.

Удивленный такимъ величіемъ духа и не зная чѣмъ вознаградить безкорыстнаго сына народа, король предоставляет Джоржу опредѣлить выкупъ, который слѣдуетъ взять съ шотландскаго короля. Тщетно Джоржъ отказывается, говоря, что это не его ума дѣло, что онъ не достоинъ такой чести; король продолжаетъ настаивать. Тогда Джоржъ Гринъ вмѣсто выкупа присуждаетъ Іакову возстановить разрушенныя имъ на границѣ города и сколько нибудь обезпечить дѣтей воиновъ, погибшихъ по его винѣ въ послѣднюю войну.

Таково содержаніе пьесы Грина. Къ главному ея дѣйствію Гринъ присоединилъ, по своему обыкновенію, нѣсколько вводныхъ сценъ (любовь шотландскаго короля Іакова къ прекрасной Джэнъ Барлей, бѣгство возлюбленной Джоржа Беатрисы изъ родительскаго дома), нѣсколько характеристическихъ народно-бытовыхъ эпизодовъ (въ одномъ изъ нихъ дѣйствуетъ любимецъ англійскаго народа, Робинъ Гудъ; въ другомъ Гринъ знакомитъ насъ съ оригинальными обычаями корпораціи Брадфордскихъ сапожниковъ), которые, если и плохо вяжутся съ усмиреніемъ возстанія Кендала, то въ значительной степени разъясняютъ личность главнаго героя пьесы и живо переносятъ насъ въ средневѣковую Англію. Характеръ браваго вѣкфильдскаго сторожа есть безспорно лучшій изъ мужскихъ характеровъ, созданныхъ Гринъ. Онъ составляетъ истинный центръ пьесы, дающій ей внутреннее единство. Отъ начала до конца пьесы на немъ почти исключительно сосредоточивается какъ вниманіе зрителей, такъ и дѣйствующихъ лицъ пьесы. Молва объ его силѣ и неустрашимости гремитъ по всей Англіи, и не только графъ Кендалъ и король Эдуардъ, но самъ

знаменитый Робинъ Гудъ отправляется нарочно въ Вэкфильдъ, чтобы лично познакомиться съ Джоржемъ Гриномъ. Вопреки своему обычаю рисовать только профили дѣйствующихъ лицъ, изображать ихъ только съ одной стороны, Гринъ представилъ намъ на этотъ разъ цѣльную и живую личность; авторъ какъ бы нарочно ставитъ своего героя въ разные положенія, чтобы освѣтить съ разныхъ сторонъ его характеръ. Прежде всего мы знакомимся съ Джоржемъ Гриномъ въ той сценѣ, гдѣ онъ является такимъ вѣрнымъ истолкователемъ настроенія своего роднаго города, прогоняя съ позоромъ сэра Маннеринга. Далѣе мы видимъ вэкфильдскаго полеваго сторожа при исполненіи имъ своихъ обязательствъ. Онъ честно исполняетъ свой долгъ, стойко стоитъ за интересы своихъ согражданъ и прямо объявляетъ Кендалю и его товарищамъ, пустившимъ своихъ коней на поля, принадлежащія городу, что если бы кони самого короля Эдуарда попались ему во ржи, то онъ загналъ бы ихъ въ свою загороду какъ и всякихъ другихъ. Извѣстно, что эти пререканія кончились дракой, въ которой Джоржъ Гринъ однимъ ударомъ своей могучей руки повергъ Кендаля на землю. Въ отвѣтъ на восклицанія лорда Бонфильда: «Мерзавецъ, ты осмѣлился поднять руку на графа!» Джоржъ Гринъ съ нескрываемымъ чувствомъ собственного достоинства замѣчаетъ: «правдивый бѣднякъ лучше измѣнника графа.» Разрушивъ планы бунтовщиковъ взятіемъ въ плѣнъ ихъ предводителей, Джоржъ Гринъ передаетъ Кендаля и Бонфильда мировому судѣ, а самъ спокойно остается дома, не думая ни о какой наградѣ за свой подвигъ и едва-ли сознавая его великое государственное значеніе. Онъ проситъ только короля (черезъ одного изъ придворныхъ) пощадить жизнь гр. Кендаля, и эта просьба уважена королемъ, сказавшимъ при этомъ, что ни для кого во всей Англіи онъ бы этого

не сдѣлалъ. Наконецъ поразительнаго величія достигаетъ личность Джоржа Грина въ послѣдней сценѣ пьесы, когда онъ отказывается отъ рыцарскаго званія и богатства и проситъ короля, какъ милости, дозволить ему остаться простымъ йомэномъ. Принявъ въ соображеніе демократическія симпатіи Грина, выразившіяся въ его памфлетѣ противъ Гарвея, мы можемъ съ нѣкоторымъ правомъ утверждать, что въ лицѣ вѣкфильдскаго полевого сторожа Гринъ хотѣлъ представить своимъ соотечественникамъ идеальный образъ англійскаго йомэна, гордаго своей честной бѣдностью, своимъ скромнымъ положеніемъ и сознаніемъ исполненнаго долга.—Какъ ничтожны и мелки всѣ эти графы Кендали и лорды Бонфильды, возстающіе якобы за угнетенный народъ, но на самомъ дѣлѣ преслѣдующіе своекорыстныя цѣли, въ сравненіи съ этимъ истиннымъ сыномъ народа, воплощеніемъ старинной англійской доблести, величавымъ и простымъ какъ герои Гомера! Изъ другихъ характеровъ пьесы нужно отмѣтить какъ весьма удачныя — личность стараго героя Морсгрова, Джинкина, помощника вѣкфильдскаго сторожа, комическое лицо пьесы и въ особенности малолѣтняго, но разумнаго не по лѣтамъ, сына лэди Барлей, Нэда. Не смотря на множество эпизодовъ, обставляющихъ главное дѣйствіе, пьеса производитъ впечатлѣніе художественнаго цѣлаго; планъ ея гораздо правильнѣе и стройнѣе, чѣмъ другихъ пьесъ Грина. Что до мотивированія дѣйствія, то здѣсь не обошлось безъ нѣкоторыхъ наивностей и несообразностей, свойственныхъ всей старинной англійской драматургіи, не исключая и пьесъ Шекспира: перюдѣванію отведено слишкомъ много мѣста; государственныя дѣла рѣшаются патріархальнымъ образомъ; самъ король идетъ знакомиться къ Джоржу Грину и т. д.

Разсмотрѣвъ всѣ дошедшіе до насъ драматическія произ-

веденія Грина, мы возвращаемся къ мысли, высказанной нами въ началѣ этой главы, что можно, принявъ въ расчетъ показаніе источниковъ и художественное достоинство пьесъ Грина, провести приблизительно-вѣрную черту между двумя періодами его драматической дѣятельности. Насколько удачно рѣшена нами эта задача, насколько наши эстетическія соображенія подкрѣпляютъ собой скудныя свѣдѣнія источниковъ—судить, конечно, не намъ; весьма возможно, что мы ошибочно поставили одну пьесу раньше другой и на оборотъ; но мы стоимъ за одно, что всякій, кто прочтетъ пьесы Грина, въ указанномъ нами порядкѣ, никогда не отнесетъ *Орlando* и *Альфонса* къ одному и тому же времени съ *Іаковомъ IV* и *Вѣкфильдскимъ Полевымъ Сторожемъ*. Отрицать глубокое внутреннее различіе между этими двумя группами пьесъ значило бы, по нашему мнѣнію, отрицать естественный ростъ драматическаго таланта Грина.—

Современники были высокаго мнѣнія о драматическомъ талантѣ Грина. Въ кружкѣ драматурговъ, къ которому принадлежали Пиль, Лоджъ, Нашъ, а впослѣдствіи Лилли и Марло, Гринъ игралъ первенствующую роль, если не по своему таланту, то по своей необыкновенной плодовитости (¹⁵⁸). Гарвей въ насмѣшку назвалъ его королемъ картонной сцены (¹⁵⁹), Миресъ ставитъ его, какъ комическаго писателя, на ряду съ Шекспиромъ и Лилли (¹⁶⁰) а Нашъ, не особенно любившій хвалить другихъ, признается, что Гринъ, уступая ему во всемъ, превосходилъ своего пріятеля въ искусствѣ писать пьесы гдѣ онъ былъ мастеромъ своего дѣла (¹⁶¹). Еще выше ставитъ Грина Четтль, который, не обинуясь величаетъ его единственнымъ народнымъ драматургомъ въ Англіи (¹⁶²). Этими словами какъ нельзя лучше опредѣляется мѣсто, занимаемое Гриномъ въ исторіи ан-

гліійской драмы. Дѣйствительно, названіе *народнаго драматурга* ни къ кому такъ не идетъ какъ къ Грину, потому что ни у одного изъ современныхъ ему драматурговъ мы не найдемъ столько сценъ, такъ сказать живьемъ выхваченныхъ изъ англійской жизни и притомъ написанныхъ чистымъ народнымъ языкомъ, безъ всякой примѣси эвфуизма и классической орнаментики. Изъ дошедшихъ до насъ произведеній Грина ровно половина имѣетъ своимъ содержаніемъ англійскую народную жизнь. Для Четтля же, знавшаго все написанное Гриномъ, процентъ народнаго въ его произведеніяхъ былъ гораздо большій. Даже въ раннихъ драматическихъ опытахъ Грина, гдѣ онъ подражалъ напыщенной манерѣ Марло и эвфуистическому стилю Лилли, всегда можно найти двѣ три народно-бытовыя картины, которыя по своей веселости, живости и свѣжести не оставляютъ ничего желать. Популярности Грина, какъ драматурга, способствовало еще то обстоятельство, что его пьесы своимъ фантастическимъ характеромъ, обиліемъ, разныхъ неожиданныхъ приключеній напоминали любимыя публикой новеллы, рыцарскіе романы и всякаго рода чудесныя исторіи. При оцѣнкѣ драматическихъ произведеній Грина нужно принять въ соображеніе общій характеръ его источниковъ тѣмъ болѣе, что прежде чѣмъ быть драматургомъ, Гринъ былъ романистомъ. Новелла, рыцарскій романъ, пастораль, народная книга—всѣ эти формы тогдашней беллетристики, не смотря на различіе содержанія, имѣютъ одну общую черту, состоящую въ томъ, что во всѣхъ ихъ элементъ случайнаго и неожиданнаго, элементъ *авантюры* почти совершенно заслоняетъ собою элементъ психологическій, элементъ характера. Авторы ихъ заботились преимущественно о томъ, чтобы сдѣлать ткань своего разсказа какъ можно затѣйливѣе, чтобъ заинтересовать читателя компликаціей интригъ и смѣлой разнообразныхъ при

ключеній и этой главной цѣли они охотно жертвовали не только психологическимъ мотивированіемъ дѣйствія, но и требованіями простой вѣроятности. Отсюда преобладаніе фантастическаго колорита во всей беллетристикѣ эпохи Возрожденія. Англійскіе драматурги рано оцѣнили пригодность такого рода источниковъ для драматической обработки и задолго до Грина наводнили сцену пьесами романтическаго содержанія (¹⁶³), нестройными, лишенными всякаго художественнаго достоинства, но любимыми публикой за живость и разнообразіе дѣйствія, обильнаго всякими неожиданными. Марло первоначально тоже примкнулъ къ этому направленію, но примкнулъ затѣмъ чтобы преобразовать его. По свойству своего таланта онъ остановился на сюжетахъ трагическихъ, на страстяхъ, превышающихъ дѣйствительность, и въ своемъ *Фаустѣ* и *Мальтійскомъ Жидѣ* далъ первые опыты художественной трагедіи съ болѣе или менѣе психологическимъ мотивированіемъ дѣйствія и рѣзко очерченными характерами. Не чувствуя себя въ силахъ состязаться съ Марло на этомъ поприщѣ, Гринъ, послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ попытокъ, нашелъ себѣ дорогу, болѣе соответствующую характеру своего таланта. Не оставляя романтической драмы, представлявшей такой просторъ воображенію поэта, онъ сталъ обрабатывать въ этой формѣ любовные сюжеты. Подъ его рукой этотъ хаотическій и неправильный родъ драмы впервые получаетъ нѣкоторую художественную организацію, осмысливается внутренними мотивами, наполняется художественно обработанными характерами; изъ нихъ напр. женскіе характеры достигаютъ у Грина такой прелести, такой нравственной высоты, до которой не возвысился ни одинъ изъ современныхъ драматурговъ, за исключеніемъ Шекспира. Правда, что и въ самыхъ лучшихъ пьесахъ Грина замѣтно близкое родство ихъ съ ихъ

романтическими источниками, что элементъ случайнаго, неожиданнаго, выражающійся въ разныхъ переряживаніяхъ, плохо мотивированныхъ поступкахъ и всякаго рода наивностяхъ и несообразностяхъ играетъ въ нихъ не малую роль; но если мы сравнимъ драмы Грина съ предшествующими и даже современными ему драмами одинаковаго направленія, то разница выйдетъ весьма значительная, и мы должны будемъ признать, что то, что сдѣлано Марло по отношенію къ трагедіи и драматической хроникѣ, то сдѣлано Гриномъ въ области, такъ называемой, романтической драмы, что дѣятельность ихъ составляетъ необходимую ступень въ развитіи стариннаго англійскаго театра.

ГЛАВА IV.

Гринъ и Шекспиръ.

Отзывъ Грина о Шекспирѣ и объясненіе его. Разборъ гипотезы Симпсона объ отношеніяхъ Грина къ Шекспиру. Кто былъ авторъ осмѣянной Гриномъ *Fair Em?* Слѣды вліянія Грина на Шекспира. Идеальные женскіе типы Грина и *Имоджена* Шекспира. Характеръ *Богана* въ прологѣ къ *Іакову IV* и *Тимонъ Авинскій* Шекспира. *Пандосто* Грина, какъ источникъ *Зимней Сказки*.

Въ интересномъ послѣсловіи къ своему автобіографическому памфлету *Groatsworth of Wit* (большая часть этого послѣсловія переведена нами на стр. 21—29), Гринъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ по профессіи, Марло, Нашу и Пилю убѣждаетъ ихъ собственнымъ горькимъ примѣромъ перестать работать для театра и неблагодарныхъ актеровъ и посвятить свои силы другой, болѣе полезной, дѣятельности. «Вы всѣ трое—говоритъ онъ имъ между прочимъ—будете низкими людьми, если мои бѣдствія не послужатъ вамъ предостереженіемъ, потому что ни къ кому изъ васъ не присталъ такъ этотъ репейникъ какъ ко мнѣ; подъ репейникомъ я разумѣю этихъ куколъ, говорящихъ съ нашихъ словъ, этихъ шутовъ, щеголяющихъ въ нашихъ одеждахъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что я, которому они всѣ обязаны, теперь оставленъ ими; равнымъ образомъ не будетъ удивительно, если вы, которымъ они также обязаны, будете въ свою очередь брошены ими, лишь только очу-

литесь въ подобномъ же положеніи. Да, не довѣряйте имъ, потому что между ними завелась выскочка ворона, украшенная нашими перьями, *съ сердцемъ тигра подъ кожей актера*. Этотъ выскочка воображаетъ, что онъ можетъ смастерить бѣлый стихъ не хуже любого изъ васъ и будучи настоящимъ *Johannes Factotum*, считаетъ себя единственнымъ человѣкомъ въ Англіи, *способнымъ потрясать нашей сценой (the onely Shake-scene in a country)*.» Последнія слова, въ которыхъ Гринъ пародируетъ фамилію Шекспира, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что онъ мѣтилъ здѣсь ни въ кого другаго, какъ именно въ Шекспира, да если бы у кого и возникло сомнѣніе, то оно должно быть окончательно устранено признаніями издателя *Groatsworth of Wit*, Четтля, который, услышавши въ послѣдствіи много хорошаго о Шекспирѣ, жалѣлъ, что не выбросилъ всего мѣста къ нему относящагося (164). Чтобъ объяснить злостный отзывъ Грина о Шекспирѣ, нужно припомнить во первыхъ, что Шекспиръ былъ членомъ ненавистной корпораціи актеровъ, которая оказалась такъ неблагодарной передъ Гриномъ, а во вторыхъ, что Гринъ имѣлъ основаніе считать Шекспира плагиаторомъ. Когда въ концѣ 1585 или вѣрнѣе въ началѣ 1586 г. Шекспиръ прибылъ въ Лондонъ, то пристроившись къ труппѣ Лорда Каммергера, онъ началъ свою драматическую дѣятельность съ того, что исправлялъ и передѣлывалъ для этой труппы старинныя пьесы. Почти для каждаго изъ юношескихъ произведеній Шекспира можно найти оригиналъ или драматическій источникъ въ предшествующей драматической литературѣ. Пока Шекспиръ работалъ только для своей труппы, онъ не могъ наносить этимъ большаго ущерба Грину и его товарищамъ, которые работали для другихъ театровъ. Но когда съ теченіемъ времени онъ сталъ расширять свои операціи, когда онъ

сталъ предлагать свои передѣлки и другимъ труппамъ ⁽¹⁶⁵⁾, когда онъ сдѣлался настоящимъ фактотумомъ, грозившимъ наводнить своими произведеніями всѣ сцены Лондона, тогда весь кружокъ Грина долженъ былъ возстать противъ него и больше всѣхъ самъ Гринъ. Негодованіе Грина и его товарищей на Шекспира должно было усилиться въ особенности послѣ того, какъ онъ сталъ передѣлывать пьесы, принадлежавшія ихъ кружку и передѣлывалъ такъ, что они становились рѣшительно неузнаваемы. Мэлонъ, Дэйсъ, Ингльби и др. думаютъ, что старинныя пьесы *The first part of the contention* и *The true Tragedie of Richard, Duke of Yorke* (въ послѣдней пьесѣ встрѣчаются слова: *О сердце тигра, скрытое подъ женской оболочкой*, которыя пародируетъ Гринъ, примѣняя ихъ къ Шекспиру) были написаны кѣмъ-либо изъ кружка Грина и потомъ уже передѣланы Шекспиромъ въ его трилогію *Генрихъ VI*. Если допустить такое, вполне вѣроятное, предположеніе, то озлобленіе Грина станетъ весьма понятнымъ. Гринъ видѣлъ въ Шекспирѣ не только счастливаго соперника, но врага, побивающаго старыхъ драматурговъ у нихъ же взятымъ оружіемъ. Опасенія Грина, совѣтовавшаго своимъ товарищамъ, въ виду возрастающей популярности Шекспира, бросить неблагодарное ремесло драматурга, были не напрасны. Проходитъ нѣсколько лѣтъ, и мы узнаемъ, что Шекспиръ отодвинулъ на задній планъ всѣ *университетскія перья* (*university pen*), не исключая и самого Бэнъ-Джонсона ⁽¹⁶⁶⁾.

Предсмертный отзывъ Грина и Шекспира, составляющій послѣдній актъ драмы ихъ взаимныхъ отношеній, невольно наводитъ на мысль, что этому акту долженъ былъ предшествовать цѣлый рядъ непріятныхъ столкновеній и взаимныхъ пререканій, слѣды которыхъ должны же сохраниться въ произведеніяхъ обоихъ драматурговъ; отсюда само

собою являлось желаніе приподнять покровъ, скрывающій отъ насъ отношеніе Шекспира къ одному изъ своихъ наиболѣе талантливыхъ предшественниковъ; намеки на какихъ-то тайныхъ враговъ, которыми переполнены памфлеты Грина, повидимому давали въ руки изслѣдователя путеводную нить и ободряли на попытку.... Попытку эту мы находимъ въ посмертномъ трудѣ Симпсона (¹⁶⁷), одного изъ лучшихъ знатоковъ Шекспира въ Англіи. Мы видѣли, что въ предисловіяхъ и посвященіяхъ къ своимъ любовнымъ памфлетамъ Гринъ не разъ жалуется на своихъ литературныхъ враговъ, которые преслѣдовали его своими клеветами, осмѣивали его бѣлый стихъ, не вѣрили искренности его раскаянія и которымъ онъ въ свою очередь не давалъ спуска. Симпсонъ превращаетъ всѣхъ этихъ многочисленныхъ враговъ въ одного врага, неумолимаго, злаго и вездѣсущаго и утверждаетъ, что этотъ врагъ былъ никто иной какъ Шекспиръ. На доказательство этой гипотезы Симпсонъ потратилъ не мало труда и остроумія; онъ отстаиваетъ ее съ упрямой казуистикой обвинителя, которому во что бы то ни стало хочется доказать виновность обвиняемаго, и который мастерски толкуетъ въ пользу обвиненія всякой намекъ, всякое неясное выраженіе, всякой сомнительный фактъ. Благодаря такому приему, Симпсону, при его несомнѣнно большой начитанности и остроумію, удалось соткать весьма искусную логическую сѣть, но къ сожалѣнію нити этой сѣти сотканы не изъ твердаго фактического матеріала, а изъ легкой паутины намековъ, предположеній, мнимыхъ аллегорій и т. п., которые разлетаются въ прахъ при первомъ прикосновеніи критическаго анализа. Приведемъ примѣры. Въ своемъ памфлетѣ *Планетомехія* Гринъ выводитъ злаго и мстительнаго лицебра Вальдрако, который подкупаетъ наемнаго убійцу, чтобы отравить своего зятя

и убить его отца, графа Челіо. Въ характерѣ этомъ соединено все, что только есть позорнаго и низкаго въ человѣческой природѣ. Симпсонъ обращаетъ вниманіе на то, что *Планетоматіа* вышла въ свѣтъ въ 1585, т. е. какъ разъ въ то время, когда, по его мнѣнію, Шекспиръ только-что началъ писать для сцены, что Вальдрако надѣленъ тѣми же дурными качествами, которыя Гринъ въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій приписываетъ неизвѣстному врагу, соединявшему въ своемъ лицѣ актера и драматическаго писателя, другими словами, Шекспиру.—Подобное умозаключеніе — какъ оно ни странно — имѣли бы какой нибудь смыслъ, если бы мы знали навѣрное знали, когда Шекспиръ прибылъ въ Лондонъ и началъ работать для театра и когда именно встрѣтился съ Гриномъ; но дѣло въ томъ, что на этотъ счетъ не имѣется никакихъ положительныхъ свидѣтельствъ, и скорѣе можно полагать, что въ 1585, въ эпоху появленія *Планетоматіи*, Шекспиръ еще не переселялся въ Лондонъ, потому что существуетъ документальное извѣстіе, что въ этомъ году у него родились дѣти-близнецы, сынъ Гамнетъ и дочь Юдифъ; равнымъ образомъ мы не можемъ утверждать былъ-ли въ этомъ году въ Лондонѣ самъ Гринъ, потому что къ концу этого года должно отнести его женитьбу, послѣ которой онъ оставался въ провинціи до разрыва съ женой, т. е. больше году, такъ что почти навѣрное можно сказать, что Гринъ не могъ встрѣтиться съ Шекспиромъ раньше конца 1586 или начала 1587 г. Пойдемъ дальше. Когда Гринъ началъ свою драматическую дѣятельность, то первыя его произведенія были осмѣяны двумя неизвѣстными драматургами (см. стр. 58 и прим. 79), изъ которыхъ одинъ былъ Марло. Если бы Симпсону удалось доказать, что другой драматургъ, осмѣявшій Грина съ подмостковъ сцены, былъ Шекспиръ, то

дальнѣйшая его догадка о враждѣ Грина и Наша къ Шекспиру имѣла бы въ этомъ фактѣ сильную опору; но пока это не сдѣлано, мы не имѣемъ никакого основанія предполагать, что Нашъ, нападая на безлатынныхъ писателей и тщеславныхъ актеровъ, имѣлъ въ виду именно Шекспира, что Гринъ вывелъ его въ Менафонѣ подъ именемъ простоватаго и невѣжественнаго пастуха Дорона и т. п. До какой степени увлеченіе любимой гипотезой можетъ затемнить критическую проницательность изслѣдователя, всего лучше можно видѣть на слѣдующемъ примѣрѣ. Читатели помнятъ, что въ предисловіи къ *Farewell to Follie* Гринъ негодуетъ на какую-то довольно плохую современную пьесу, авторъ которой заставляетъ героя и героиню подкрѣплять текстами св. Писанія свои любовныя объясненія (см. стр. 89—90). Бернгарди доказалъ, что эта пьеса есть *Прекрасная Эмма* (*Fair Em*) и что она носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды подражанія *Бэкону* Грина. *Прекрасная Эмма* была давно извѣстна любителямъ стариннаго англійскаго театра; преданіе приписывало ее то Шекспиру, ⁽¹⁶⁸⁾ то Грину ⁽¹⁶⁹⁾, а Тикъ, переведшій ее на нѣмецкій языкъ во второмъ томѣ своей *Shakespeare's Vorschule*, считалъ ее юношескимъ произведеніемъ Шекспира. Стоило только доказать, что эта пьеса на самомъ дѣлѣ принадлежитъ Шекспиру, и тогда гипотеза о старинной враждѣ Грина къ Шекспиру получала блестящее фактическое подтвержденіе. Искушеніе было слишкомъ велико, чтобы противъ него можно было устоять такому увлекающемуся человеку, какъ Симпсонъ. И вотъ онъ принимается доказывать, что и по языку и по драматическимъ приѣмамъ, даже по нравственному духу, которымъ она проникнута, *Прекрасная Эмма* вполнѣ достойна назваться произведеніемъ Шекспира. Оставалось еще объяснить, почему именно эта

пьеса возбудила такое негодование въ Гринѣ? И эта тайна открылась Симпсону; внимательное чтеніе раскрыло ему внутренній смыслъ пьесы; чѣмъ болѣе онъ вчитывался въ нее, тѣмъ все больше и больше убѣждался, что она не просто драма, а аллегорическая сатира гдѣ подъ именемъ Мандевиля, переходящаго отъ одной возлюбленной къ другой и въ концѣ концовъ отвергаемаго обѣими, изображенъ Гринъ, колеблющійся между драмой и романомъ и не успѣвающій ни въ первой, ни во второмъ. Гринъ, конечно, узналъ себя въ неудачникѣ Мандевилѣ—и отсюда его негодование на автора *Прекрасной Эммы*. *Habent sua fata libelli!* Когда Симпсонъ съ необыкновеннымъ терпѣніемъ подыскивалъ одно доказательство за другимъ въ пользу своей излюбленной гипотезы, что *Прекрасная Эмма* написана Шекспиромъ, онъ былъ далекъ отъ мысли, что существуетъ отвѣтъ ея настоящаго автора на нападки Грина, отвѣтъ, который смететъ съ лица земли такъ тщательно выстроенный имъ карточный домикъ.

Мы переходимъ теперь къ этому отвѣту. Онъ находится въ предисловіи къ пуританскому памфлету *Martin Mar-Sixtus*, вышедшему въ свѣтъ въ началѣ 1592 (въ *Registers* памфлетъ записанъ подъ 8 ноября 1591), стало быть нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ *Farewell to Follie!* ⁽¹⁷⁰⁾ Сказавши, что онъ вообще не любитъ выстав- лять себя на показъ міру, но предпочитаетъ танцовать подъ маской, уподобляясь вѣтру, свистъ котораго слышенъ всякому, но котораго никто не видитъ, авторъ продолжаетъ: «впрочемъ мы живемъ въ вѣкѣ любящемъ печататься, когда изъ щелей повылѣзало множество непризнанныхъ писателей.... Я, скрѣпя сердце, долженъ сказать, что въ настоящее время всякій красноносый риѣмоплетъ считаетъ себя поэтомъ, что сонъ всякаго пьяницы ⁽¹⁷¹⁾ издается от-

дѣльной книгой.... Точно будто Вилль Сомерсъ снова появился на свѣтъ Божій (¹⁷²), точно будто всѣ эти писатели наперерывъ стараются, чтобы превзойти самого *Овидія*. Они пишутъ сладострастные, нечистые любовные памфлеты и при этомъ не стыдятся подписывать подъ ними: *сочиненіе маистра искусствъ* (*by a graduate in Cambridge, in Artibus Magister*), какъ будто можно судить о плодахъ искусства по этимъ лохмотьямъ и обрѣзкамъ остроумія..... Мы давно знаемъ что, университеты могутъ возводить въ степень маистра искусствъ, но, кажется любовное искусство не принадлежитъ къ числу семи свободныхъ искусствъ, и если справедливо изреченіе, что *Honos alit artes*, то не велика честь получить отличіе за успѣхи въ такомъ искусствѣ. Болѣзнь нашего вѣка состоитъ въ томъ, что люди стали слишкомъ тщеславны, что они страдаютъ недугомъ остроумія, отъ котораго они хотятъ какъ можно скорѣе освободиться какъ отъ вреднаго вещества, попавшаго въ желудокъ и только тогда чувствуютъ себя совершенно здоровыми, когда имъ удастся совсѣмъ освободиться отъ него. Настоящіе фарисеи нашего времени тѣ, которые и пишутъ, и говорятъ, и дѣлаютъ все только *ut audiantur ab hominibus*, или, чтобы сказать всю правду наши писатели похожи на бабъ, продающихъ устрицы, которыя другъ передъ дружкой стараются не о томъ, чтобъ пріятнѣе, но чтобъ громче крикнуть, а когда ихъ произведеніе выходитъ въ свѣтъ, то читатели смотрятъ на нихъ какъ на не совсѣмъ благовонные товары, и закрывая свои носы, говорятъ: фи! Такимъ образомъ эти господа, желая быть славными, пріобрѣтаютъ лишь печальную извѣстность. Когда же имъ самимъ становится стыдно своего безпутства, тогда же надѣваютъ на себя *Траурное одѣяніе* (*Mourning Garment*) и вопіютъ *Прости безумію* (*Farewell*).»

Едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ оскорбленнымъ авторскимъ самолюбіемъ; личное раздраженіе слышится изъ каждой строки и выражается въ намекахъ на пьянство Грина, на его красный носъ и т. д. Гринъ зло посмѣялся надъ *Прекрасной Эммой*, въ особенности нападалъ на кощунственную примѣсь св. Писанія къ любовнымъ темамъ; оскорбленный авторъ ея въ отместку опрокинулся на собственные произведенія Грина, назвалъ ихъ нечистыми и безнравственными любовными трактатами (*lascivious, dishonest amorous discourses*), лохмотьями и обрѣзками остроумія и т. д.

Кто же былъ этотъ таинственный, злой и едва-ли не самый остроумный изъ литературныхъ враговъ Грина? Мы никогда не узнали бы его имени, если бы онъ самъ случайно не далъ намъ въ руки руководящей нити, выставивъ подъ памфлетомъ начальныя буквы своего имени и фамиліи R. W. Этими буквами, какъ извѣстно, подписаны двѣ старинныя англійскія моралите *Three ladies of London* и *Three Lords and Ladies of London*, изъ которыхъ первая вышла въ свѣтъ въ 1584 г., а вторая въ 1590 г. Всѣ ученые согласны въ томъ, что названныя пьесы принадлежатъ Роберту Вильсону Старшему (¹⁷⁴), актеру труппы Лейстера, знаменитому комику, уступавшему въ комической силѣ развѣ одному Тарльтону, который, по словамъ Коллье-ра, кромѣ таланта исполнителя, былъ одаренъ въ значительной степени талантомъ драматическимъ; особенно онъ славился своими быстрыми и остроумными отвѣтами (¹⁷⁵). Подобно Госсону, Вильсонъ былъ пуританинъ по религіознымъ убѣжденіямъ (*Furniwall* называетъ его прямо *puritanical writer*), что не мѣшало ему любить театръ, быть актеромъ, драматическимъ писателемъ и даже защищать сцену (правда весьма робко) отъ нападеній своихъ собра-

тій ⁽¹⁷⁶⁾. Въ пользу того, что Робертъ Вильсонъ Старшій былъ авторомъ *Martin Mar-Sixtus*, а стало быть и осмѣянной Гриномъ *Прекрасной Эммы*, можно привести еще слѣдующія соображенія:

Во 1) подобно автору *Martin Mar-Sixtus*, не любившему видѣть свое имя въ печати, но предпочитавшему дѣйствовать подъ маской начальныхъ буквъ своего имени, и Робертъ Вильсонъ не любилъ появляться въ печати съ своимъ полнымъ именемъ, а предпочиталъ выставять подъ своими произведеніями начальныя буквы своего имени и фамиліи *R. W.* Сколько намъ извѣстно, только одна изъ его пьесъ, именно *The Cobbler's Prophecy* подписана его полнымъ именемъ.

Во 2) если прочесть посвященіе *Farewell to Follie* въ связи съ адресомъ Грина къ студентамъ Оксфорда и Кэмбриджа, гдѣ находятся выходки противъ *Fair Em*, то нельзя не замѣтить что и тамъ и здѣсь въ сущности идетъ дѣло объ одномъ лицѣ, которое Гринъ считаетъ пуританскимъ фарисеемъ и насмѣшекъ котораго Гринъ ждалъ, такъ какъ оно и раньше нападало на него. Стрѣла, какъ видно, попала въ цѣль: авторъ *Martin's Mar-Sixtus'a*, оскорбленный не только какъ авторъ, но какъ человѣкъ извѣстныхъ религіозныхъ убѣжденій, въ своемъ отвѣтѣ побиваетъ Грина его собственнымъ оружіемъ, замѣчая, что истинными фарисеями должно считать тѣхъ, которые, подобно Грину, кричатъ на весь міръ о своемъ раскаяніи.

Въ 3) Гринъ намекаетъ на какую-то связь автора *Прекрасной Эммы* съ приходомъ *St. Giles, Cripplegate*, причетникъ котораго (*sexton*) будто бы помогалъ автору въ его работѣ, а мы знаемъ что въ оградѣ этой церкви похороненъ Робертъ Вильсонъ ⁽¹⁷⁷⁾, по всей вѣроятности потому, что онъ жилъ постоянно въ С.-Джайльскомъ приходѣ.

На основаніи всего вышесказаннаго мы позволяемъ себѣ утверждать, что памфлетъ *Martin Mar-Sixtus* и пьеса *Fair Em* были писаны однимъ и тѣмъ же лицомъ, что это лицо былъ никто иной какъ Робертъ Вильсонъ Старшій, старинный врагъ Грина и что стало быть скорѣе къ нему и Марло, чѣмъ къ Шекспиру слѣдуетъ отнести большую часть намековъ и враждебныхъ выходокъ, попадающихся въ любовныхъ памфлетахъ Грина.

Изъ туманной области намековъ и догадокъ о личныхъ отношеніяхъ Грина къ Шекспиру и другимъ современнымъ драматургамъ, гдѣ легко могутъ заблудиться даже многіе знатоки дѣла, какъ покойный Симпсонъ, переходимъ на строго-фактическую почву чисто-литературныхъ отношеній, попытаемся указать на нити связывающія Грина съ Шекспиромъ и опредѣлить степень вліянія перваго на послѣдняго. Само собою разумѣется, что мы будемъ останавливаться только на тѣхъ сторонахъ вопроса, которыя, по нашему мнѣнію, либо недостаточно выяснены, либо совсѣмъ оставлены въ тѣни шекспировской критикой.

У Шекспира есть цѣлая группа пьесъ, по большей части заимствованныхъ изъ новеллъ и пастушескихъ романовъ, которыя по своему фантастическому характеру, навѣянному имъ источниками, не вполне подходятъ подъ обычные рубрики комедій, трагедій и исторической драмы. Таковы напр. *Цимбеллинъ*, *Зимняя Сказка*, *Сонъ въ Лѣтнюю Ночь*, *Какъ Вамъ Угодно* и др. Отличительныя черты ихъ—сложность интриги, нерѣдко разбивающейся на нѣсколько малыхъ самостоятельныхъ интригъ, не совсѣмъ правильное мотивированіе дѣйствія при мастерски очерченныхъ характерахъ, обиліе всякаго рода неожиданностей, переодѣваній, таинственныхъ исчезновеній, похищеній и, какъ результатъ всего этого, фантастическій характеръ дѣйствія. Англійскіе

критики называютъ нынѣ этого рода *романтическими комедіями* (*romantic comedies*); Гervинусъ называетъ одну изъ пьесъ этой группы по обилію эпического элемента *эпической драмой* и *драматическимъ эпосомъ* (*Episches Drama* и *Dramatisches Epos*), наконецъ Французскій критикъ Мезьеръ предлагаетъ окрестить ихъ прозвищемъ *романической драмы* (*drame romanesque*) и иронически замѣчаетъ при этомъ, что ради нихъ слѣдовало бы передѣлать старинное раздѣленіе драмы на роды и виды.—Вслѣдствіе своей причудливой постройки и фантастическаго характера дѣйствія пьесы эти иногда накликали на себя рѣзкіе отзывы со стороны критиковъ, воспитанныхъ на строгой простотѣ классическихъ образцовъ. Извѣстенъ взглядъ Джонсона на *Цимбеллину*: онъ считалъ эту пьесу нелѣпой по сюжету и по интригѣ, доказывалъ, что событія, изображенныя въ ней, нигдѣ не могли случиться, упрекалъ Шекспира за смѣшеніе лицъ и нравовъ, принадлежащихъ различнымъ эпохамъ и т. д. Напротивъ того романтикъ Шлегель почти на тѣхъ-же основаніяхъ считаетъ *Цимбеллину* перломъ шекспировскаго творчества. Онъ удивляется искусству, съ которымъ Шекспиръ сумѣлъ слить въ одно гармоническое цѣлое новеллу Боккаччо съ древнѣйшими преданіями Бриттовъ и нравы новѣйшаго времени съ нравами героическаго періода. Вотъ этотъ-то оригинальной типъ драмы Шекспиръ получилъ, такъ сказать, по наслѣдству, отъ своихъ предшественниковъ, а такъ какъ Гринъ былъ главнымъ представителемъ этого рода драмъ, такъ какъ этотъ родъ получилъ впервые въ его произведеніяхъ нѣкоторую художественную организацію, то обязательства Шекспира Грину въ этомъ отношеніи не могутъ подлежать сомнѣнію. Въ произведеніяхъ Грина (именно въ *Бэконѣ*) Шекспиръ могъ найти свой, впослѣдствіи

такъ имъ излюбленный и прославленный, пріемъ, вести сразу двѣ параллельныя интриги, связывая ихъ между собою либо въ началѣ, либо въ концѣ пьесы. Кромѣ Грина этотъ пріемъ встрѣчается также въ *Прекрасной Эммы*, но эта пьеса, какъ уже замѣтилъ Бернгарди, носитъ на себѣ такіе несомнѣнные слѣды подражанія пьесѣ Грина, что между авторомъ ея и Гриномъ не можетъ быть никакого вопроса о первенствѣ. Равнымъ образомъ отъ Грина могъ Шекспиръ позаимствоваться искусствомъ вплетать комическіе эпизоды въ самый ходъ дѣйствія. Комическія сцены издавна составляли необходимую принадлежность стариннаго англійскаго театра; ихъ мы встрѣчаемъ въ довольно развитой формѣ уже въ мистеріяхъ; рѣдкая пьеса, какъ бы ни было серьезно ея содержаніе, могла обойтись безъ нихъ, но до Грина комическіе эпизоды были вводимы только для возбужденія веселости зрителей; (*to make pastime* — какъ выразился одинъ старинный драматургъ Т. Престонъ въ предисловіи къ своей пьесѣ *Камбизъ*, изданной около 1570 г.); клоуны приходили и уходили, потѣшая публику своими забавными выходками, но дѣйствіе отъ этого не двигалось впередъ, потому, что, собственно говоря, они оставались внѣ дѣйствія. Гринъ, сколько намъ извѣстно, первый попробовалъ тѣснѣе связать комическіе эпизоды съ главнымъ дѣйствіемъ; комическія сцены въ *Бэконѣ* и *Іаковѣ IV* сильно врѣзываются въ главное дѣйствіе: оплошность Майльза является однимъ изъ главныхъ мотивовъ, условливающимъ разрывъ Бэкона съ дьяволомъ и обращеніе его къ Богу, а продажа Слипперомъ сэру Бертраму приказа, подписаннаго королемъ объ умерщвленіи королевы, составляетъ то, что называется, переломомъ дѣйствія, потому что только по предъявленіи ей подлиннаго документа, королева рѣшается спастись бѣгствомъ. Наконецъ Гринъ, при всей сравнительной слабости

своего таланта, могъ послужить образцемъ для Шекспира еще въ одномъ отношеніи: въ произведеніяхъ его Шекспиръ нашелъ множество прекрасныхъ народно-бытовыхъ картинъ, проникнутыхъ любовью къ народу и сельской природѣ, дышащихъ такой свѣжестью, такимъ нравственнымъ здоровьемъ, что они уступаютъ развѣ только подобнымъ же картинамъ, находящимся въ собственныхъ произведеніяхъ Шекспира.

Отмѣтивъ вліяніе произведеній Грина на общій характеръ, такъ называемыхъ, фантастическихъ или романтическихъ драмъ Шекспира, перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ частностямъ. Выше было замѣчено, что оригинальность Грина особенно проявилась въ созданіи идеальныхъ женскихъ типовъ, равныхъ которымъ мы не встрѣчаемъ во всей драматической литературѣ Англіи вплоть до самаго Шекспира. Всѣ идеальныя женщины, созданныя Гриномъ, имѣютъ между собой, такъ сказать, семейное родство: всѣ онѣ принадлежатъ къ семьѣ любящихъ и преданныхъ страдалицъ, которыя выносятъ выпавшія на ихъ долю испытанія съ покорной преданностью судьбѣ, съ вѣрой въ высшую справедливость, и кажется въ самыхъ этихъ испытаніяхъ почерпаютъ новыя силы любить. Въ ихъ любви нѣтъ ни страсти, ни эгоизма; онѣ любятъ идеально; ихъ любовь есть непрерывное самопожертвованіе. Это *вѣчно-женственное начало* беззавѣтной преданности, любви и всепрощенія, высшее откровеніе котораго мы находимъ въ Имодженѣ Шекспира, Гринъ воплотилъ въ трехъ идеальныхъ женскихъ личностяхъ—Филомелѣ, Маргаритѣ и Доротее. Известное выраженіе Гэзлита, что шекспировскія героини существуютъ только въ своей привязанности къ другимъ, съ полнымъ правомъ можетъ быть отнесено и къ героинямъ Грина.—Когда намъ однажды случилось прочесть вслѣдъ

за *Филомелой* Грина шекспировскаго *Цимбеллина* мы были поражены сходством характеровъ Филомелы и Иможены. Болѣе внимательное чтеніе обоихъ произведеній только подтвердило вѣрность перваго впечатлѣнія и поселило въ насъ глубокое убѣжденіе, что характеръ Филомелы не остался безъ вліянія на Шекспира, тѣмъ болѣе что и въ судьбѣ обѣихъ героинь есть нѣкоторыя сходныя черты.—Обѣ онѣ славятся столько же своей красотой, сколько и нравственными качествами; обѣимъ суждено страдать отъ тѣхъ, кого онѣ безгранично любятъ; любовь и вѣрность ихъ подвергаются оскорбительному испытанію со стороны ихъ мужей; обѣ онѣ выходятъ изъ этого испытанія, хоть и съ разбитымъ сердцемъ, но съ незапятнанной честью, съ тою впрочемъ разницей, что мужъ Иможены, считая себя обманутымъ ею, велитъ своему слугѣ убить ее, между тѣмъ, какъ подозрительный мужъ Филомелы, не найдя въ поведеніи жены ничего такого, чтобы оправдывало убійство, придумываетъ средство убить ее нравственно, устраиваетъ ей скандальный процессъ, подкупаетъ лжесвидѣтелей, которые клеветаютъ на нее на судѣ и достигаетъ того, что Филомела изгоняется изъ предѣловъ Венеціанской области.—Первое время она подобно Иможенѣ поддается естественному чувству негодованія за нанесенную ей тяжкую обиду; она даже начинаетъ помышлять о мщеніи. Но это продолжается не долго; любовь беретъ верхъ надъ ненавистью; Филомела вспоминаетъ, что слово *супругъ* — великое слово, которое легко произносится, но не такъ-то легко вырывается изъ сердца. Она даже подыскиваетъ оправданіе своему мужу, увѣряетъ себя, что его ревность и подозрительность присходятъ отъ черезъ-чуръ сильной любви. Узнавши, что мужъ находится въ тюрьмѣ и судится за убійство, она является на судѣ и сама обвиняетъ себя въ этомъ убійствѣ съ

тѣмъ, чтобы спасти его жизнь. Этотъ ангельскій поступокъ производитъ такое впечатлѣніе на мужа, такъ потрясаетъ его организмъ, что онъ въ тотъ-же день умираетъ. Принявъ его послѣдній вздохъ, Филомела удаляется въ Венецію, чтобы провести остатокъ дней своихъ въ скорби по немъ (178).

Одинъ изъ новѣйшихъ англійскихъ критиковъ (если не ошибаемся, Флетчеръ) въ своемъ разборѣ характера Имоджены настаиваетъ на нравственномъ родствѣ ея съ Юліей; по его мнѣнію, характеръ Юліи есть почка, способная расцвѣсть въ пышный цвѣтокъ—Имоджену. Съ этимъ заключеніемъ трудно согласиться, потому что натуры этихъ двухъ героинь совершенно различны. Въ экзальтированной и пылкой натурѣ Юліи преобладаетъ страсть и фантазія; напротивъ того основу болѣе уравновѣшенной натуры Имоджены составляетъ задушевность, то что нѣмцы называютъ *«Gemüth»*. Разница ихъ натуръ всего лучше выражается въ ихъ отношеніяхъ къ своимъ мужьямъ. Юлія любитъ съ пылкостью итальянки; любовь ея, подогрѣваемая экзальтированнымъ воображеніемъ, внушаетъ ей героическія рѣшенія; любовь Имоджены—эта беззавѣтная преданность и полнѣйшее забвеніе; себя, на сторонѣ Юліи—пылкость чувства; на сторонѣ Имоджены—его глубина и продолжительность. Поэтому мы думаемъ, что замѣчаніе англійскаго критика болѣе идетъ къ Филомелѣ, чѣмъ къ Юліи. Анализируя характеръ Имоджены, мы найдемъ въ немъ тѣже основныя черты, что и въ характерѣ Филомелы: глубину чувства, беззавѣтную преданность любимому человѣку, энергію и самообладаніе, но только въ гораздо высшей степени и при томъ окруженный такимъ ореоломъ поэзіи, который дѣлаетъ ее едва ли не привлекательнѣйшимъ изъ женскихъ типовъ, созданныхъ гениемъ Шекспира.—

Въ виду того, что типъ мизантропа занималъ Шекспира

во все время его драматической дѣятельности, что въ личностяхъ меланхолика Жака, Гамлета и Тимона Аѳинскаго онъ изобразилъ различныя стороны и различныя степени развитія этого типа, будетъ, можетъ быть, не лишнимъ указать, что первый очеркъ этого характера можно найти у Грина.—Оригинальная личность Богэна, шотландскаго мизантропа, выведена Гриномъ въ прологъ къ Іакову IV. Прологъ этотъ есть ничто иное, какъ разговоръ Богэна съ царемъ эльфовъ Оберономъ. Желая позабавить отшельника, Оберонъ приказываетъ своимъ эльфамъ плясать вокругъ могилы, гдѣ онъ заживо похоронилъ себя. Раздраженный этими танцами и звуками музыки, Богэнъ стремительно выбѣгаетъ изъ своего логовища. Страшный видъ его наводитъ ужасъ на эльфовъ, которые убѣгаютъ. Оберонъ одинъ остается на сценѣ.

Богэнъ. Я тебѣ спрашиваю, кто ты таковъ?

Оберонъ. Твой другъ, Богэнъ.

Богэнъ. Очень мнѣ нужна твоя дружба! Мнѣ не нужны ни друзья, ни враги; для меня они одно и тоже. Иди лучше, повѣсься и не нарушай моего покоя, иначе тебѣ придется убѣдиться, что ты имѣешь дѣло не съ другомъ.

Оберонъ. Не понимаю, изъ за чего ты гнѣваешься, злобный Шотландецъ! Я пришелъ навѣстить тебя изъ любви къ тебѣ.

Богэнъ. Очень мнѣ нужнаа твоя любовь! Я отлично знаю, что истинная любовь вотъ ужъ двадцать лѣтъ какъ улетѣла на небо. Если ты дѣйствительно любишь меня, то оставь меня въ покоѣ.

Когда же Оберонъ и не думаетъ трогаться съ мѣста, то Богэнъ хочетъ выхватить мечъ, чтобъ пронзить его; но Оберонъ заколдовываетъ мечъ, и всѣ усилія Богэна вы-

тащить его изъ ноженъ оказываются тщетными. Заинтересовавшись личностью озлобленного чудака, Оберонъ проситъ Богэна рассказать ему свою исторію. Богэнъ соглашается, потому что ему самому хочется кому нибудь высказаться и излить свою желчь. Изъ разказа Богэна оказывается, что онъ принадлежалъ къ одной изъ лучшихъ шотландскихъ фамилій, что онъ долго жилъ при дворѣ, участвовалъ во многихъ битвахъ, но заслуги его не были оцѣнены, и при назначеніи на какой-то высокій постъ ему предпочли другаго. Тогда убѣдившись, что только льстецы и интриганы могутъ имѣть успѣхъ при дворѣ, Богэнъ покинулъ дворъ и удалился въ деревню.

Оберонъ. Какъ же съ тѣхъ поръ устроилась ваша жизнь?

Богэнъ. И такъ я промѣнялъ дворъ на деревню и сраженія на жену; но я вскорѣ замѣтилъ, что простые люди плутуютъ еще хуже придворныхъ, что заботы о дѣтяхъ тяжеле, чѣмъ заботы о слугахъ, что языкъ женщины хуже всякихъ сраженій, и вотъ когда мнѣ это все порядкомъ надоѣло, я перебрался изъ деревни въ городъ. Здѣсь я сталъ держать открытый домъ, но и это принесло мнѣ не много утѣшенія.

Оберонъ. Почему-же?

Богэнъ. Потому что вмѣсто друзей я пріобрѣлъ застольниковъ, которые приходили только затѣмъ, чтобъ объѣдать меня; кумушки моей жены вывѣдали и выболтали всѣ мои тайны, а отъ родни просто житья не было. Когда я разсудилъ самъ съ собою, что дворъ плохъ, деревня и того хуже, а городъ хуже ихъ обоихъ, тогда воспользовавшись тѣмъ, что моя жена по счастью умерла—было бы гораздо лучше, если бы Господь Богъ прибралъ ее двадцать лѣтъ раньше,—я отдалъ моихъ дѣтей свѣту, а самъ

затворился въ этой могилѣ. Здѣсь, въ случаѣ моей смерти, я вполне обезпеченъ отъ дикихъ звѣрей, не скажу при жизни, потому что пока живу не могу совершенно избавиться отъ дурнаго общества. Кромѣ того я увѣренъ, что, если теперь всѣ друзья обманутъ меня, все-таки эта могила останется моей безспорной собственностью. Вотъ вся моя исторія.

Для того, чтобы еще болѣе убѣдить своего собесѣдника въ гнусности міра и людей, Богэнъ нанимаетъ актеровъ, чтобъ разыграть передъ Оберономъ написанную имъ пьесу Іаковъ IV и сопровождаетъ каждый актъ ея своими желчными выходками противъ людской испорченности.

Не напоминаетъ-ли этотъ разочарованный и озлобленный чудакъ, живущій въ могилѣ и шлющій оттуда проклятія обманувшему его человѣчеству Тимона Аѳинскаго?

Не представляетъ-ли онъ первый, правда неполный и грубый, очеркъ этого безсмертнаго типа? Мы не утверждаемъ, что Гринъ былъ прямымъ источникомъ Тимона Аѳинскаго, но почему не допустить, что характеръ шотландскаго мизантропа, созданный мрачной фантазіей Грина, могъ заинтересовать Шекспира своею оригинальностью, возбудилъ въ Шекспирѣ желаніе заняться его обработкой, особенно, когда онъ впослѣдствіи встрѣтилъ подобный же характеръ и у Плутарха?

Намъ остается еще сказать о пастушеской повѣсти Грина *Пандосто* или *Дорастъ* и *Фавнія*, откуда Шекспиръ заимствовалъ содержаніе своей *Зимней Сказки*. Объ отношеніи Шекспира къ своему источнику было много говорено въ спеціальныхъ сочиненіяхъ о Шекспирѣ, и потому, чтобъ не повторять уже извѣстнаго, мы ограничимся только немногими замѣчаніями.

Дорастъ и *Фавнія* принадлежитъ къ среднему періоду

литературной дѣятельности Грина, когда онъ еще находился подъ сильнымъ вліяніемъ Лилли; повѣсть написана эвфуистическимъ языкомъ, который по своей манерности, обилію антитезъ, классическихъ намековъ и сравненій ни въ чемъ не уступитъ самому *Эвфуэсу* Лилли. По своему внутреннему характеру повѣсть Грина нисколько не выдѣляется изъ другихъ его любовныхъ памфлетовъ; въ ней нечего искать ни характеристики дѣйствующихъ лицъ, ни психологическаго анализа ихъ душевныхъ движеній; что дѣлается у нихъ на душѣ мы узнаемъ только изъ лирическихъ изліяній, которымъ они не рѣдко предаются, но въ этихъ изліяніяхъ больше эвфуистической виртуозности, нежели искренняго чувства. Разсказъ, впрочемъ, ведется довольно живо, хотя, по своему обыкновенію, Гринъ перемѣшалъ всѣ эпохи и нарушилъ всѣ законы вѣроятности: Богемія у него — приморская страна, а короли Богеміи и Сициліи являются современниками дельфійскаго оракула. Уже давно было замѣчено, ⁽¹⁷⁹⁾ что Шекспиръ иначе относился къ англійскимъ переводамъ итальянскихъ новеллъ и иначе къ оригинальнымъ повѣстямъ, подписаннымъ такими извѣстными именами какъ Гринъ или Лоджъ. Съ первыми онъ нисколько не церемонился, и, заимствуя у нихъ общій очеркъ сюжета, создавалъ самъ дѣйствіе и характеры; со вторыми же, вообще говоря, онъ обращался бережнѣе, ближе придерживался ихъ фабулы, примѣняя ея перипетіи къ сценическимъ условіямъ, и, оставляя всѣ прежнія лица, старался только рѣзче очертить ихъ характеры и кой гдѣ позволялъ себѣ прибавлять къ нимъ нѣсколько новыхъ. — Посмотримъ же, какія измѣненія сдѣлалъ Шекспиръ въ новеллѣ Грина. Превращая ее въ драму, Шекспиръ прежде всего измѣнилъ ея заглавіе; вмѣсто того, чтобы назвать свою пьесу *Пандосто* или *Дорастъ и Фавнія*, онъ назвалъ ее *Зимней*

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Источники для біографіи Грина двоякаго рода—официальные и неофициальные. Къ источникамъ перваго рода должны быть отнесены официальные документы: списки студентовъ, бакалавровъ и магистровъ Кэмбриджскаго университета, которыми пользовался Cooper въ своихъ *Athenæ Cantabrigienses* London 1860—1861. 2 тома и отмѣтки въ *Registers of the Stationer's Company of London*, недавно издаваемыхъ Арберомъ (до сихъ поръ вышло три тома) о времени поступления въ печать того или другаго памфлета Грина, хотя при этомъ не нужно упускать изъ виду во 1) что въ *Registers* не всегда отмѣчено первое изданіе, и во 2), что нѣкоторые изъ извѣстныхъ памфлетовъ Грина по оплошности лица, ведшаго списки, совсѣмъ не упомянуты въ нихъ. Последнее обстоятельство значительно понижаетъ цѣну этого, во многихъ отношеніяхъ незамѣнимаго, источника. Къ источникамъ втораго рода относятся отзывы современниковъ Наша, Четтля, Гарвея и др. о Гринѣ и наконецъ его собственныя прозаическія произведенія (памфлеты) съ ихъ посвященіями, лирическими мѣстами, обращеніями къ читателямъ и т. д. Изъ сочиненій Грина особенно важны въ этомъ отношеніи два памфлета автобіографическаго характера, вышедшіе въ свѣтъ вскорѣ послѣ его смерти: *Groatworth of Wit* и *Repentance of Robert Greene*. Подлинность перваго изъ нихъ, заключающаго въ себѣ между прочимъ извѣстное обращеніе Грина къ его товарищамъ по профессіи, стоитъ выше всякихъ сомнѣній: она засвидѣтельствована издателемъ его, Генри Четтлемъ, имѣвшимъ въ рукахъ собственноручную рукопись Грина. Вопросъ о подлинности втораго памфлета, который есть ничто иное какъ краткая автобіографія Грина, разсмотрѣнъ нами во второй главѣ. Весь этотъ разнообразный матеріаль, (за исключеніемъ впрочемъ *Repentance*, откуда приводятся только выдержки), собранъ и приведенъ въ порядокъ Дейсомъ въ его *Account of R. Greene and his Writings*, предпосланномъ его классическому изданію драматическихъ произведеній Грина.

(2) Гринъ въ *Repentance* такъ выражается о своихъ родителяхъ: I neede not make long discourse of my parentes, who for their gravitie and honest life is well knowne and esteemed among their neighbours; namely in the city of Norwieh, where I was bred and borne. О достаточности ихъ можно судить потому, что они могли отправить сына на два года за границу, что въ тѣ времена стоило не дешево. Хотя Гринъ никогда не подписывался Gentleman, подобно Т. Нашу и др., предпочитая свою университетскую степень дворянскому титулу, но что онъ принадлежалъ къ сельскому gentry видно изъ сонета, написаннаго въ честь его Эллиотомъ и озаглавленнаго — Au R. Greene, Gentilhomme. (Сонетъ этотъ предпосланъ памфлету Грина *Peremides, the Blacksmith*. London 1588).

(3) Cooper, *Athenæ Cantabrigienses*, vol. II. p. 127—128.

(4) Дейсъ въ своемъ Account p. 3 стоитъ за 1550 г., потому что ему хочется отождествить драматурга Р. Грина съ придворнымъ священникомъ Елисаветы, тоже Р. Гриномъ, о которомъ упоминается въ Rymer's *Fœdera, Conventiones* T. XV p. 765 подъ 1576. Мы увидимъ впоследствии почему для Дейса важно подобное отождествленіе, на нашъ взглядъ совершенно невозможное уже потому, что въ 1576 г. драматургъ Гринъ только-что поступилъ въ число студентовъ Кембриджскаго университета.

(5) См. характеристику англійской университетской жизни въ его сочиненіи *Die Englischen Universitäten*, II Band S. 58 et sequ.

(6) The Scholemaster by Roger Ascham. New edition by Mayor L. 1863 p. 74. Лордъ Борлей въ своихъ *Ten Precepts*, оставленныхъ сыну для руководства (они напечатаны въ III томъ сочиненія Nares, *Memoirs of the Life and administration of W. Cecil, Lord Burghley* L. 1828—1831) говоритъ между прочимъ слѣдующее: Suffer not thy sonnes to pass the Alps, for they shall learn nothing there but pride, blasphemy and atheism. См. мою книгу *Предшественники Шекспира*, гдѣ въ примѣчаніяхъ 156 и 157 приведены отзывы другихъ современниковъ объ Италіи и Италіянахъ.

(7) Относительно заграничной поѣздки Грина мнѣнія расходятся. Дейсъ назначаетъ для нея довольно большой промежутокъ времени, между окончаніемъ университетскаго курса и полученіемъ магистерской степени (1578—1583). Нѣмецкій ученый Бернгарди (*R. Greene's Leben und Schriften* p. 13), отправляясь отъ того факта, что первая часть Мамилліи разрѣшена къ печатанію 3 октября 1580, а вторая упоминается въ Registers подъ 6 сентября 1583, и что въ промежуткѣ между этими двумя хронологическими данными онъ не нашелъ упо-

минанія ни о какомъ другомъ литературномъ произведеніи Грина, полагаютъ, что всего естественнѣе этотъ трехлѣтній періодъ безмолвія назначить для заграничныхъ странствованій Грина. Заключеніямъ Бернгарди противорѣчатъ во первыхъ собственныя слова Грина въ его *Repentance*, изъ которыхъ скорѣе всего слѣдуетъ заключить, что его заграничное путешествіе осуществилось непосредственно вслѣдъ за окончаніемъ курса, а не два года спустя. Вотъ слова Грина: *For being at the University of Cambridge, I light amongst wags as lewd as myselfe, with whome I consumed the flower of my youth, who drew me to travelle into Italy and Spain etc*, и во вторыхъ то обстоятельство, что періодъ времени, назначаемый Бернгарди для заграничныхъ странствованій Грина, не былъ такъ безплоденъ въ литературномъ отношеніи, какъ онъ думаетъ, потому что подъ 20 марта 1581 въ *Registers* упоминается о недошедшей до насъ балладѣ Грина, въ которой Гринъ—какъ видно изъ подробнаго заглавія ея: *Youth seeing all his ways so troublesome, abandoning virtue and leaning to vice, recalleth his former follies with an inward repentance*—оплакиваетъ увлеченія своей молодости. Зная изъ собственныхъ признаній Грина, что за границей онъ велъ жизнь самую безпутную, которая должна была оставить въ немъ угрызенія совѣсти, мы можемъ предположить съ нѣкоторой достовѣрностью, что баллада была написана Гриномъ вскорѣ послѣ возвращенія его изъ за границы. Въ виду всего вышесказаннаго мы думаемъ, что отъѣздъ Грина за границу съ большей вѣроятностью можетъ быть отнесенъ къ концу 1578, а возвращеніе на родину къ лѣту 1580, потому что осенью этого года онъ ужъ отдалъ въ печать свой первый трудъ.

(8) Въ *Repentance* читаемъ: *At my return into England I ruffled out in my silks in the habit of malcontent and seemed so discontent, that no place would please to abide in, nor no vocation cause me to stay myselfe in etc.*

(9) См. рассказъ о встрѣчѣ съ актерами въ *Groatworth of wit*, гдѣ Гринъ изобразилъ себя въ лицѣ Роберто. По свидѣтельству Гарвея, которому вѣрить Дейсъ (*Account of R. Greene* p. 35) Гринъ нѣкоторое время и самъ былъ актеромъ.

(10) Они несомнѣнно разстались уже въ 1587 г. Въ своемъ *Repentance*, писанномъ незадолго до смерти, Гринъ, обращаясь къ женѣ, говоритъ: „*But, o my deare wife, whose company and sight I have refrained these five years etc.* Гринъ умеръ 3 сентября 1592, стало быть онъ покинулъ жену въ 1587 г. Предположеніе, что супруги провели краткій періодъ своей супружеской жизни на родинѣ Грина,

вытекаетъ изъ словъ самого Грина, который, рассказывая о своемъ разрывѣ съ женой, говоритъ, что она отправилась въ Линкольширъ, а онъ въ Лондонъ (who went into Lincolnshire and I to London), значить они гдѣ-то жили въ третьемъ мѣстѣ, вѣроятно же всего на родинѣ Грина—въ Норричѣ.

(¹¹) Nevertheless soone after I married a gentleman's daughter of good account, with whom I lived for a while: but forasmuch as she would persuade me from my wilful wickedness, after I had a child by her, I cast her off, having spent up the marriage-money, which I obtained by her.

(¹²) Припомнимъ напр. высоко-поэтическую пѣснь Сефестія къ своему ребенку въ Менафонѣ: „Weep not, my wanton, smile upon my knee etc.

(¹³) *Strange News of intercepting certain letters*. L. 1592. Pamфлетъ Наша перепечатанъ Колльеромъ въ его *Miscellaneous Tracts, temp. Eliz. and Jacob*. L. 1870. Part. I.

(¹⁴) Фердинандъ Стэнли, самъ писавшій стихи, былъ извѣстенъ въ литературныхъ кружкахъ того времени подъ пастушескимъ именемъ Аминты. Многие извѣстные поэты: Спенсеръ, Гаррингтонъ, Марстонъ и др. были въ числѣ его друзей. Спенсеръ въ своемъ *Colin Clouts Come Home Again* оплакалъ смерть своего друга подъ именемъ Аминты. Онъ же воспѣвалъ его жену Алису Стэнли подъ именемъ Амариаллы. (The Stanley Papers. Manchester 1853. Part I. p. 32). (Chetham Society) См. также о немъ Walpole-Park, *Royal and Noble Authors*, vol. II p. 45—51.

(¹⁵) Первому Гринъ посвятилъ два произведенія, *Pandosto* и *Mourning Garment*, а послѣдней, которая сама была писательницей (см. о ней Valpole-Park, *Royal and Noble Authors*, vol. II. p. 168—169)—*Penelope's Web*.

(¹⁶) Ему посвящены два произведенія Грина: *Farewell to Follie* и *Orpharion*. Р. Кэри извѣстенъ въ литературѣ своими мемуарами; они изданы въ 1809 г. въ Эдинбургѣ.

(¹⁷) Въ посвященіи своей Филомелы Лэди Фицвотеръ, Гринъ, говоря о своей преданности къ ея мужу, выражается такимъ образомъ: finding myself humbly devoted to the right honorable the Lord Fitzwater, your husband, not only that I am born his etc. Слова эти больше простой вѣжливости; они намекаютъ на какія-то вассальныя отношенія семейства Гриновъ къ Лорду Фицвотеру; весьма возможно, что Грины, хотя и принадлежавшіе къ сельскому gentry, арендовали одно изъ помѣстьевъ лорда, находившееся близъ Норрича.

(18) Лейстеру посвящена *Planetomachia*; Аронделю—*Morando*, Эссэку—*Euphues, his censure to Philautus*.

(19) *Strange News*: „He (Greene) made no account of winning credite by his workes as thou dost (говорить Нашъ, обращаясь къ Гарвею); his only care was to have a spel in his purse to conjure up a good cuppe of wine with at all times“.

(20) О фамилии Портингтоновъ не разъ упоминаетъ Bloomfield въ *History of Norfolk*, vol. IX, p. 271 и 273 и XI, p. 198.

(21) Робертъ Ли былъ актеръ и драматическій писатель, авторъ представленной въ 1598 г., но не дошедшей до насъ пьесы *The Miller* (Halliwell, *Dictionary of old English Plays*. L. 1860 p. 170).

(22) См. Hazlitt, *Hand-book to early english Literature*. L. 1867 sub voce.

(23) Гринъ, въ посвященіи *Never too late*, изданному на средства Барнби, говорить: I have for sundry favors been affected to your worship, а въ посвященіи *A Quip for an upstart Courtier* Гринъ называетъ Барнби отцемъ бѣдныхъ, врагомъ спѣси и представителемъ стариннаго англійскаго гостепріимства. Вѣроятно это тотъ самый Bynaby, у котораго знаменитый актеръ Эдвардъ Аллейнъ купилъ въ 1594 Bear-garden за двѣсти фунтовъ. (*The Alleyn Papers*, ed. by Collier. L. 1843. Introduction p. XIII).

(24) *The Diary of Philip Henslowe* ed. by Collier. L. 1845 p. 23.

(25) Все относящееся сюда мѣсто приведено въ примѣчаніи 79.

(26) Нашъ очевидно мѣтитъ въ Марло, когда говоритъ объ алхимикахъ краснорѣчія, who mounted on the stage of arrogance think to oubrave better pens (т. е. Грина и Пиля) with the swelling bombast of bragging blank verse.

(27) Въ литературѣ извѣстны два Стэпльтона: Ричардъ, котораго Чапманъ превозноситъ въ предисловіи къ своему переводу Иліады (см. Warton, *History of English Poetry*, New edition by W. I. Hazlitt., vol. IV, p. 318) и Томасъ—авторъ трехъ похвальныхъ стихотвореній въ честь Т. Мора и его семейства, вышедшихъ въ 1588 подъ заглавіемъ *Tres Thomae* (Hazlitt, *Hand-book to early English Literature*, sub voce). Послѣдній—яростный католикъ едва-ли могъ быть пріятелемъ Грина, и потому вѣроятно, что стихотвореніе въ честь Грина, предпосланное второй части Мамилліи, (вышедшей въ 1593), принадлежитъ перу Ричарда Стэпльтона, кэмбриджскаго студента, только незадолго передъ тѣмъ (именно въ 1591) кончившаго курсъ со степенью бакалавра.

(²⁸) Courage donc je dis, mon ami Greene, courage!
 Méprise des chiens, corbeaux et chathuans la rage,
 Et glorieux, endure leur malignante furie.
 Zoile arriere, arriere Momus, chien enragé,
 Furieux mastin hurlant au croissant argenté,
 A Greene jamais nuire saurait la calomnie. (Изъ сонета, пред-
 посланнаго къ памфлету Грина Peremides, the Blacksmith.
 L. 1588).

(²⁹) *The Defence of Connycatching, Or a confutation of those two infamous Pamphlets published by R. G. against the practitioners of many Nimble-witted and mysticall sciences, by Cuthbert Connycatcher* L. 1592. Памфлетъ этотъ составляетъ библиографическую рѣдкость; его нѣтъ даже въ British Museum. Мы пользовались перепечаткой его, сдѣланной Голлуэлемъ (Halliwell) въ неизмѣнномъ количествѣ 26 экземпляровъ.

(³⁰) Извѣстный критикъ Meres, въ *Palladis Tamia, Witt's Treasury*, L. 1598 такъ выражается объ этомъ: As Achilles tortured the dead bodie of Hector and as Antonius and his wife Fulvia tormented the lifeless corps of Cicero, so Gabriel Garvey hath shewed the same inhumanitie to Greene, that lies full low in his grave.

(³¹) Любовный памфлетъ *Philomela, the lady Fitzwater Nightingale*, впервые изданный въ 1592, былъ написанъ Гриномъ гораздо раньше (long ago), какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи къ читателямъ.

(³²) Хотя это извѣстіе идетъ отъ злѣйшаго врага Грина—Габріэля Гарвея (см. его *Four Letters and certain Sonnets etc.* L. 1592), но справедливость его подтверждается приходскими списками церкви Св. Леонарда, гдѣ подъ 12 Августа 1593 встрѣчается упоминаніе о погребеніи побочнаго сына Грина по имени Фортуната. (Dyce, *Account of R. Greene and his writings* p. 22). Самъ Гринъ, въ *Groatsworth of wit* рассказываетъ, что Роберто жилъ съ куртизанкой, братъ которой былъ повѣшенъ.

(³³) *A Disputation between He Connycatcher and She Connycatcher* L. 1592. Памфлетъ этотъ составляетъ еще большую библиографическую рѣдкость, чѣмъ *Defence of Connycatching*. Мы пользовались экземпляромъ библіотеки Оксфордскаго университета (Bodleian library).

(³⁴) Th. Beard въ *Theatre of God's Judgement* London 1597. (Мѣсто сюда относящееся вполне приведено у Дейса, *Some Account of Marlowe and his writings* p. XXI).—Vaughan (*The Golden Grove*, L. 1600 и.), подтверждая свидѣтельства Бэрда, говоритъ, что трактатъ Марло противъ Св. Троицы былъ написанъ *about 14 years ago*, стало

быть около 1586 г. Подобное же извѣстіе, очевидно списанное со словъ человѣка, лично знавшаго Марло, отыскано Колльеромъ на одномъ экземплярѣ поэмы Марло *Hero and Leander*, London 1640 г. (см. Collier, *Bibliographical catalogue*, vol. I p. 520).

(³⁵) Главнѣйшимъ источникомъ этихъ доктринъ было знаменитое сочиненіе *De Tribus Impostoribus Mundi*, впервые появившееся въ свѣтъ во второй половинѣ XVI в. и хорошо извѣстное въ Англіи. Гарвей упоминаетъ о немъ въ *New Letter of Notable Contents* L. 1593 и приписываетъ его Пьетро Аретино. Т. Нашъ (въ своемъ *Unfortunate Traveller*. L. 1594) защищая память Аретино отъ обвиненій Гарвея, сообщаетъ слухъ, будто эта страшная книга написана однимъ изъ послѣдователей Маккиавели. Не подлежитъ сомнѣнію, что Марло былъ очень хорошо знакомъ съ трактатомъ *De Tribus Impostoribus* и даже заимствовалъ оттуда нѣкоторыя свои воззрѣнія. По свидѣтельству своего донощика (Доносъ Ричарда Бэма на Марло помѣщенъ у Дейса, *The Works of Christopher Marlowe* L. 1865. *Appendix II*). Марло между прочимъ утверждалъ, что религія выдумана для того, чтобъ держать народъ въ страхъ, что Мойсей былъ фокусникъ и обманщикъ; вліяніе же его объясняется тѣмъ, что онъ былъ посвященъ въ таинства египетской магіи, а соотечественники его были грубый и необразованный народъ. Ср. *De tribus Impostoribus* ed. Brunet. Paris 1867 p. 14 и 24. По свидѣтельству Т. Наша (*Christ's Tears over Jerusalem* L. 1593) англійскіе скептики стоятъ на томъ, *thas the late discovered Indians are able to show antiquities, thousands before Adam*. Это мнѣніе, усвоенное также и Марло (см. первый пунктъ доноса Бэма) заимствовано имъ изъ книги *De Tribus Impostoribus*.

(³⁶) Іезуитъ Parsons, писавшій подъ псевдонимомъ Андрея Филопатера, въ своемъ разборѣ эдикта Елисаветы отъ 29 ноября 1591 (*Elizabethæ Angliæ Reginae Haeresim Calvinianam propugnantis saevissimum in catholicos sui regni Edictum cum responsione ad singula capita Per Andream Philopatrem, Romæ 1593*) говорить о сэрѣ Вальтерѣ Рэлеѣ слѣдующее: *Et certe si Gualteri quoque Raulei schola frequens de Atheismo paulo longius processerit, quam modo ita notam et publicam suis in aedibus habere dicitur, astronomo quodam necromanteo præceptore (въ этомъ астронѣ и чернокнижникѣ не трудно узнать Гампиота) ut juventutis nobiliores non exiguae turmae tam Moysis legem veterem, quam novam Christi domini insulsis quibusdam facetiis ac dicteriis eludere ac in circulis suis irridere didicerint, si haec inquam, schola radices ac robur ceperit et ipse Rauleus in senatum*

delectus fuerit, quid, inquam, erit expectandum aliud, nisi ut aliquando edictum aliquod a Mago illo atque Epicuro Raulaiei praesceptore conscriptum, Reginae nomine evulgatum cernamus etc. Конечно публичной школы, въ которой бы юношество подъ руководствомъ Гарриота обучалось осмѣивать Ветхій и Новый Заветъ, въ домъ Рэля не было, да и быть не могло, и рассказъ о ней Parsons'a есть ничто иное какъ выдумка, пущенная имъ на всю Европу съ цѣлью подорвать кредитъ ненавистнаго католикамъ министра въ глазахъ Елисаветы; но въ основѣ этой сплетни есть частичка истины. Весь Лондонъ зналъ, что сэръ Вальтеръ былъ скептикъ въ религіозныхъ вопросахъ, что въ его домъ собирались лица, имѣвшія репутацію религіозныхъ вольнодумцевъ—графъ Нортмбэрландъ, Томасъ Гарриотъ, Эдвардъ Виръ, графъ Оксфордскій и др. Много лѣтъ спустя, во время процесса Рэля, верховный судья (Chief Justice) Кукъ называлъ его проклятымъ атеистомъ (damnable atheist), а друга его и наставника Гарриота—дьяволомъ. (Edwards, *The Life of sir Walter Raleigh* vol. I, p. 432 и 436). Спѣшимъ замѣтить, что въ XVI и XVII в. слово *атеистъ* имѣло болѣе широкое значеніе, чѣмъ теперь. Тогда атеистами называли не только совершенно невѣрующихъ людей, которыхъ было очень мало, но также раціоналистовъ, скептиковъ, деистовъ, философовъ, вообще тѣхъ людей, которые, разсуждая о религіозныхъ вопросахъ, не выказывали догматическаго озлобленія къ людямъ державшимся иныхъ убѣжденій. За равнодушное отношеніе къ вопросамъ, раздѣлявшимъ на два враждебные лагеря католиковъ и гугенотовъ, Кальвинъ обвинилъ въ атеизмъ Деперье, Рабле, и др. Религіозная терпимость была такимъ аномальнымъ явленіемъ въ то фанатическое время, что лицъ, исповѣдывавшихъ этотъ принципъ, заподозрѣвали въ отсутствіи всякой религіи. Извѣстенъ отзывъ современника о канцлерѣ Лопиталѣ: *vir doctus, sed vere atheus*. Нерѣдко приверженцы различныхъ религіозныхъ сектъ, даже различныхъ литературныхъ партій, чтобы уронить своихъ противниковъ въ общественномъ мнѣніи, обзывали ихъ атеистами. Т. Нашъ въ своихъ *Strange News* L. 1592 обозвалъ атеистомъ (mighty platformer of atheism) пуританскаго агитатора, извѣстнаго подъ именемъ Мартина Марпрелата, и Габріэль Гарвей въ разгаръ полемики обвинилъ въ атеизмъ самого Наша. (См. его *Pie-ree's Superorogation* ed. by Collier p. 35).

(³⁷) Томасъ Гарриотъ (1568—1621) былъ другъ Рэля и спутникъ его по американской экспедиціи. Карта новооткрытыхъ Рэлеемъ странъ, которымъ онъ въ честь Елисаветы далъ названіе Виргиніи, была сдѣлана Гарриотомъ. Онъ считался знаменитѣйшимъ англійскимъ

математикомъ своего времени; (о заслугахъ его въ области алгебраическаго анализа см. Hoeffler, *Histoire des Mathematiques*, Paris 1874, p. 366—367) за его познанія въ физикѣ, химіи и астрономіи современники считали его чернокнижникомъ. Гарріотъ находился въ ученыхъ сношеніяхъ съ знаменитѣйшими европейскими математиками, между прочимъ съ Кеплеромъ, который писалъ ему не иначе какъ *Harriote celeberrime*. Изъ письма извѣстнаго вольнодумца временъ Іакова I, графа Нортмбэрлэнда къ Гарріоту, открытаго и изданнаго барономъ Цахомъ (въ его *Correspondance astronomique*, Génès 1822, vol. VII p. 105 et sequ) видно, что многія великія открытія въ области астрономіи и физики, прославившія XVII в., были, такъ сказать, предвосхищены Гарріотомъ. Когда графъ Нортмбэрлэндъ, сидя въ своемъ заключеніи, прочелъ великое твореніе Кеплера *Astronomia nova sive Phisica Coelestis*, онъ писалъ Гарріоту между прочимъ слѣдующее: Do You not here start to see every day some of your inventions taken from you, for I remember *long since* you told me as much, that the motions of the planets were not the perfect cercles. So you taught me the curious way to observe weight in water and within a while after Ghetaldi comes out with it in print. A little before Vieta prevented you of the garland for the great invention in Algebra“. Что до религіозныхъ убѣжденій Гарріота, то по свидѣтельству Вуда (*Athenæ Oxonienses*, vol. II, sub voce), Гарріотъ отвергалъ библейскую исторію сотворенія міра; онъ сочинилъ свою философскую теологію, исключивъ изъ нея Ветхій завѣтъ, вслѣдствіе чего и новый лишился своего основанія. Къ сожалѣнію эта философская теологія Гарріота, равно какъ и антирелигіозные трактаты Марло, не дошли до насъ. Въ заключеніе Вудъ называетъ Гарріота деистомъ и говоритъ, что онъ склонилъ на свою сторону Графа Нортмбэрлэнда и Рэля. Свидѣтельство Вуда о религіозномъ вольнодумствѣ Гарріота подтверждается письмомъ послѣдняго къ Кеплеру отъ 13 Іюля 1609 г., въ которомъ Гарріотъ жалуется, что ему пришлось жить въ такое время, когда нельзя свободно выражать свои мысли: *Ita se res habent apud nos ut non liceat mihi adhuc libere philosophari*.

(³⁸) Gosson, *The Trumpet of Warre*. L. 1598. См. Collier, *Bibliographical Catalogue* vol. I, p. 324, гдѣ приведенъ рассказъ Госсона о несчастной судьбѣ, постигшей эту *damned crew*.

(³⁹) *Christ's Tears over Jerusalem*, ed. 1592, p. 62. По свидѣтельству Наша модной язвой атеизма была преимущественно заражена англійская интеллигенція; атеисты—говоритъ онъ—are special men of wit; для успѣшной борьбы съ ними мало знанія Св. Писанія; нуженъ боль-

шой запасъ свѣтской учености; если ихъ можно разбить, то только на почвѣ свѣтской учености, съ помощью ихъ любимыхъ свѣтскихъ авторовъ. „Skirmishing with atheists you must behave yourselves as you were converting the Gentiles; all antique histories you must have at your fingers end; no philosopher's confession or opinion of God that you are to be ignorant. In infinite labyrinte of books he must run through, that wille be complete champion in Christ's Church. (ibid.—p. 63).

(⁴⁰) Въ одной рукописи британскаго музея (Lansd. Mss. № 982, fol. 46) намъ удалось встрѣтить любопытную форму отреченія одного священника, который проповѣдывалъ съ кафедры рационалистическія воззрѣнія и въ заключеніе объявилъ себя язычникомъ. *The Form of Abjuration of Heresies and errors made before the Archbishop and Bishops in Convocation by John Hilton, clerk, who having been imprisoned by the High Commission did appear before the Upper House on December 22 1584 and confessed his accusation, saying, that he has said in a sermon at S. Martin's in the Fields, that the Old and New Testament are but fables etc.*

(⁴¹) По преданію Рэлей былъ однимъ изъ покровителей Марло (см. Dyce, *Some Account of Marlowe* p. XLV, примѣчаніе). Однажды Марло сообщилъ ему только-что сочиненную имъ пѣсенку *The Passionate Shepherd to his love*, начинающуюся словами: *Come live with me and be my love*, и Рэлей написалъ остроумный отвѣтъ на нее отъ лица нимфы—*The Nymph's Reply to the Shepherd*. Оба стихотворенія напечатаны рядомъ въ *England's Helicon*, L. 1600.

(⁴²) По показанію р. Бэма, Марло выражался о Гарріотѣ, что онъ можетъ сдѣлать больше чудесъ, чѣмъ сдѣлалъ ихъ Мойсей, бывший простымъ фокусникомъ: He (Marlowe) affirmeth that Moyses was but a Juggler, and that one Harriot can do more, than he.

(⁴³) Однажды Гринъ такъ отвѣчалъ друзьямъ, совѣтовавшимъ ему бросить безпутную жизнь, которая неминуемо приведетъ его къ гибели: Tush, what better is he that dies in his bed, than he, that endes his life at Tybourne; all owe God a death; if I may have my desire while I live, I am satisfied, let me shift after death as I may.“ Когда же друзья напомнили ему объ адѣ, онъ разсмѣялся имъ въ глаза: „Hell, what talke you of Hell to me? I know, if I once come there, I shall have the company of better men, than my selfe, I shall also meet with some madde knaves in that place and so long as I shall not sit there alone, my care is the lesse etc.

(⁴⁴) Въ подлинникѣ: *by him persuaded to that liberty*. Симпсонъ (см. его статью о *Groatsworth of wit*, перепечатанную Ингльби въ предисловіи къ его изданію *Shakspeare Allusion-Books*, L. 1874) понимаетъ здѣсь слово *liberty* въ смыслѣ религіозной терпимости. Мы думаемъ, что здѣсь оно употреблено Гринъ въ смыслѣ *своеволия*, т. е. отсутствія всякихъ нравственныхъ стѣсненій, въ которомъ Гринъ самъ обвиняетъ себя въ своемъ *Repentance*. Pamфлетъ Грина *The Spanish Masquerado* тоже доказываетъ, что Гринъ не былъ сторонникомъ терпимости.

(⁴⁵) *Robert Greene's Leben und Schriften*. Leipzig 1874. p. 9.

(⁴⁶) Въ своемъ разборѣ брошюры Бернгарди, помѣщенномъ въ *Academy* 1874, March 21. Вотъ слова Симпсона: *The broacher of the Machiavelian doctrine was Machiavelli, who in Greene's day was generally believed in England to have perished like Judas, by his own hand.* "Предаіе, о которомъ говоритъ Симпсонъ—если оно дѣйствительно существуетъ—тогда только имѣло бы силу доказательства, если бы Гринъ, утверждалъ что *the broacher of this diabolical atheisme умеръ смертью Іуды*. Но Гринъ этого не утверждаетъ: онъ выражается фигурально и изъ его словъ можно вывести только то, что неизвѣстный заводчикъ атеизма, подобно Юліану отступнику, Каину и Іудѣ погибъ ужасною смертью.

(⁴⁷) Единственный пунктъ, въ которомъ Марло и Кэттъ сходятся, пришедши къ нему впрочемъ различными путями, это—отрицаніе божественности І. Христа. Вѣроятно на этомъ основаніи Майльсъ Дэвисъ (*Myles Davies*), писатель начала XVIII в. (въ своихъ *Athenae Britannicae vol. II. 376—377*) говоря объ аріанизмѣ Льюза, Гэмонта и Кэтта, причисляетъ къ ихъ сектѣ и Марло. Мнѣніе Дэвиса осталось неизвѣстно Дейсу, хотя вѣроятно, что оно-то и внушило Мэлону его догадку объ отношеніяхъ Кэтта къ Марло.

(⁴⁸) *Wallace, Antitrinitarian Biography*, vol. I, p. 3 etc.

(⁴⁹) *Bloomfield, History of Norfolk*, vol. III, p. 290. Первымъ мученикомъ унитаріанизма въ Англіи былъ голландецъ *Georg van Parr*, созженный въ Норричѣ въ 1542. Тамъ же были созжены его послѣдователи *Mathew Hamont* (1579), *John Lewes* (1583) и *Frencis Kett* (1589).

(⁵⁰) Къ 1585 Фр. Кэттъ издалъ сочиненіе *The Glorious and beautifull Garland of Man's glorification*. Сочиненіе это авторъ посвятилъ Елисаветѣ; посвященіе было принято королевой, чего конечно не могло случиться, если бы оно заключало въ себѣ какія бы то ни было еретическія мнѣнія.

(⁵¹) Cooper, *Athenæ Cantabrigienses* vol. II p. 38. Вотъ біографическія подробности о Кэттѣ, которыя находятся въ сочиненіи Купера, писавшаго на основаніи официальныхъ документовъ: France Ket, alias Knight, was born in Norfolk, probably at Wymondham. In 1566 he was admitted of Corpus Christi College and proceeded B. A. in 1569 and M. A. in 1573. In the latter year he was elected a fellow of his college. He retained his fellowship till 1580, when he left the university but on what account is unknown. etc. А Марло былъ матрикулированъ въ Кэмбриджъ только 17 марта 1580 г. (Dyce *Some Account of Marlowe*. p. XIII).

(⁵²) Machiavel par Nourrisson. Paris 1875. p. 4.

(⁵³) *Elogia doctorum virorum* 1557. p. 192.

(⁵⁴) См. главу XLVII сочиненія Artaud, *Machiavel, son génie et ses erreurs*, Paris 1833, гдѣ приведено множество подобныхъ отзывовъ о Маккиавелли.

(⁵⁵) Сочиненіе это, вышедшее по испански въ 1595, было въ 1603 переведено на латинскій языкъ подѣ слѣдующимъ заглавіемъ: *Principis Christianus, adversus Machiavellum, Moguntiae* 1603. Въ предисловіи къ читателю (Ad lectorem) ученый іезуитъ такимъ образомъ выражается о послѣдователяхъ Маккиавелли: *Politici et Machiavelli sectatores nullam religionem agnoscunt, veræ falsaeque delectum ac discrimen tollunt; religionem igitur heretici ex parte, politici omnino respuunt etc.*

(⁵⁶) ... Let Florence testifie this to all posteritie succeeding, where that Monster Machiavell first begann to budde, who hath now spreadde abroad his deadly branches of Atheisme over the most countries in Christendome, insomuch as fewe places but are so well acquainted with his doctrine, that the whole course of mens lives almost every where is nothing else but a continuall practice of his preceptes etc. Того же взгляда держится французскій богословъ XVII в. Marin Mersenne другъ, Декарта, въ своемъ громадномъ сочиненіи, *Quaestiones celeberrimæ in Genesim*, Lutetiae Parisiorum 1623 in folio, выражающійся о Маккиавелли такимъ образомъ: *Nicolaus Machiavellus atheorum huius saeculi facile princeps etc.*

(⁵⁷) Стоитъ напр. припомнить слѣдующее мѣсто изъ его Discorsi: Considerato adunque tutto, conciudo, che la religione introdotta da Numa fu tra le prime cagioni della felicità di quella città, perche quella causò buoni ordini, i buoni ordini fanno buona fortuna, e dalla buona fortuna nacquero i felici successi delle imprese. E come la osservanza del culto Divino e cagione della grandezza delle repubbliche, così il dis-

pregio di quello e cagione della rovina di esse (Lib. I, cap. XI). Или: Quelli principi o quelle repubbliche, le quali si vogliono mantenere incorrote, hanno sopra ogni altra cosa a mantenere incorrote le ceremonie della religione, e tener le sempre nella loro venerazione. Perché nissuno maggiore indizio si puote avere della rovina d'una provincia, che vedere dispregiato il culto Divino etc. (ibid. cap. XII).

(⁵⁸) Сравненіе язычества съ Христіанствомъ сдѣлано Маккиавелли во второй главѣ второй книги Discorsi.

(⁵⁹) That there are such (т. е. атеисты) amongst us, even in these times, wherein we live, let the testimonie which *one of that crew gave lately of himself, when the heavy hand of God by sickness summoned him to give an accompt of his dissolute life.* При этомъ онъ приводитъ анекдотъ, заимствуя его изъ *Repentance* Грина и заключаетъ слѣдующими словами: the voyce of a meere atheist and so afterwards he pronounced of himself, when he was checked in conscience by the mightie hand of God. And yet this fellowe in his life-time and in the midst of his greatest ruffe, had the presse at commandement to publish his lascivious pamphlets, where he infected the hearts of many young gentlemen and others with his poisonfull platforms of love and divillish discourses of fancies etc.

(⁶⁰) См. Письмо Стаунтона въ *Athenaeum* 1874 Февраля 7 и статью Симпсона *Greene on Nash*, помѣщенную въ *Academy* 1874, Апрѣля 11 и перепечатанную въ *Shakspeare's Allusion Books. Part I. London 1874.* Въ подтвержденіе взгляда Стаунтона и Симпсона можно еще привести то обстоятельство, что прозвище юнаго Ювенала, данное Гринемъ Нашу, такъ за нимъ и осталось. Въ 1598 г. извѣстный критикъ Миресъ, говоря о преслѣдованіяхъ, обрушившихся на Нашу за его пьесу *Isle of Dogs*, называетъ его юнымъ Ювеналомъ: As Actaeon was worried by his own hounds, so is Th. Nash of his Isle of Dogs. Dogges were the death of Euripides; but be not disconsolate gallant young Juvenal: Lemias the son of Apollo, died the same death etc.

(⁶¹) Гарвей въ своихъ *Четырехъ Письмахъ* приводитъ другую редакцію этого письма (Dyce, *Account of R. Greene* p. 57), болѣе краткую, которая объясняется тѣмъ, что Гарвей сообщаетъ содержаніе письма Грина на память. Впрочемъ въ сущности обѣ эти редакціи сходны между собою.

(⁶²) Отзывы эти приведены у Дейса (*Account of R. Greene* p. 58).

(⁶³) Единственный экземпляръ этого любопытнаго произведенія хранится въ Bodleian Library въ Оксфордѣ. За доставленіе дипломати-

чески-вѣрнаго списка съ него мы обязаны глубокой благодарностью извѣстному англійскому публицисту Фрэдерику Гарриссону.

(⁶⁴) *Four Letters* Гарвея упоминаются въ Registers подъ 4 декабря 1592, а нѣсколько дней спустя, именно 8 декабря, въ нихъ уже записанъ памфлетъ Четтля, заключающій въ себѣ отвѣтъ его на клеветы Гарвея. Такую быстроту можно объяснить развѣ только тѣмъ, что издатель памфлета Гарвея далъ Четтлю прочесть его въ корректурѣ.

(⁶⁵) Слова эти приводитъ Las Cases въ *Mémorial de Saint-Hélène*: „On vous dit encore, que quand on connaît le caractère d'un homme on a la clef de sa conduite; c'est faux: tel fait une mauvaise action, qui est foncièrement honnête homme; tel fait une méchanceté, sans être méchant. C'est que presque jamais l'homme n'agit pas par l'acte naturel de son caractère, mais par une passion secrète du moment, réfugiée, cachée dans les derniers replis du coeur.“

(⁶⁶) Бернгарди (въ *Robert Greene's Leben und Schriften* S. 11) утверждаетъ, что *Mirroure of Modestie* Грина была написана раньше Мамилли. Въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ ссылается на Registers, гдѣ подъ 7 апрѣля 1579 дѣйствительно упоминается о какомъ-то произведеніи подъ заглавіемъ *Mirroure of Modestie*, впрочемъ безъ означенія имени автора. Но это очевидно недоразумѣніе, порожденное сходствомъ заглавій: *Mirror of Modestie*, о которомъ упоминается въ Registers подъ 7 апрѣля, принадлежитъ не Грину, а какому-то Томасу Солтеру. (Collier, *Bibliographical Catalogue*, vol. II, p. 312 et sequ).

(⁶⁷) Вотъ полное заглавіе Мамилліи: *Mamillia. A Mirroure or looking glasse for the Ladies of England: wherein is deciphered, how gentlemen under the perfect substance of pure love are oft inveigled with the shadowe of lewde lust and their firme faith, brought a sleepe by fading fancie: until wit joyned with wisdom doth awake it by helpe of reason. By Robert Greene, Graduate in Cambridge. London 1583 г.*

(⁶⁸) Въ стихотвореніи въ честь автора, предпосланномъ ей, говорится:

Greene is the plant, Mamillia the flower

Cambridge the plat, where plant and flower grows etc.

А подъ посвященіемъ ея стоитъ подпись Clare Hall (названіе одной коллегіи въ Кэмбриджѣ) 7 іюня 1583 г.

(⁶⁹) О причинахъ этого замедленія не лишены значенія соображенія Бернгарди (См. *Robert Greene's Leben und Schriften* S. 11—13.)

(⁷⁰) Желających познакомиться съ содержаніемъ романа Лилли отсылаемъ къ нашему сочиненію *Предшественники Шекспира*, Т. I, примѣчаніе 164.

(⁷¹) Древнѣйшее изъ дошедшихъ до насъ изданій *Арбасто* отно-

сится только къ 1594. (W. C. Hazlitt, *Handbook to early english Literature* p. 242). Судя по тому, что оно издано тѣмъ же книгопродавцемъ (Hugh Jackson), которому разрѣшено было издать его десять лѣтъ раньше, можно думать, что это было не первое изданіе.

(72) Повѣсть эта была издана въ 1584 г. книгопродавцемъ Эдвардомъ Уайтомъ. Упоминаніе ея въ Registers (8 августа 1586 г.) по всей вѣроятности относится ко второму ея изданію, вышедшему въ свѣтъ въ 1587 г. (съ приложеніемъ второй части) иждивеніемъ того же издателя. Посвященіе графу Аровделю непременно должно быть отнесено къ 1584 г., потому что уже въ слѣдующемъ году графъ былъ заключенъ въ Тауеръ по обвиненію въ государственной измѣнѣ.

(73) Вотъ полное заглавіе этой повѣсти: *Morando, the Tritameron of Love, wherein certaine pleasant conceites, uttered by divers worthy personages are perfectly discoursed and three doubtfull questions of Love most pithely and pleasantly discussed: shewing to the wise how to use Love and to the fonde, how to eschew lust and yeeldind to all both pleasure and profit.*

(74) Спѣшимъ исправить маленькую неточность, вкравшуюся въ прекрасную, хотя нѣсколько парадоксальную статью Симпсона о Гринѣ, помѣщенную во второмъ томѣ его посмертнаго труда *The School of Shakspeare* London 1878. На стр. 342. Симпсонъ утверждаетъ, что *Planetomachia* Грина was both registered and published in 1585. Въ Registers мы не нашли упоминанія о ней, хотя несомнѣнно, что она была издана въ 1585. Подобныхъ мелкихъ недосмотровъ не мало у Симпсона: такъ напр. онъ говоритъ (на страницѣ 344), что перепечатка *Morando* (съ прибавленіемъ второй части) была разрѣшена 8 Августа 1587 г., тогда какъ на самомъ дѣлѣ это случилось годомъ раньше (A Transcript of Stationer's Registers, ed by Arber, vol. II p. 209. b) На той же страницѣ Симпсонъ, ссылаясь на англійскаго бібліографа Герберта, утверждаетъ, что *Перемидъ Кузнецъ* былъ разрѣшенъ тоже въ 1587, между тѣмъ какъ въ Registers сказано съ ясностью, недопускающею никакихъ сомнѣній: Anno Domini 1588, 29 die Marcii, allowed unto him (т. е. издателю, Эдварду Уайту) for his copie a boone intituled *Peremides, the Blacksmith* etc.

(75) Дейсъ, которому не было извѣстно изданіе *Penelope's Web* 1587 хранящееся въ Bodleian Library въ Оксфордѣ (Hazlitt, *Hand-book to early English Literature, sub voce*) считалъ изданіе 1601—древнѣйшимъ (см. *List of Greene's Prose works* въ его изданіи драматическихъ произведеній Грина).

(76) Въ Registers она упоминается подъ 18 сентября 1587 г., и въ

томъ же году она была издана книгопродавцемъ Эдвардомъ Уайтомъ. Мы пользовались прекрасно-сохранившимся экземпляромъ этого изданія, нынѣ составляющаго собственность библіотеки британскаго музея.

(⁷⁷) Здѣсь Гринъ разумѣетъ знаменитое въ XVI в. сочиненіе графа Бальдассара Кастильоне (1478—1529) *Il libro del cortegiano*, вышедшее впервые въ Венеціи въ 1528 г. Въ 1561 оно уже было переведено на англійскій языкъ Томасомъ Гобби.

(⁷⁸) *Peremides, the Blacksmith* упоминается въ Registers подъ 29 марта 1588. Первое его изданіе вышло въ томъ же году. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ оно было перепечатано Колльеромъ? начавшимъ съ него свою серію *Miscellaneous Tracts, tempore Eliz. und Jac. I.* London 1870. Что до знаменитой повѣсти *Пандосто*, то она пропущена въ Registers, хотя и была издана въ 1588.—Съ *Альцидой* случилось совершенно наоборотъ: она внесена въ Registers 9 декабря 1588, а древнѣйшее изъ дошедшихъ до насъ изданій ея относится только къ 1617 г. Несомнѣнно впрочемъ, что должно было существовать изданіе *Альциды* гораздо болѣе древнее, потому что восторженный почитатель Грина, нѣкто R. B., авторъ памфлета *Greene's Funerals*, London 1594, включилъ *Альциду* въ число извѣстнѣйшихъ произведеній Грина.

(⁷⁹) Въ виду важности этого мѣста, мы считаемъ не лишнимъ привести его вполнѣ: „I keep my old course—говоритъ Гринъ—of palter up some thing in prose, using mine old posy (девизъ) still *omne tulit punctum*, aethough lately two Gentlemen Poets made two madmen of Rome beate it out of their paper bucklers and had it in derision, for that I could not make my verses jet upon the stage in tragicall buskins, every word filling the mouth like the faburden (крики) of Bo-Bell (уличный звѣвака), daring God out of heaven with that atheist *Tamberlain*, or blapheming with the mad priest of the sun“.

(⁸⁰) But let me rather (продолжаетъ Гринъ) openly pocket up the asse at Diogenes hand than wantonly set out such impious instances of intollerable poctrie.—Such mad and scoffing poets that have poetical spirits as bred of Merlin's race, it there be anye in England that set the end of Scholarism in an English blank verse etc.

(⁸¹) Она была перепечатана Колльеромъ въ первомъ томѣ его *Shakspeare's Library* London 1843, а въ недавнее время Гэцлитомъ въ четвертомъ томѣ изданнаго имъ собранія источниковъ Шекспировыхъ пьесъ (*Shakspeare's Library, A collection of the Plays, Romances, Novels, Poems and histories, employed by Shakspeare in the composition of his works.* London. 1875, 5 томовъ). Содержаніе ея подробно изло-

жено Симрокомъ въ *Quellen des Shakspeare's* и Фр. Гюю въ четвертомъ томѣ его *Oeuvres Complètes de Shakspeare*. Шакъ (въ *Geschichte der dramatischen Literatur in Spanien*, Band. II, S. 338), отправляясь отъ того факта, что одна изъ драмъ Лопе де Веги *El Marmol de Felsardo* представляетъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ разительное сходство съ *Зимней Сказкой* Шекспира и не допуская возможности знакомства Лопе съ новеллой Грина, послужившей источникомъ для пьесы Шекспира, высказалъ догадку, что Гринъ и Лопе должны были пользоваться однимъ общимъ источникомъ. Догадка эта подтверждается въ новѣйшее время изслѣдованіями Каро (*Ueber die eigentliche Quelle des Wintermärchens* въ *Magazin für die Literatur des Auslandes* 1863 № 33), который весьма основательно доказываетъ, что источникомъ повѣсти Грина служила какая нибудь неизвѣстная намъ литературная обработка польскаго сказанія о трагической участи второй супруги герцога Мазовіи Земовита. Сказаніе это занесено современникомъ архіепископомъ гнѣзненскимъ Чарнковскимъ въ его хронику, изданную во второмъ томѣ *Sommersberg, Regum Silesiacarum Scriptores. Lipsiae 1729—1732*. Изъ хроники Чарнковскаго или изъ литературной обработки ея Гринъ могъ заимствовать курьезное свѣдѣніе, перенесенное также и Шекспиромъ въ свою драму, что Богемія была приморская страна.

(⁸²) Вѣроятно на этомъ основаніи въ *Registers* подъ ея entry вмѣсто обычныхъ шести пенсовъ, взимаемыхъ съ каждой разрѣшенной къ изданію книги, стоитъ слѣдующая надпись: *no sum stated*.

(⁸³) Subtil are women, then it men behoves.

To read, sweet friend, and over-read thy bookes.

To teach us ware of women's wanton looks.

(⁸⁴) Knight, *The Popular History of England*, London 1857, vol. II, p. 238.

(⁸⁵) Въ *Registers* онъ записанъ подъ 1 февраля 1589 г.

(⁸⁶) Гринъ ссылается на слѣдующія слова Аріосто:

Quivi una bestia uscir de la foresta

Parea di crudel vista, odiosa e belle

L'havea l'orechie d'Asino e la testa di Lupo etc.

(⁸⁷) Froude, *History of England from the Fall of Wolsey to the defeat of the Spanish Armada. Longman's Edition. London. 1870. Vol. XII. p. 355.*

(⁸⁸) ... Ton nom, (mon Greene), animé par mes vers.

Abaisse l'oeil des gens séditions,

Tu de mortels est compagnon des dieux etc.

Симпсонъ (*The School of Shakspeare, vol. II, p. 364*) думаетъ, что подъ именемъ *gens seditieux* здѣсь разумѣются пуритане, около этого времени выступившіе въ лицѣ Джона Пенри (Мартина Марпрелата) противъ англиканской церкви. По нашему же мнѣнію естественнѣе видѣть въ *gens seditieux* католиковъ, противъ которыхъ главнымъ образомъ направленъ и самый памфлетъ Грина.

(⁸⁹) Хотя древнѣйшее изъ дошедшихъ до насъ изданій *Аркадіи* Сиднея помѣчено 1590 г., но что она впервые вышла два года раньше—это доказывается во 1) упоминаніемъ ея въ *Registers* подъ 23 августа 1588 г. и во 2) тѣмъ, что Puttenham въ своемъ *The Arte of English Poesie*, разрѣшенномъ къ изданію 9 ноября 1588, ссылается на *Аркадію*, какъ на всѣмъ извѣстное произведение. (Collier, *Bibliographical catalogue, vol. II. sub voce*).

(⁹⁰) До сихъ поръ существуетъ увѣренность, раздѣляемая даже такими авторитетами какъ Дейсъ и Колльеръ, что Менафонъ Грина впервые появился въ 1587 г., хотя никому до сихъ поръ не удавалось отыскать это изданіе. Гэзлитъ, повидимому тоже вѣрующій въ его существованіе, счелъ однако нужнымъ прибавить, что объ этомъ изданіи онъ не можетъ сообщить никакихъ свѣдѣній. (*Hand-book to the early English Literature p. 238.*) По нашему мнѣнію вѣра въ существованіе этого древнѣйшаго изданія основана на простомъ недоразумѣніи, такъ не рѣдко въ лѣтописяхъ литературы. Причины на основаніи которыхъ, я считаю изданіе 1589—древнѣйшимъ изложены мной подробно въ статьѣ *The date of Greene's Menaphon* помѣщенной въ англійскомъ библиографическомъ изданіи *Notes and Queries 1873 т. 3 Декабря*.

(⁹¹) Попытка разъясненія этой загадки сдѣлана Симпсономъ (См. его *School of Shakspeare, vol II. p. 355—356 и 370—312.*), который предполагаетъ, что подъ именемъ необразованнаго пастуха Дорона Гринъ вывелъ Штекспира.

⁹²) Come forth you wits, that vaunt the pomp of speech.

And strive to thunder from a stageman's throat;

View Menaphon, a note beyond your reach,

Whose sight will make your drumming descant doat.

Players, avaunt! You know not to delight;

Welcome, sweet shepherd, worth a scholars sight.

(⁹³) Когда героиня романа Самела отвѣтила на обращенные къ ней любезности Мелицерта энфуизмами въ духѣ Лилли, Гринъ прибавляетъ отъ себя въ шутливомъ тонѣ: „Samela made this reply because she heard him so superfine, as if Ephebus (одно изъ лицъ романа

Лилли, другъ Эвфуэса) had learned him to refine his mother's tongue; wherefore though he had done it of an inkhorn desire to be eloquent and Melicertus thinking, the Samela had learned with Lucilla (героиня Эвфуэса) to anatomize wit and speak none but *similes* imagined she smoothed her talk to be thought like Sapho, Phaos paramour. (Намекъ на комедію Лилли Сафо и Фаонъ). Въ другомъ мѣстѣ онъ сопровождаетъ объясненіе въ любви Кармелы и Дорона слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Thus end this merry eclogue betwixt Doron and Carmela, which, Gentlemen, if it be stuffed with pretty similes and farfetched metaphors, think the poor conuntry-lovers knew no further comparisons, that came within compass of their country logic“.

(⁹⁴) *Ciceronis Amor, Tullius Love. London, 1589* г. Единственный экземпляръ этого древнѣйшаго изданія составляетъ собственность частнаго лица въ Англіи, (Корсера). Мы пользовались однимъ изъ позднѣйшихъ изданій 1605, принадлежащимъ библіотекѣ Британскаго Музея.

(⁹⁵) Это было впервые замѣчено Гэзлитомъ (См. его *Collections and Notes, London 1876, p. 192*). Древнѣйшее изъ дошедшихъ до насъ изданій Orpharion'a относится къ 1599, но существованіе болѣе древнихъ изданій несомнѣнно доказывается тѣмъ, что въ *Greene's Funeralls. London 1594* повѣсть эта упоминается на ряду съ другими извѣстными произведеніями Грина. Въ предисловіи къ читателямъ Гринъ говоритъ, что Orpharion пролежалъ у книгопродавца цѣлый годъ. А если такъ, то едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что сохранившаяся о немъ въ *Registers entry* отъ 9 февраля 1590 г. относится къ его первому изданію. Не понимаемъ, какъ послѣ всего этого у Колльера могло возникнуть сомнѣніе относительно подлинности Orpharion'a.

(⁹⁶) Въ подлинникѣ этомъ сборникъ, какъ свидѣтельствуется самъ Гринъ, носилъ названіе *La Burza Reale* и былъ посвященъ неизвѣстнымъ авторомъ венеціанской сеньоріи. Единственный экземпляръ *The Royal Exchange* хранится въ *Chetham Library* въ Манчестерѣ. Онъ носитъ слѣдующее заглавіе: *The Royal Exchange, containing sundry aphorismes of philosophie and golden principles of Morall and Natural Quadruplicities*. Что разумѣетъ Гринъ подъ этимъ послѣднимъ терминомъ можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Сообщается на примѣръ афоризмъ, что четыре вещи въ состояніи выгнать всякаго человѣка изъ дому, а затѣмъ и поименовываются самыя вещи: 1) *To much smoake*, 2) *A drooping roofoe*, 3) *A filthie ayre* и 4) *A brawling woman*. Считаю пріятнымъ долгомъ засвидѣтельствовать глубокую

благодарность уважаемому моему товарищу, проф. М. М. Ковалевскому, за доставленіе мнѣ копій съ этой величайшей библиографической рѣдкости.

(⁹⁷). По всей вѣроятности вслѣдствіе оплошности писца памфлетъ этотъ совсѣмъ пропущенъ въ *Registers*, но изданіе его, помѣченное 1590 годомъ, находится въ библіотекѣ Британскаго музея. Памфлетъ состоитъ изъ двухъ частей, имѣющихъ каждая свое особое посвященіе сэру Томасу Барнби, на средства котораго онъ былъ изданъ. „Книжка моя не велика“, пишетъ Гринъ въ предисловіи къ первой части, но основана на великомъ принципѣ: *Nunquam sera est ad bonos mores via*; въ ней я разоблачаю всѣ ухищренія богини любви и показываю какъ на ладони всю предосудительность любовныхъ увлеченій“. Эпиграфомъ къ первой части служить старинный девизъ Грина: *Omne tulit punctum*; эпиграфомъ ко второй *Sero, sed serio*, тотъ самый, который красуется на заглавномъ листкѣ *Mourning Garment*, какъ знакъ того, что съ этихъ поръ литературная дѣятельность его принимаетъ новое направленіе.

(⁹⁸).... The more it works, the quicker is the wit,
The more it writes, the better to be' steem'd,
By labour ought men's wills and wits be' deem'd,
Though dreaming dunces do inveigh against it;
But write thou on, though Momus sit and frown
A carter's jig is fittest for a clown.

(⁹⁹) Въ подлинникѣ *I cannot Martinise*. Этими словами Гринъ намекаетъ на современнаго пуританскаго агитатора, извѣстнаго подъ псевдонимомъ Мартина Марпрелата, который въ своихъ памфлетахъ самымъ площаднымъ образомъ поносилъ англиканскую церковь и ея защитниковъ, въ числѣ которыхъ были Лилли и Нашъ, а можетъ быть и самъ Гринъ.

(¹⁰⁰) Батилль—бездарный римскій поэтъ, который приписывалъ себѣ нѣкоторыя произведенія Виргилія.

(¹⁰¹) *Robert Greene's Leben und Schriften* S. 40. et sequ.

(¹⁰²) Нашъ въ *Have with You to Saffron Walden*, 1596 говоритъ, что прихвостникъ (hang-by) Гарвея, нѣкто *Valentine Bird*, писалъ противъ Грина. Не былъ-ли онъ авторомъ *The Defence of Connycatching*?

(¹⁰³) Какъ это дѣлаетъ напр. Rimbault, издавшій *Kind-heart's Dream* Четтля для *Percy Society* (London 1842), а за нимъ и Дэйсъ (см. Account of R. Greene въ его изданіи сочиненій Грина. London 1861 (Routledge) p. 70. Примѣчаніе.

(104) „Gentlemen — говоритъ онъ въ предисловіи къ *The Blacke-bookes Messenger*, писанномъ уже во время болѣзни—I know you have long expected the coming forth of my *Blacke-Booke*, which I have long promised and which I had many days since finished had not sickness hindered my intent. Nevertheless be assured it is the first thing I meane to publish after I am recovered. This *Messenger* to my *Blacke-Booke* I commit to your courteous censures, being written before I fell sick etc.

(105) 22 Aug. 1592: entred for his (John Danter) copy a booke intituled *The Repentance of a Conycatcher*, with the life and death of Mourton and Ned Browne, two notable conycatchers.

(106) Колльеръ (*Bibliographical Catalogue*, vol I., p. 264) склоненъ думать, что *Euphues Shadow* принадлежитъ самому Грину, который, пользуясь отсутствіемъ Лоджа изъ Англіи (Лоджъ отплылъ 26 Августа 1591 съ Кавендишемъ въ кругосвѣтлое плаваніе) безъ церемоніи выставилъ подъ своею повѣстью имя отсутствующаго друга. Побужденія, руководившія Гриномъ при совершеніи этого невиннаго подлога, состояли, по мнѣнію Колльера, въ томъ, что онъ думалъ такимъ образомъ возбудить къ своей повѣсти большой интересъ въ публикѣ, такъ какъ его собственное имя и безъ того слишкомъ часто являлось въ печати.—Мнѣніе свое Колльеръ основываетъ главнымъ образомъ на поразительномъ сходствѣ стиля *Euphues Shadow* съ стилемъ любовныхъ памфлетовъ самого Грина. Не смѣя спорить съ англійскимъ ученымъ относительно стилистическихъ тонкостей, мы думаемъ однако, что всякое стилистическое доказательство болѣе или менѣе субъективно и не можетъ имѣть силы научнаго доказательства, если оно не подкрѣплено еще другими, болѣе вѣскими соображеніями. Соображенія же, приводимыя Колльеромъ въ защиту своей гипотезы не кажутся намъ достаточно убѣдительными. Грину не зачѣмъ было прикрывать свой товаръ флагомъ Лоджа, потому что его имя было гораздо болѣе популярно чѣмъ имя Лоджа; и памфлетъ, имъ подписанный, всегда имѣлъ болѣе шансовъ быть раскупленнымъ чѣмъ памфлетъ Лоджа или какого-нибудь другаго современнаго писателя.—

(107) Хотя древнѣйшее изъ дошедшихъ до насъ изданій *Филомелы* относится только къ 1615, но изъ упоминанія ея въ *Registers* подъ 1 Юля 1592 г., а равно также изъ того, что авторъ *Greeke's Funeralls* London 1594 помѣщаетъ ее въ число наиболѣе извѣстныхъ произведеній Грина, мы имѣемъ полное право заключить, что она вышла въ свѣтъ еще при жизни Грина.

(¹⁰⁸) Dunlop's, *Geschichte der Prosadichtungen, deutsch von Felix Liebrecht*. Berlin 1851. S. 435—437.

(¹⁰⁹) Известно, что Ричардъ Гарвей занимался астрологіей и предсказалъ землетрясеніе, которое должно было причинить страшныя бѣдствія въ Англіи. Предсказаніе Гарвея сильно взволновало умы, и суевѣрный народъ съ замираніемъ сердца ждалъ наступленія роковаго дня, назначеннаго Гарвеемъ. Когда же этотъ день прошелъ благополучно, то предсказатель былъ поднятъ на смѣхъ. Нашъ въ своей *Anatomie of Absurditie* вывелъ астролога-шарлатана, смущающаго публику своими нелѣпыми предсказаніями, а известный комикъ Торльтонъ осмѣялъ Гарвея съ подмостковъ сцены.

(¹¹⁰) „Not me alone did he (Ричардъ Гарвей) revile and dare to the combat.... He mistermed all our other poets and writers about London piperly wake-plaies and make bates. Hence Greene, being chief agent for the companie (for he writ more than four other) took occasion to cauvaze him a little in his *Cloth-breeches and Velvet breeches* and because by some probable collections he gest the elder brothers hand was in it, he coupled them both in one yoke. (*Strange News*, L. 1592, ed. by Collier въ его *Miscellaneous Tracts temp. Eliz. and Jac.* I. Part II)

(¹¹¹) См. предисловіе къ его изданію этой поэмы въ *Shakspeare's Society's Publications* за 1841 годъ, а также его *Bibliographical Catalogue*, vol. II. p. 427—432. Основываясь на начальныхъ буквахъ F. T. Колльеръ считалъ авторомъ поэмы Фрэнсиса Тайна (Francis Thynne), но не такъ давно Furnivall, основатель новаго Шекспировскаго Общества, въ предисловіи къ своему изданію *Animadversions* Тайна доказалъ, что послѣдній не могъ быть авторомъ поэмы и что буквы F. T. выставлены на заглавномъ листѣ ея нарочно съ цѣлью сбить съ толку любопытныхъ.

(¹¹²) Въ послѣднее время онъ былъ дважды перепечатанъ, во первыхъ Колльеромъ въ его *Miscellaneous Tracts temp. Eliz and Jac.* I, Part III и Чарльзомъ Гиндли (Hindlly) въ его *Miscellanea Antiqua Anglicana*. London 1871.

(¹¹³) Описаніе этого перевода можемъ найти въ *Notes and Queries* 1851 г. 8 февраля.

(¹¹⁴) См. его предисловіе къ *Kind-Heart's Dream* London 1593 г. Свидѣтельство Четтля заслуживаетъ довѣрія, потому что онъ, какъ человѣкъ расположенный къ Грину, не сталъ бы приписывать ему произведеніе, которое во всякомъ случаѣ бросаетъ тѣнь на него и на весь литературный кружокъ, въ которомъ онъ вращался. Изданіе Четтля, упоминаемое въ *Registers* подъ 20 Сентября 1592, не дошло

до насъ. Древнѣйшее изъ дошедшихъ до насъ изданій *Groatsworth of Wit* относится къ 1596 г. Оно находится въ частныхъ рукахъ. Описание его сдѣлано Корсеромъ въ *Notes and Queries* 1851 г. Юля 14.

(¹¹⁵) *Предшественники Шекспира*, Спб. 1872 г. стр. 214.

(¹¹⁶) Это любопытное предисловіе сохранилось только въ изданіи 1596 г. Неповнятно, какимъ образомъ оно ускользнуло отъ вниманія Дэйса, хотя Корсеръ въ своемъ описаніи перепечаталъ его вполнѣ.

(¹¹⁷) *Shakspeare's Zeitgenossen und ihre Werke*. Band III, S. 67.

(¹¹⁸) *Repentance* Грина было заподозрѣно между прочимъ и Коллье-ромъ: „This tract, говоритъ онъ, is imputed by Dyce to Greene, but it appears to have been written by Luke Hutton, who was afterwards executed for robbery. He himself acknowledged the work in the dedication to a piece he published prior to 1600. (*Notes and Queries*, 1862, April 26). Основываясь на мнѣніи такого авторитета какъ Коллье-ръ, W. C. Hazlitt (въ своей *Hand-book to the early English Literature* p. 289) уже прямо приписываетъ *Repentance* Лукъ Гаттону и говоритъ, что самъ Гаттонъ призналъ это сочиненіе своимъ въ предисловіи къ своей поэмѣ *The Blacke-Dogge of Newgate*. Дѣйствительно въ предисловіи къ этой поэмѣ Гаттонъ упоминаетъ о *Repentance*, но о своемъ собственномъ, которое онъ какъ бы желаетъ отягчить отъ другаго произведенія подъ тѣмъ же заглавіемъ: „Gentle readers—говоритъ онъ—for my *Repentance* was so welcome and so much the better because it was mine“, такъ что изъ предисловія Гаттона можно съ большимъ правомъ вывести совершенно обратное заключеніе. Притомъ же изъ описанія *Repentance* Гаттона, сдѣланнаго Куперомъ (въ его *Athenae Cantabrigienses* vol. II., p. 540) видно, что это не памфлетъ, а стихотворная поема.

(¹¹⁹) *Shakspeare's Dramatische Kunst. Dritte Auflage*. Leipzig 1868 I часть, стр. 166. Примѣчаніе.

(¹²⁰) *Shakspeare's Zeitgenossen und ihre Werke*. III. Band. S 59.

(¹²¹) Мы цитируемъ по экземпляру Bodleian Library въ Оксфордѣ, Oh, I feele a hell already in my consience; the numbers of my sinnes do muster before my eies; the poor men's plaints, that I have wronged, cries out in mine eares and saith: Robert Greene, thou are damned! Now I do remember (though to late) I have read in the Scriptures, how neither adulterers, swearers, theeves, nor murderers shall inherit the kingdom of Heaven. What Hope then can I have of any grace, when *I exceeded all other in these kind of sinnes*.

(¹²²) *The Repentance of R. Greene, Maister of Arts*. London 1592.

Printed for *Cuthert Burbie* and are to be sold at the middle shop in the Poultry.

(123) По мнѣнію Донлопа въ основѣ заключительнаго эпизода Филомелы лежитъ повелла Боккаччо о Титѣ и Гезинпѣ. (Dunlop, *Geschichte der Prosadichtungen, deutsch von Liebrecht*. Berlin 1851. S. 437. Не навѣяна ли также и основная тема Филомелы, испытаніе женской вѣрности, той знаменитой новеллой Боккаччо, (*Giornata Seconda, Novella Nona*), которая легла въ основу шекспировскаго Цимбеллина?

(124) Сказаніе это, записанное современникомъ архіепископомъ гнѣзненскимъ Чарнковскимъ, помѣщено во 2-мъ томѣ Sommersberg, *Rerum Silesiacarum Scriptores*. Leipzig 1729—1732. См. статью Каро въ *Magazin für die Literatur des Auslandes* за 1863, N. 33.

(125) По свидѣтельству Wood'a, приводимому Дейсомъ (Account of R. Greene p. 37 примѣчаніе) произведенія Грина were pleasing to men and women of his time; they made much sport and were valued among schollars, а неизвѣстный поклонникъ Грина такъ выражается объ его искусствѣ морализировать свои любовные сюжеты:

His gadding Muse, although it run of love,
Yet did he sweetly moralise his songs,
No ever gave the looser cause to laugh
No men of judgement for to be offended.

(*Greene's Funeralls* by R. B. London 1594).

Единственное исключеніе составляютъ двѣ комическія сцены, въ драматическихъ произведеніяхъ Грина, которыя сильно отзываются таверной.

(126) См. *The Description of Silvestro's Lady* (въ Морандо) или *Melcertus Descriptin of his Mistress* (въ Менафонѣ) и друг.

(127) См. въ особенности сонетъ о любви въ Менафонѣ, начинающейся словами: What thing is love? It is a power divine et sequ.

(128). См. превосходную колыбельную пѣснь Сефестін въ Менафонѣ:

Weep not, my wanton, smile upon my knee
When thou art oldthere's grief enough for thee etc.

(129) Fair fields, proud Flora's vaunt, why is't you smile,
Wheneas I languish?

You golden meads, why strive you to beguile

My weeping anguish (изъ Менафона).

(130) См. стихотвореніе въ *Groatworth of Wit*, начинающееся словами:

Deceiving world, that with alluring toys

Hast made my life the subject of thy scorn etc.

Это прекрасное стихотвореніе приобретаетъ особенное значеніе въ

виду того обстоятельства, что оно было написано Гриномъ уже на смертномъ одрѣ. Особенно паразительна послѣдняя строфа:

O that a year were granted me to live,

And for that year my former wits (талантъ) restored!

What rules of life, what counsel would I give,

How should my sin with sorrow be deplored.

But I must die of every man abhorred:

Time loosely spent will not again be won;

My time is loosely spent and I undone.

(131) Стэпльтонъ (Stapleton) въ предисловіи ко второй части *Милли* называетъ слогъ Грина *sugred happy style*. — Эллиотъ во французскомъ сонетѣ, предпосланномъ *Перемиду*, сравниваетъ заслуги Лилли и Грина по отношенію къ англійскому языку съ заслугами Маро и Боккаччо по отношенію къ языкамъ французскому и итальянскому и называетъ ихъ *deux raffineurs de l'Anglais*.

(132) *Предшественники Шекспира*. Спб. 1872, стр. 101—105.

(133) Мнѣніе это высказано первымъ издателемъ комедій Лилли Эдвардомъ Блоунтомъ см. *Six Court Comedies. Written by the only rare poet of that time, the wittie, comical, facetiously—quiek and unparalleled John Lilly. London 1632. Adress to the Reader.* —

(134) Въ предисловіи къ *Менафону* Грина и въ своей *Anatomy of Absurditie* Нашъ сильно возстаетъ противъ неестественнаго слога современныхъ писателей и бросаетъ даже нѣсколько камешковъ въ огородъ самого Лилли. Когда же впоследствии Гарвей упрекалъ его въ томъ что онъ подражалъ слогу Грина, Нашъ насмѣшливо отвѣчалъ ему: *Do I talk of any counterfeid birds or stones or rake up any newfound poetry from under the walls of Troy? (Strange News, Colliers, Edition p. 75).*

(135) Дневникъ или скорѣе записная книжка Генсло, содержателя различныхъ частныхъ театровъ, *Rose, Fortune* и др. изданъ въ 1845 г. Колльеромъ для прежняго Шекспировскаго Общества.

(136) Предсказаніе Дэйса оправдалось на гипотезахъ Бернгарди, опровергнутыхъ Симпсономъ въ *Academy* 1874 г. Марта 24 и на гипотетической хронологіи Гриновыхъ пьесъ, предложенной англійскимъ ученымъ Флеемъ (Fleay, въ его *Shakspeare's Manual*, L. 1876), которыя почти столь же мало могутъ выдержать строгую критику какъ и гипотезы его предшественника.

(137) Въ *Repentance* Гринъ выражается до того неопредѣленно, что изъ его словъ можно, пожалуй, вывести совершенно противоположное заключеніе: *but after I had by degrees proceeded Maister of Arts, I*

left the University and away to London, where I became an *author of plays* and a penner of Love-Pamphlets, so that I soon grew famous in that quality etc.

(¹³⁸) Въ предисловіи къ *Penelope's Web* (1587 г.) Гринъ говоритъ, что его toys at the theatre of Rome (читай London) had been passed over with silence. Въ предисловіи къ *Перемиду*, писанному годъ спустя, онъ жалуется на какихъ-то двухъ поэтовъ, осмѣявшихъ его пьесу и говоритъ, что онъ по прежнему пишетъ прозой. (Мѣсто это приведено нами въ подлинникъ въ примѣчаніи 79). Этимъ заявленіямъ самого Грина о своихъ неудачахъ, заявленіямъ, въ которыхъ еще слышится личное раздраженіе, мы придаемъ болѣе вѣры нежели свидѣтельству *Never too Late* и *Groatsworth of Wit* о быстрыхъ успѣхахъ Франческо и Роберто на драматическомъ поприщѣ.

(¹³⁹) *Shakspeare's Dramatische Kunst, Dritte Auflage* I. Theil. s. 171. Мимоходомъ замѣтимъ, что похвалы нѣмецкаго критика Грину не совсемъ безкорыстны. Ульрици показалось, что Гринъ поступаетъ такъ не спроста, что онъ своимъ прологомъ хотѣлъ намекнуть на основную мысль пьесы, а извѣстно, что отысканіе въ каждой драмѣ основной мысли (Grundgedanke) составляетъ слабую струнку той критической школы, къ которой принадлежитъ Ульрици.

(¹⁴⁰) Къ удивленію это странное смѣшеніе эпохъ, лишающее пьесу Грина всякой иллюзіи, приводитъ въ восторгъ нѣкоторыхъ критиковъ. There is—говоритъ одинъ англійскій критикъ—a noble confusion of the associations of various religions systems and the charms of Medea are grotesquely intermingled with the oracles of Mahomet. (Ward, *History of English Dramatic Literature*, vol. I p. 220.

(¹⁴¹) Разстававъ съ музами, помогавшими ей въ сочиненіи Альфонса, Венера въ эпилогъ проситъ ихъ не уходить далеко отъ Парнасса, потому что она имѣетъ намѣреніе докончить жизнь Альфонса:

Meantime, dear Muses, wander you not far
Forth of the pass of high Parnassus hill,
That, when I come to finish up his life
You may be ready to succour me.

(¹⁴²) Что *Орlando* не могъ быть написанъ раньше уничтоженія непобѣдимой армады Филиппа II, т. е. раньше лѣта 1588, видно изъ одного мѣста, гдѣ довольно ясно намекается на это событіе:

.... and Spaniard tell, who mann'd with mighty fleets
Came to subdue my islands to their king,
Filling our seas with stately argosies etc.

Беригарди, относящій *Орlando* къ 1586 г., основываетъ свое мнѣ-

ніе на томъ фактѣ, что старинная пьеса *Локринъ*, написанная около этого времени, никакъ не позже 1586 г., заключаетъ въ себѣ два стиха чуть не буквально заимствованные изъ *Орlando*. Подобный фактъ имѣлъ бы рѣшающую силу только въ томъ случаѣ, если бы это заимствование находилось въ первомъ изданіи *Локрина*, но дѣло въ томъ, что первое изданіе этой пьесы не дошло до насъ, а второе относится только къ 1595 и, какъ значится на заглавномъ листѣ: *newly set forth, overseen and corrected*. Кто можетъ поручиться, что эти два стиха не принадлежатъ къ числу тѣхъ *corrections*, которыми на ряду съ заимствованиями изъ *Альфонса* Грина и изъ стихотворенія Пилла на отъѣздъ Дрэка изъ Англіи въ 1589, неизвѣстный передѣлыватель вздумалъ украсить старую и уже приглядѣвшуюся пьесу. Что до *Looking Glass*, то не имѣя возможности опредѣлить время ея происхожденія, мы можемъ только сказать, что она не могла быть написана послѣ лѣта 1589, потому осенью этого года Лоджъ, сотрудникъ Грина, далъ зарокъ не предаваться болѣе позорному занятію, т. е. не писать болѣе для сцены. Въ одномъ изъ стихотвореній, предпосланныхъ его *History of Glaucus and Scilla* L. 1589 (въ *Registers* она упоминается подъ 22 сентября 1589 г.) Лоджъ говоритъ, что Главкъ обязалъ его клятвой:

To write no more of that, whence shame doth grow,
Or tie my pen to penny—knaves delight
But live with fame and so for fame to write.

(¹⁴³) Эритея прекрасная дочь Геріона; отъ нея Гермесъ имѣлъ сына Конопа, славившагося своей красотой по всей Греціи (см. Jacobi—Bernard, *Dictionnaire Mythologique* sub voce).

(¹⁴⁴) Стоитъ сравнить слова Тамерлана къ Хозрою (Act. II, Sc. VII), эту апофеозу властолюбія, съмечтами о коронѣ нелѣпаго черкесскаго князя, высказываемыми имъ въ разговорѣ съ своимъ слугой, чтобъ убѣдиться, что Гринъ не с проста представилъ Сакрипанта въ комическомъ видѣ. Не былъ-ли Гринъ также авторомъ народни на *Тамерлана*, о которой упоминается въ *Registers* подъ 14 августа 1590 г: *The tho Comical Discourses of Tomberlein, the Scition Shepparde?*

(¹⁴⁵) Въ посвященіи своего памфлета *Mourning Garment* (1590) Лорду Комбэрланду Гринъ намекаетъ на свою пьесу, по всей вѣроятности только незадолго передъ тѣмъ поставленную на сцену, сравнивая себя съ Ниневіей, пробужденной отъ грѣховнаго сна грознымъ голосомъ пророка Іоны.... Having myself overweaned with them of Nineveh in publishing sundry wanton pamphlets and setting forth axioms of amorous philosophy, tandem aliquando taught with a feeling of my

palpable follies and hearing with the eares of my heart Jonas crying, *except thou repent*, as I have changed the inward affects of my mind, so I have turned my wanton words to effectual labours etc.

(¹⁴⁶) Генсло внесъ въ свою записную книжку отмѣтки о четырехъ представленіяхъ этой пьесы въ промежутокъ отъ 8 марта до 7 Іюня 1591. (*The Diary of Philip Henslowe*, ed. by Collier p. 23, 25, 28).

(¹⁴⁷) Англійскій ученый Флей (Fleay) въ своемъ *Shakspeare's Manual* p. 285 относитъ эту пьесу къ 1589. На основаніи ея эпиграфа „*Omne tulit punctum*“ который Гринъ дѣйствительно ставилъ на всѣхъ своихъ памфлетахъ, изданныхъ въ этомъ году. Не отрицая, что эпиграфы, употребленные Гриноу, имѣютъ значеніе для опредѣленія хронологіи его памфлетовъ, мы сомнѣваемся, чтобы этотъ критеріумъ могъ быть съ успѣхомъ примѣненъ къ его драматическимъ произведеніямъ по той простой причинѣ, что Гринъ самъ не издавалъ своихъ пьесъ, и стало быть выборъ эпиграфа къ *Іакову IV*, древнѣйшее изданіе котораго вышло только два года спустя послѣ смерти Грина, принадлежалъ не Грину, но издателю, который или поставилъ его зря или руководствовался соображеніями, намъ неизвѣстными. Колльеръ, принимая въ расчетъ явное пристрастіе къ рѣшамъ, обнаруживающееся во всей пьесѣ, повидимому склоненъ отнести ее къ болѣе раннему времени, когда Гринъ еще не вполне овладѣлъ бѣлымъ стихомъ и по старой привычкѣ обращался къ рѣмъ.

(¹⁴⁸) На заглавномъ листѣ изданіе 1598 стоитъ только *as it hath been sundrie times publikely plaide*.

(¹⁴⁹) „From what source—говоритъ Дэйсъ—our author derived the materials of this strange fiction I have not been able to discover; nor could Mr David Laing of Edinburgh, who is profoundly versed in the ancient literature of his country, point out to me any Scottish Chronicle or tract, which might have afforded hints to the poet for its composition.“ Голлиуэлъ (въ *Dictionary of Old English Plays*, London 1860 p. 131) говоритъ о пьесѣ Грина слѣдующее: „The design of this piece is taken from the history of that king, who lost his life in a battle with the English of Flodden Hill, in the beginning of the XVI century; for further particulars of which see Buckanan and other Scots historians.“ Послѣдовавъ совѣту маститаго англійскаго библіографа и археолога, мы внимательно просмотрѣли всю 23 книгу *Rerum Scotticarum historia* и пришли къ убѣжденію, что она осталась безъ всякаго вліянія на Грина. Достаточно было Грину заглянуть въ любую шотландскую или даже англійскую хронику, чтобы узнать оттуда, что событія, изображенные въ его драмѣ, не могли происходить въ

1520 г., какъ объ этомъ говорится въ прологѣ (in the year fiftene hundred and twenty was in Scotland a king, overruled by parasites, misled by lust etc.), потому что уже въ 1513 г. Іаковъ IV былъ убитъ въ сраженіи съ Англичанами. Мы не сомнѣваемся, что отъ самого поверхностнаго знакомства съ источниками много бы выиграла драма Грина. Одинъ изъ самыхъ слабыхъ пунктовъ пьесы—это плохо мотивированная любовь Іакова къ Идѣ, начавшаяся въ первый день его женитьбы на прекрасной англійской принцессѣ. Если бы Гринъ зналъ, что женитьба Іакова на дочерм англійскаго короля была дѣломъ политическаго расчета, что невѣсть въ день свадьбы едва исполнилось 12 лѣтъ (Pinkerton, *History of Scotland*, London 1797, vol. II, p. 40), то конечно, онъ не преминулъ бы выставить на видъ это обстоятельство, дѣлающее внезапно-вспыхнувшую страсть Іакова къ Идѣ болѣе понятной и извинительной.

(¹⁵⁰) Это древнѣйшее изданіе не дошло до насъ. Въ 1858 г. Томсъ (въ 1-мъ томѣ своихъ *Early English Prose Romances*) помѣстилъ *The famous historie of Fryer Bacon*, перепечатавъ ее съ изданія начала XVII столѣтія.

(¹⁵¹) До сихъ поръ неизвѣстно, какая пьеса древнѣе, *Бэконъ* Грина или *Фаустъ* Марло. Постоянное желаніе Грина превзойти Марло наводитъ на мысль, что его *Бэконъ* былъ вызванъ къ жизни необыкновеннымъ успѣхомъ *Фауста* Марло. Бернгарди (*Robert Greene's Leben und Schriften*, S. 34), сопоставивъ извѣстное мѣсто монолога Фауста, гдѣ онъ говоритъ о своемъ намѣреніи окружить всю Германію мѣдной стѣной съ слѣдующими словами Бэкона:

And hell and Hecate shall fail the friar,

But I will circle England round with brasse,

приходитъ къ заключенію, что Марло заимствовалъ эту подробность у Грина и что стало быть *Бэконъ* древнѣе *Фауста*. На это можно возразить, что Марло не зачѣмъ было дѣлать заимствованія у Грина, потому что въ народной книгѣ о Бэконѣ есть цѣлая глава о томъ, какъ Friar Bacon made a brassen head to speake, by the which he would have walled England about with brasse.

(¹⁵²) The Honorable Historie of frier Bacon and frier Bongay. As it was plaid by her Majesties servants. Made by Robert Greene. Maister of Art. London 1594.

(¹⁵³) Намекъ на статутъ Елисаветы, запрещающій носить безобразно-большія брыжки и слишкомъ длинныя шпаги. (См. въ *Curiosities of Literature* Дизраэли любопытную статью *Anecdotes of Fashion*).

(¹⁵⁴) A Pleasant conceited comedy of George a Greene, the Pinner of

Wakefield. As it was sundry times acted by the servants of the right honourable the Earle of Sussex. Imprinted at London by Simon Stafford for Cuthbert Burbie 1599. Въ *Registers* подъ 1 Апрѣля 1595 г. упоминается *An Enterlude called the Pinder of Wakefeilde*, но это изданіе не дошло до насъ. Издателемъ ея былъ тоже Cuthbert Burbie.

(¹⁵¹) Такъ между прочимъ Людвигъ Тикъ, переведшій *Вэкфильдскаго Полеваго Сторожа* въ 1-й части своего *Alt-Englisches Theater* (Berlin 1811) считалъ его однимъ изъ юношескихъ произведеній Шекспира, но въ послѣдствіи онъ измѣнилъ свое мнѣніе и въ предисловіи къ своей *Shakspeare's Vorschule* рѣшительно высказался въ пользу Грина.

(¹⁵⁶) На заглавномъ листѣ древнѣйшаго изданія *The Pinner of Wakefield*, Дэйсъ нашелъ слѣдующія двѣ рукописныя замѣтки, писанныя разными почерками, но безспорно относящіяся къ концу XVI или началу XVII в.

„Written by..... a minister, who acted
The Pinner's part in it himseef. Teste W.
Shakspeare.

И нѣсколько ниже:

Ed. Juby saith, it was made by R. Greene.

Дэйсъ, который, какъ мы видѣли раньше (см. Примѣчаніе 4) пытается отождествить Роберта Грина—драматурга съ придворнымъ капелланомъ Елисаветы, думаетъ, что слово *minister* есть эпитетъ къ стертому отъ времени имени нашего Роберта Грина. Но если бы передъ словомъ *minister* въ первой замѣткѣ стояло имя Грина-драматурга, то вторая замѣтка была бы совершенно излишня. Поэтому гораздо вѣроятнѣе предположить что существовали два мнѣнія о томъ, кто былъ авторомъ *Pinner of Wakefield*: одни приписывали ее по сходству имени священнику Роберту Грину, который будто бы игралъ въ ней главную роль и ссылались при этомъ на Шекспира; другіе напротивъ, опираясь на свидѣтельство Эдварда Джэбби, актера и драматурга, современнаго Грину, утверждали, что ее написалъ авторъ *Бэкона* и *Іакова IV*. Если допустить это предположеніе, то вторая замѣтка получаетъ свой *raison d'être*, какъ поправка первой.—Въ пользу Грина говорить еще то обстоятельство, что право на изданіе *Pinner of Wakefield* было приобрѣтено тѣмъ же самымъ книгопродавцемъ, который издалъ *Repentance* и *Orlando Furioso*.—

(¹⁵⁷) Она перепечатана Томсомъ во второмъ томѣ его *Early English Prose Romances*, London 1858 съ экземпляра начала XVIII в. Дэйсъ

основываетъ свое мнѣніе на томъ общезвѣстномъ фактѣ, что драматурги XVI в. обыкновенно заимствовали содержаніе своихъ произведеній изъ новеллъ и народныхъ книгъ. Противъ этого ничего нельзя сказать, тѣмъ болѣе что Гринъ—какъ мы видѣли—несомнѣнно основалъ своего *Бэкона* на народной книгѣ, но дѣло въ томъ, что повѣсть о Векфильдскомъ Полевомъ Сторожѣ, изданная Томсомъ, которую Дэйсъ считаетъ источникомъ пьесы Грина, и по языку и по авторскимъ приемамъ, мало походить на народную книгу; ее скорѣе можно назвать критической обработкой сказаній о Джорджѣ Гринѣ, потому что авторъ ея неоднократно ссылается на хроники, повѣряетъ ими народныя сказанія и т. п. Правда, что пьеса Грина представляетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поразительное сходство съ повѣстью, изданной Томсомъ, но это сходство естественнѣе объяснить тѣмъ, что Гринъ и авторъ повѣсти могли пользоваться одними и тѣми же источниками, или тѣмъ, что послѣдній, какъ думаетъ Ритсонъ, зналъ пьесу Грина.

(158) Нашъ въ предисловіи къ *Strange News* (London 1592) называетъ Грина *chief agent for the companie, for he writ more than four others.*

(159) „I was certified—пишетъ Гарвей въ своихъ *Four Letters*—that the *King of the paper stage* had played his last part and was gone to Tarlton.

(160) *Palladis Tomia, Wit's Treasury* London 1598.

(161) *..he* (т. е. Гринъ) *subscribing to me in any thing, but plotting plaies, wherein he was his craft's master* (Have with you to Saffron Walden London 1596). Припомнимъ кстати, что и Роберто въ *Groatsworth of Wit* были now famous for an arch—playmaking poet.

(162) Въ своемъ памфлетѣ *Knid-heart's Dreame* (London 1593) Четтль такъ выражается о Гринѣ: He was of singular pleasaunce, the very supporter, and to no man's disgrace be this intented, the only comedian or a vulgar writer in this country.

(163) Извѣстный противникъ театровъ, пуританинъ Госсонъ, бывшій нѣкогда самъ драматургомъ въ своихъ *Plays Confuted* (London 1588) жалуется, что the *Palace of Pleasure* (сборникъ итальянскихъ новеллъ въ англійскомъ переводѣ, изданный Пэнтеромъ въ 1566), *The Golden Ass* (т. е. Апулевъ Золотой Оселъ) *The Aethiopian history* (Гассонъ разумѣетъ извѣстный пастушескій романъ Геліодора, переведенный на англійскій языкъ въ 1577), *Amadis of Fraunce* (Амадисъ

Галльскій) and the *Rount Table* (романы Артурова цикла) etc... have been tho roughly raasacked to furnish the playhouses in London.

(¹⁶⁴) См. предисловія Четтля (To the Gentlemen's Readers) къ его памфлету *Kind-heart's Dreame*.

(¹⁶⁵) Подъ 7 марта 1591 Генсло упоминаетъ о представленіи Генриха VI труппой лорды Стрэнжа (*The Diary of Philip Henslowe ed. by Collier. London 1845, p. 22*).

(¹⁶⁶) Въ пьесѣ *Return from Parnassus*, изданной впервые въ 1606, по игранный студентами кэмбридскаго университета еще при жизни. Елисаветы въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ, знаменитаго актера Кэмпса, вложены слѣдующія слова: Few of the university pen plaies well; they smell too much of that writer Ovid and talke too much of Proserpina and Jupiter. Why heres our fellow Shakspeare puts them all downe and Ben Jonson too.

(¹⁶⁷) *The School of Shakspeare, edited with Introduction and notes and an account of R. Greenne, his prose works and his Quarells with Shakspeare. London 1878, 2 vol.*

(¹⁶⁸) Преданіе это, впрочемъ, выразилось, какъ рассказываетъ Мэллонъ, лишь въ томъ, что библіотекаръ Карла II велѣлъ переплести *Fair Em* вмѣстѣ съ другими подложными пьесами въ одинъ томъ и надписать *Shakspeare, vol. I*.

(¹⁶⁹) Филиппсъ въ своемъ *Theatrum Poetarum* (London 1675) включаетъ *Fair Em* на ряду съ многими другими пьесами, тоже отвергнутыми критикой, въ число произведеній Грина. Въ предисловіи Деліуса къ его изданію *Fair Em* (Pseudo-Shakspearesche Dramen. Fünftes Heft) изложена вся исторія вопроса о Fair Em до 1874 г.

(¹⁷⁰) Памфлетъ этотъ составляетъ величайшую библіографическую рѣдкость. Его не имѣетъ даже библіотека British Museum. Впрочемъ предисловіе къ нему перепечатано въ *British Bibliographer* vol. I, p. 39—41.

(¹⁷¹) Намекъ на изданную въ 1591 поэму Грина *A. Maiden Dream. Upon the death of sir Christopher Hatton*. Ее можно найти въ Дэйсовомъ изданіи произведеній Грина.

(¹⁷²) Вилль Соммерсъ былъ извѣстный шутъ короля Генриха VIII, славившійся своими остроумными, хотя нерѣдко довольно скромными выходками.

(¹⁷³) Halliwell, *A Dictionary of old Englih Plays*. London 1860. Sub voce.

(174) Будемъ называть его такъ въ отличіе отъ другаго Роберта Вильсона, его сына (1579—1610), тоже драматурга, написавшаго, сообщая съ Драйтономъ, Гесоз и др. нѣсколько пьесъ и которымъ такъ восхищался Миресъ, называя его: *Our worthy Wilson, for learning and extemporal wit without compare or compeer.*

(175) См. *Introduction* Колльера къ пяти изданнымъ имъ въ 1651 г. стариннымъ пьесамъ для *Roxburghe Club*. Оно перепечатано Гэзлитомъ. въ VI томѣ его изданія *Dodsley, Old English Plays. London 1874.*

(176) Госсонъ въ *Plays Confuted* такъ выражается о Вильсонѣ:.... Whether this be the practise of Poets in these dayes you may perceive by the drift of him that wrote the play termed the *Three Ladies of London*, which in the catastrophe maketh Love and Conscience to be examined how thrie good ladyshippes like of playes? Love answers that the deteeteth them, because her guttes are tourned outward and all her secret conveighaunce is blazed with colours to the peoples-eye. Conscience, like a kindhearted gentlewoman, doth allow them.

(177) Въ приходскихъ спискахъ церкви St. Giles, Cripplegate читаемъ: *buried, Robert Wilson, yoman, a player 20 Nov. 1600.* (Collier, *Memoirs of the Principal Actors. London 1846. Introduction p. XVIII.*)

(178) Не имѣя подъ рукой *Филомелы* Грина, мы передаемъ ея содержаніе по Донлопу, гдѣ впрочемъ оно изложено весьма обстоятельно.

(179) См. статью Делиуса *Lodge Rosalind und Shakspeare As You Like it* въ VI томѣ *Jahrbuch der deutschen Shakspeare-Gesellschaft.*

(180) Гринъ даетъ Эгисту въ жены дочь рускаго царя по всей вѣроятности потому, что въ концѣ XVI в. Россія уже начинала сильно интересоваться Англичанами. Помимо оживленныхъ дипломатическихъ сношеній начались тогда усиленные торговые сношенія; англичане, побывавшіе въ Россіи, по возвращеніи въ Англію рассказывали своимъ землякамъ разныя диковинки о нашемъ отечествѣ, учили ихъ русскимъ словамъ и фразамъ. Т. Нашъ въ своемъ памфлетѣ противъ Гарвея (*Have with You to Saffron Walden London. 1596*), говоритъ что онъ до тѣхъ поръ будетъ преслѣдовать своихъ враговъ, пока они не станутъ передъ ними на колѣна и не закричатъ по русски: помилуй насъ! „I will compell them to fall down and worship me ere I cease or make an end, crying upon their knees *Pomiloi nashe.*“ Онъ же въ другомъ мѣстѣ сообщаетъ извѣстіе о будто бы существующей при русскомъ дворѣ курьезной придворной должности. Then gather yourselves together in a ring and grand Consiliadoro be you the grand commander of Silence, which is a chiefe office in the Emperour of Russias court.—Въ одномъ писмѣ Джона Чэмберлена отъ 4 ноября 1602 г.

встрѣтилось намъ любопытное извѣстіе о прибытіи въ Лондонъ четырехъ русскихъ юношей съ цѣлью изученія англійскаго и латинскаго языковъ: "We have here foure youths come from Moscovie to learne our language and latin and are to be dispersed to divers schools at Westminster, Eaton, Cambridge and Oxford. (*J. Chamberlain's Letters during the reign of Elizabeth, ed. by Sarah Williams for Camden Society. London 1861*).

(¹⁸¹) Въ своей статьѣ *Zum Kaufmann von Venedig*, помѣщенной въ *Jahrbuch der deutschen Shakspeare Gesellschaft VI Band.*) О вліяніи *Эдуарда II* Марло на *Ричарда II* Шекспира см. *Предшественники Шекспира* стр. 287—8.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

(Къ стр. 23).

1) **Condemnation of Francis Kett for an heretick.**

(По рукописи Британскаго Музея *Lansd. Mss. N. 982, fol. 102*).

Articles of heretical Pravity objected by Edmund Scambler, Bishop of Norwich against Francis Kett, Master of Arts, late of Wymondham in the Dioc. of Norwich. A. D. 1588.

1) That the new Covenant promised is not yet established and that the Covenant, which you mean, is the Lawe of God written in our hearts and the forgiveness of our sinnes.

2) That there is no sufficient sacrifice past for the sinnes of the worlde, but that Christ shall offer it at the ende of the worlde.

3) That the Christ hath suffered only as Jesus already and shall suffer hereafter as Jesus Chyste.

4) That Chryste is now in his human nature gathering a church here in earth in Judea.

5) That this yeare of our Lord 1588 dyvers and fewes shall be sent into dyvers cuntryes to publishe the new covenant.

6) That Chryste (shall againe suffer and gyve his soule for the synne of the wordle before the last daye.

7) That Chryste shall comme before the ende of the world, before the last daye.

2) **Blasphemous Heresyes of one Kett.**

(По рукописи Англійскаго Государственнаго Архива *State Paper Office vol. CCXVII, fol. 11*).

1) That there is no church in England neither have the ministers any power or auctoritie to excommunicate, to bind or to lowse.

2) That Christ was not High Priest until his Assention into Heaven.

3) That the Holie Goste is not god, but an Holyspirite.

4) That there is no such persons and that God is no person.

5) That Christ is only man and synfull as other men are.

6) That Christ shall come before the last daie and raigne as as materiall Kynge uppon Mounte Syon at Jerusalem.

7) That he shall suffer there again as Jesus Christ and then to be without Synne.

8) That there shalbe two Resurrections one before the Judgement daie and an other at that daie.

9) That the soules of oll men are reserved in a sweete sleape untill the revelation of joye, when Christ comes unto his materiall at kingdom Jerusalem.

10) That there is no hell until that tyme shall come, specified of before.

11) That no Children ought to be baptized before their full age and to knowe what they should beleave.

12) That no man ought to be put to death for heresies, but that the wheate and jares should both grove together.

13) That no man as yeat doth preach the trewe Gospel of Christ.

14) That Christ, when he comes to be a materiall Kynge at Jerusalem, then and there will be make a new Covenante with his people.

15) That he is even gatheringe his people togeyser at Ierusalem in his owne personne.

СПИСОКЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ОПЕЧАТОКЪ.

Страница.	Строка. сверху	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
11	27	Ллода	Лорда
32	24	Ченстль	Четтль
38	23	подавленія	подавленіи
88	7	проницательные	провидательные
120	27	были	была
125	29	Сампсона	Симпсона
127	32	(144)	(143)
128	23	Сакрипонта	Сакрипанта
131	31	въ	на
151	10	Бэкона	Бонгея
158	6	Генело	Генсло
173	2	полевоиъ	полевыиъ

~~~~~
Bayerische
Staatsbibliothek
München

Списокъ възвѣдѣнныхъ оцѣнокъ

Средняя оцѣнка	Средняя оцѣнка	Средняя оцѣнка	Средняя оцѣнка
11	27	Лоды	Лоды
32	24	Пестля	Пестля
38	23	Полынь	Полынь
88	7	Полынь	Полынь
120	27	Полынь	Полынь
125	20	Полынь	Полынь
127	22	(113)	(111)
128	23	Полынь	Полынь
131	31	Полынь	Полынь
151	10	Полынь	Полынь
158	6	Полынь	Полынь
173	2	Полынь	Полынь

Средняя оцѣнка

Storoženko, Nikolaj Illič,

Robert Grin Ego žizn' i proizvedenija. Kritič. izslėd. Nikolaja Storoženka.
[Robert Greene]

Moskva 1878

Biogr. 3284 t

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11370402-4